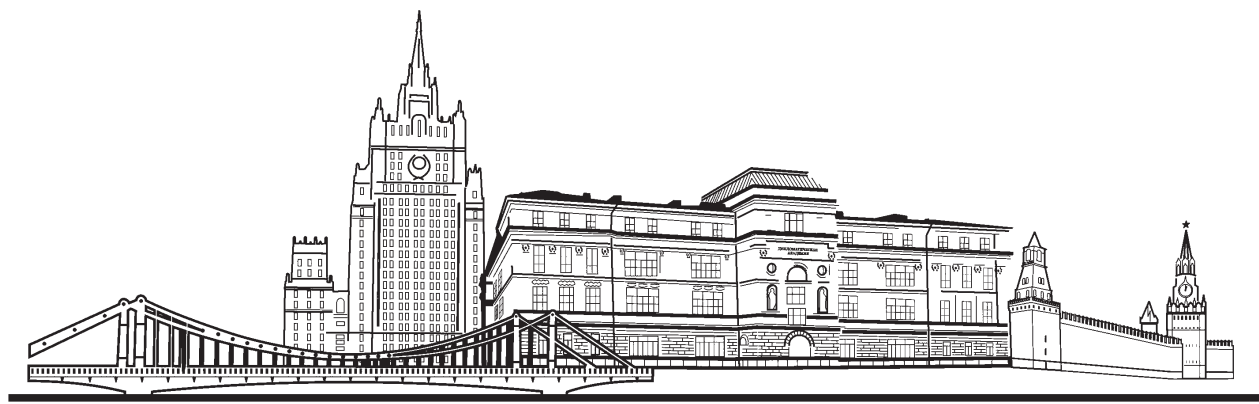

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В XXI ВЕКЕ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

**(МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ)**

**Москва
2018**

УДК: 327.7
ББК: 66.4(2Рос)

Рецензенты:

доктор политических наук, профессор О.П. Иванов

Редакционная коллегия:

д.ф.н, профессор М.А. Кукарцева,
к.ф.н. М.В. Грановская,
к.п.н. Д.О. Мосолова

Сборник включает в себя материалы Международной научно-теоретической конференции «Трансформация международных отношений в XXI веке: вызовы и перспективы», которая прошла 26 апреля 2017 г. в Дипломатической академии МИД России.

Сборник может быть интересен для широкого круга читателей, интересующихся актуальными вопросами международных отношений и мировой экономики.

УДК: 327.7
ББК: 66.4(2Рос)

ISBN 978-5-9500904-8-6

Екатерина Андреевна АНТЮХОВА

*Преподаватель кафедры сравнительной политологии факультета политологии
Московского государственного института международных отношений
(Университет) МИД России, к.п.н.*

e.antyukhova@gmail.com

«МЯГКАЯ СИЛА» КАК ИНСТРУМЕНТ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ НАТО В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В XXI ВЕКЕ

Работа выполнена по гранту РГНФ № 15-37-11128

Аннотация: Современное развитие системы международных отношений, тесно сопряжённое с ускорением процессов глобализации и появлением новых глобальных угроз, делает необходимым международное обсуждение принципов политической организации мира.

Важнейшую роль в данной связи играют механизмы публичной дипломатии, одной из главных задач которой является усиление сдерживающего фактора силового решения проблем в международных отношениях. В современных условиях публичная дипломатия становится важной структурной компонентой стратегии ведущих акторов мировой политики, к числу которых относится Организация Североатлантического договора (НАТО).

Наряду с традиционными методами силового воздействия большое внимание политическими стратегами Альянса уделяется совершенствованию применения принципиально новых инструментов, среди которых на первом месте стоят механизмы «мягкой силы».

Статья посвящена внешнеполитической деятельности НАТО, являющейся одним из ведущих акторов мировой политики, по использованию Альянсом механизма «мягкой силы» как эффективного инструмента публичной дипломатии военно-политического блока в условиях трансформации международных отношений в XXI веке с целью создания своего позитивного имиджа и формирования у международной общественности определенных мировоззренческих установок.

Ключевые слова: публичная дипломатия, «мягкая сила», трансформация международных отношений, информационные механизмы, НАТО.

ANTYUKHOVA E.A.

*Federal state autonomous institution of higher education «Moscow State Institute
of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian
Federation»*

«SOFT POWER» AS THE INSTRUMENT OF THE NATO PUBLIC DIPLOMACY UNDER THE CONDITIONS OF TRANSFORMATION OF THE INTERNATIONAL RELATIONS IN THE XXI-ST CENTURY.

Annotation. The modern development of the system of international relations, which is closely inherent in acceleration of the processes of globalization and emergence of new global threats, makes the international discussion of the principles of the political organization of the world necessary.

The most important role in this connection is played by the mechanisms of public diplomacy, one of the main tasks of which is strengthening of the limiting factor of the solution of problems by force in the international relations. In the current context public diplomacy becomes an important structural component of the strategy of the leading actors of the world politics among which is the North Atlantic Treaty Organization (NATO).

Alongside with the traditional methods of power influence the political strategists of the Alliance pay much attention to the improvement of the use of essentially new tools among which the mechanisms of «Soft Power» come first.

The report is devoted to the foreign policy activity of NATO, one of the leading actors of world politics, on the use of the «Soft Power» mechanism as an effective tool of public diplomacy of the military-political block under the conditions of transformation of the international relations in the XXI-st century with a view to creating the positive image and formation of certain worldview attitudes of the international community;

Keywords: public diplomacy, «Soft Power», transformation of international relations, information mechanisms, NATO.

Современное развитие системы международных отношений, тесно сопряжённое с ускорением процессов глобализации и появлением новых глобальных угроз, делает необходимым международное обсуждение принципов политической организации мира. Сегодня, в условиях, когда «мир претерпевает трансформацию, обусловленную масштабной трансграничной активностью», когда появляются новые акторы, бросающие вызов современной политической организации мира, важно использование таких методов воздействия на общественное сознание, которые являлись бы достаточно эффективным инструментом, позволяющим достичь поставленных целей во внешнеполитической деятельности государства¹.

Важнейшую роль в данной связи играют механизмы публичной дипломатии, одной из главных задач которой является усиление сдерживающего фактора силового решения проблем в международных отношениях. В современных условиях публичная дипломатия становится важной структурной компонентой стратегии ведущих акторов мировой политики, к числу которых относится Организация Североатлантического договора (НАТО).

В своём стремлении к глобальному доминированию США и НАТО стремятся использовать гибкую и комплексную стратегию военно-политического влияния. Наряду с традиционными методами силового воздействия большое внимание политическими стратегами Альянса уделяется совершенствованию применения принципиально новых инструментов, среди которых на первом месте стоят механизмы «мягкой силы». Их важнейшее преимущество состоит в возможности не принуждать оппонента к определённому рода действиям, а привлекать его на свою сторону с помощью убеждения, создавая при этом психологически выгодную атмосферу взаимопонимания. Как отмечает в данной связи профессор университета Южной Калифорнии Филипп Сейб, «НАТО должна проводить свое влияние через «мягкие формы», чтобы оправдать свою жесткую силу»².

На современном этапе использование механизмов «мягкой силы» как инструмента публичной дипломатии НАТО предполагает формирование у широкой международной общественности определённых мировоззренческих установок, а также формирование позитивного образа Североатлантического союза как транспарентной, современной и успешной международной организации, дружелюбно настроенной по отношению к большинству других международных акторов.

Одной из особенностей применения «мягкой силы» Североатлантическим альянсом является воздействие на различные сегменты гражданского общества других государств. Приоритетным направлением в данной связи являются различ-

¹ Лебедева М.М. Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов // Международные процессы. 2015. Том 13. № 4(43). С.45–56.

² Pagovski Z.Z. Public diplomacy of Multilateral organizations: the cases of NATO, EU and ASEAN // Fuguero Press.2015.

ные форматы работы с молодёжной аудиторией. С этой целью структурами Альянса организуется и финансируется комплекс мероприятий, включающий специальные стипендиальные программы, проведение конференций, семинаров, практикумов, летних школ, имеющих целевую направленность. К числу примеров такого рода можно отнести регулярно функционирующую Летнюю школу в Словакии и Украине, в рамках которой реализуется программа подготовки специалистов в области европейской и евроатлантической интеграции. В настоящее время в рамках реализации данного направления Альянсом создана целая система взаимодействующих между собой организаций, известная под наименованием «Молодая сеть НАТО»¹.

Важным каналом воздействия НАТО на различные компоненты гражданского общества является работа с различного рода неправительственными организациями, университетскими и научными центрами, структурами масс-медиа. В данной связи, Департаментом публичной политики осуществляется большое количество грантовых проектов, реализуются программы оказания спонсорской помощи для проведения массовых мероприятий в области публичной дипломатии по направлениям, связанным со стратегическими приоритетами Североатлантического Альянса. Новой важной формой стратегических коммуникаций НАТО является апробация мероприятий, связанных с популяризацией различных аспектов западной культуры. Весь перечень данных мероприятий, осуществляемых различными структурными подразделениями Альянса, носит, в первую очередь, имиджевый характер и направлен на формирование определённых ценностных установок у той или иной целевой аудитории.

Взаимодействие специальных структур НАТО с различными сегментами международной общественности носит системный и целенаправленный характер. Департаментом публичной политики Североатлантического Альянса ежегодно проводится около полутора сотен мероприятий информационно-пропагандистского характера. Они нацелены на долгосрочную перспективу и имеют своей целью формирование нужного общественного мнения через развитие диалога между экспертами в области безопасности, политиками, бизнесменами и представителями различного рода неправительственных организаций. Важной составляющей данных мероприятий является поддержание и стимулирование интереса к трансатлантическим процессам в различных слоях общества, в особенности, среди молодёжи. В 2013 г. Департаментом публичной политики НАТО совместно с Объединённым Центром Анализа был подготовлен специальный документ, получивший наименование «Рамки стратегического планирования и оценки публичной дипломатии»². Основной его задачей являлось введение чётких критериев для точной оценки итогов и повышения результативности деятельности в области информационно-психологической политики Альянса.

Задача совершенствования информационных механизмов, составляющих важнейшую компоненту «мягкой силы» НАТО была ещё более актуализирована руководством Альянса вследствие обострения отношений с Россией в 2014 г. В данной связи особо возросла роль расположенного на территории Латвии «Стратегического коммуникационного центра превосходства НАТО» («The NATO Strategic Communications Center of Excellence» или STRATCOM), призванного иг-

¹ *Манойло А.В.* Психологические операции: модели и технологии управления конфликтами. // Политэксп (Политическая экспертиза). – 2008. – № 3. – С. 62–73.

² *Бартош А. А.* Эволюция публичной дипломатии НАТО // <http://viperson.ru/articles/evolyutsiya-publichnoy-diplomatii-nato> (дата обращения: 27.01.2017).

рать роль «передового звена» в системе средств информационно-психологического воздействия Альянса.

Аналізу применения структурами НАТО различных компонентов «мягкой силы» и использования средств стратегических коммуникаций была посвящена состоявшаяся 20–21 августа 2015 г. в Риге конференция под названием «Вопросы восприятия». В ней приняли участие более двухсот западных специалистов в области обороны и коммуникации. Как отмечает американский журналист Д. Норт «многие из них рассматривают информацию не как некий нейтральный фактор, необходимый для просвещения общества и развития демократии, но как оружие «мягкой силы» для применения против противника»¹.

«Мягкая сила» рассматривается руководством Альянса как важное дополнение к «жёсткой силе», используемой для развития собственной военно-политической структуры, а также осуществления обязательств в сфере обеспечения коллективной безопасности. Механизмы «мягкой силы» широко применяются для налаживания отношений с другими государствами, а также в деятельности по предотвращению и урегулированию международных конфликтов. В последний период перечень мероприятий в сфере стратегических коммуникаций НАТО был существенно расширен за счёт включения в них различного рода научных исследований, образовательных контактов, пропагандистских мероприятий, осуществляемых, в том числе, с широким привлечением социальных сетей. Характерным примером такого рода является деятельность корпоративного сайта www.nato.int, содержащего отдел новостей, выпускающий пресс- релизы с новостями, выступлениями официальных лиц Альянса, а также содержащий аудиовизуальную библиотеку. Сайт предоставляет возможность рассылки информационных сообщений по электронной почте, а также просмотра телевизионных программ НАТО-TV.

Структурами Североатлантического Альянса продемонстрирована высокая эффективность информационного влияния на активных и опосредованных участников общественно-политических протестов в других странах. В соответствии с экспертными оценками специалистов в области информационно-психологического воздействия, комплексное и системное применение широкого спектра информационных ресурсов, которыми обладает НАТО, позволяет ей реализовывать масштабные цели в области манипулирования общественным мнением. Конечной целью данной стратегии может быть полная трансформация ценностей широких социальных слоёв, а также контроль над восприятием и поведением определённых целевых аудиторий. В условиях вступления человечества в информационную эпоху, руководство военно-политического блока рассматривает превосходство в информационной сфере как важнейший фактор превосходства над потенциальными противниками.

При ключевом финансовом участии США в 2000-х гг. было осуществлено около трехсот пятидесяти международных программ в области образования, культуры и информационных контактов в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. Главной их целью обозначалось содействие продвижению демократических процессов в регионе. Все они были объединены в рамках масштабного проекта под названием «Инициатива поддержки партнерства на Ближнем Востоке» (Middle East Initiative Partnership). Ключевая роль в его реализации принадлежала Отделу по делам Ближнего Востока Госдепартамента, а также Агентству международного

¹ Дон Норт. США и НАТО используют по максимуму психологические операции и приёмы информационной войны // <http://inosmi.ru/world/20150910/230185708.html> (дата обращения 27.02.2017).

развития и другим ведомствам. В качестве основного средства реализации демократических преобразований в стратегически важном для США и НАТО регионе обозначалась смена политического устройства путём подготовка альтернативных политических лидеров, формирование лояльных, демократически настроенных общественных движений, а также новых партийных структур. С этим основным направлением были также тесно связаны задачи проведения преобразований в сфере экономики и образования, предполагающих либерализацию экономических процессов и переход на американские образовательные стандарты¹.

Современные реалии развития международной системы позволяют сделать вывод о том, что значение механизмов «мягкой силы» во взаимоотношениях акторов мировой политики будет неуклонно возрастать. Данная тенденция связана, в первую очередь с тем, что использование исключительно насильственных средств реализации собственных интересов становится невозможным даже для крупных государств и влиятельных международных организаций.

Шаги, предпринимаемые руководством Североатлантического Альянса, а также содержание принятых в последний период программных документов свидетельствуют о твёрдом намерении руководства НАТО сделать ставку на дальнейшее совершенствование механизмов применения «мягкой силы», в первую очередь, с помощью различных технологий информационно-пропагандистской деятельности. В рамках реализации своей стратегии в данной сфере, структуры Альянса весьма успешно сочетают как осуществление коммуникации посредством СМИ, так и использование различных форматов непосредственного общения, рассчитанные как на широкую общественность, так и на конкретные целевые группы. Основным её содержанием продолжает оставаться комплексное использование всей доступной совокупности информационных ресурсов, а также культурных инструментов в целях формирования привлекательного собственного позитивного имиджа, а также воздействия на структуры гражданского общества как в странах, относящихся к партнёрам Альянса, так и в государствах, причисляемых к его оппонентам. Серьёзный опыт, накопленный структурами НАТО в данной сфере требует детального и всестороннего анализа, а также разработки адекватных мер информационного противодействия со стороны России и её союзников.

Список литературы

1. *Бартош А. А.* Эволюция публичной дипломатии НАТО // <http://viperson.ru/articles/evolyutsiya-publichnoy-diplomatii-nato> (дата обращения: 27.01.2017).
2. *Дон Норт.* США и НАТО используют по максимуму психологические операции и приёмы информационной войны // <http://inosmi.ru/world/20150910/230185708.html> (дата обращения 27.02.2017).
3. *Лебедева М.М.* Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов // *Международные процессы.* 2015. Том 13. № 4(43). С.45–56.
4. *Манойло А.В.* Психологические операции: модели и технологии управления конфликтами. // *Политэкс (Политическая экспертиза).* — 2008. — № 3. — С. 62–73.
5. *Colin S. Gray.* *Hard Power and Soft Power: The Utility of Military Force as an Instrument of Policy in the 21st Century.* SSI Monograph, 2011.
6. *Pagovski Z.Z.* *Public diplomacy of Multilateral organizations: the cases of NATO, EU and ASEAN* // Fuguero Press.2015.

¹ *Colin S. Gray.* *Hard Power and Soft Power: The Utility of Military Force as an Instrument of Policy in the 21st Century.* SSI Monograph, 2011

Александр Анатольевич СЕРГУНИН

*доктор политических наук, профессор факультета международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета*

sergunin60@mail.ru.

О СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУССИЯХ ПО ПОВОДУ РЕФОРМЫ ООН

Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного Российским научным фондом (№ 16-17-10085).

Аннотация: В данной статье предпринята попытка анализа современных дискуссий относительно реформы ООН. Выделяются две основные группы специалистов по ООН, которые различаются своими подходами к реформированию данного международного института — «традиционалисты» и «реформисты». Первые считают, что ООН в целом справляется со своими задачами, и нет необходимости что-то радикально менять в её работе. «Реформисты» верят в то, что ООН постепенно превращается в орган глобального управления, что предполагает серьёзные изменения как в структуре, так и функциях этой важнейшей международной организации. И хотя «реформисты» пока не преуспели в реализации большинства своих идей на практике, они выполняют важную функцию тем, что они инициируют дискуссии о необходимости совершенствования работы ООН и выступают в роли источника инновационных идей.

Ключевые слова: ООН, реформа, дискуссии

A.A. SERGUNIN

Ph.D. (political science), professor, Faculty of International Relations, St. Petersburg State University,

ON THE PRESENT-DAY DISCUSSIONS ON THE UN REFORM

Annotation: This article aims to examine the present-day discussions on the UN reform. There are two groups of the UN specialists who differ by their approaches to this international institution's reform — «traditionalists' and «reformists». The first group considers that, in general, the UN does pretty well and there is no need to radically change its work. The «reformists' believe that the UN is being gradually transformed into the organ of global governance which presupposes rather serious changes in the structure and functions of this important organization. Although the «reformists' were unable to implement most of their ideas in practice, they fulfill a rather important function by initiating discussions on the need to improve the UN and by being a source of innovative ideas.

Keywords: UN, reform, discussions.

.....

Необходимость регулярной перестройки деятельности ООН и её институциональной структуры понимается большинством как практиков, так и представителей академического сообщества. Однако вопрос о конкретных перспективах развития ООН трактуется ими далеко неоднозначно. Так, одни эксперты предпочитают говорить о кризисе ООН, её «бесполезности», о том, что она служит «прикрытием» воли наиболее сильных держав или коалиций государств, и о том, что у этого «бюрократического монстра» нет будущего. Другие, соглашаясь с первой точкой зрения относительно тезиса о нынешнем кризисе ООН, всё же считают, что после радикальной реформы этой организации она сможет эффективно работать в быстро меняющемся мире. Наиболее радикальные школы политической мысли (например, федерализм) даже видят в ООН «зачаток» мирового правительства и предлагают ра-

ботать над созданием такового на основе именно данной универсальной организации.

В данной статье предпринята попытка анализа основных подходов к реформированию данной организации.

Среди специалистов по ООН можно условно выделить две группы учёных и экспертов, различающихся своим отношением как к перспективам развития ООН в целом, так и необходимости её реформирования в частности. Одна группа, которую можно назвать «традиционалистами», считает, что ООН в целом достаточно эффективно выполняет свои функции и не нуждается в радикальных реформах. Нужно лишь внести «косметические» изменения в некоторые процедуры её работы, а также деятельность её отдельных руководящих органов и специализированных учреждений. Главное же — это достижение согласия между постоянными членами Совета безопасности (СБ) ООН, от которых зависит эффективность работы всей организации в целом. «Традиционалисты» по-прежнему видят в ООН классическую межгосударственную организацию, которая должна строить свою работу на основе конструктивного консенсуса между главными «игроками» в рамках этого многостороннего института. В теоретическом плане эта группа фактически продолжает отстаивать в слегка изменённом виде концепцию «концерта держав». По их мнению, только эта модель мироустройства, основанная на сотрудничестве наиболее сильных держав мира, способна обеспечить безопасность и стабильность в глобальном масштабе.

Вторая группа, условно называемая «реформистами», считает, что ООН переживает в своём развитии качественно новый этап. Из типичной межгосударственной организации она постепенно трансформируется в основной институт глобального управления. Это сказывается и на её функциях. От таких вопросов, как развитие, привлечение внимания к экологическим проблемам, оказание помощи развивающимся странам, разрешение конфликтов, миротворчество, обеспечение коллективной безопасности, она переходит к решению принципиально новых задач и глобальному регулированию экономических, финансовых, экологических процессов, координации усилий человечества по борьбе с последствиями изменения климата, обеспечению устойчивого развития, превентивной дипломатии, постконфликтному построению мира и пр.

Основные пункты, по которым «реформисты» ведут критику ООН, включают следующие моменты:

- Чрезмерная зависимость от основного спонсора и государства, на территории которого находится штаб-квартира организации — США.
- Бюрократизированность института, которая все возрастает.
- Неадекватное представительство государств, игнорирование возросшей роли новых экономических и политических лидеров, неравная представленность разных регионов мира.
- Отсутствие оперативности в реагировании на международные конфликты.
- Неэффективность в реализации принятых решений.
- Превращение в арену для столкновения интересов нескольких крупных государств и, как следствие, неспособность выработать согласованные подходы.

«Реформисты» подчёркивают, что речь идет о неготовности института приспособиться к изменившимся реалиям в мировой политике и, как следствие, постепенной утрате его востребованности и авторитета. Три этих аспекта — современность, авторитет, востребованность — тесно взаимосвязаны и либо укрепляют, либо усугубляют влияние друг друга.

При всех различиях в подходах к реформе ООН её сторонники согласны по следующим моментам:

- Реформы должны иметь своей главной целью существенное повышение эффективности организации, а не только сокращение её бюджета и штата чиновников.
- Главный импульс для реформ может исходить только от государств-членов этой организации, так как рассчитывать на способность ООН реформироваться изнутри не приходится из-за сопротивления бюрократии.
- Хотя никакие структурные изменения ООН невозможны без предварительной договорённости между основными её членами (в первую очередь, между постоянными членами СБ ООН), эти реформы должны быть основаны на принципах демократии и открытости, то есть предполагают вовлечение малых и средних государств, а также негосударственных организаций в их разработку и осуществление.
- Приоритет должен отдаваться тем областям деятельности ООН, где легче достичь единства мнений о характере и направленности реформ.
- Реформы не должны составлять единого пакета, их осуществление — скорее процесс, чем единовременный акт.

Вместе с тем, между экспертами существуют серьезные расхождения относительно очередности реформ, степени их радикальности и их характера. Среди конкретных направлений реформирования ООН приоритет отдаётся преобразованиям в таких областях, как:

Изменения в полномочиях и организации деятельности Генерального Секретаря и Секретариата ООН.

- Изменение состава и численности Совета безопасности ООН, а также системы представительства в нём.
- Реформа процедур работы и структуры Генеральной ассамблеи ООН с целью повышения эффективности её деятельности.
- Совершенствование деятельности специализированных учреждений ООН.
- Более активное подключение к деятельности ООН негосударственных акторов, более точное определение их статуса и сферы компетенций.
- Изменения в характере и направлениях миротворческой деятельности ООН, в частности, реализация концепции «обязанности защищать».

Необходимо отметить, что сторонниками реформы ООН этой организации отводится ключевая роль как в становлении нового миропорядка, так и управлении им на этапе консолидации нарождающейся системы международных отношений. Для них важно не допустить развитие неуправляемых, хаотичных процессов в этот ответственный период мировой истории, и в этом контексте ООН видится им надёжным инструментом обеспечения международного правопорядка и стабильности.

Для «реформистов» важно не просто адаптировать ООН к меняющимся международным условиям, а трансформировать её в качественно новый институт способный адекватно реагировать на, а ещё лучше — предвосхищать грядущие вызовы. Именно по этой причине неоллибералы предлагают не только реформы отдельных органов, процедур или функций ООН, а системную реорганизацию структуры, полномочий и сфер деятельности этого института. Только в этом случае удастся превратить ООН в зачаток системы глобального управления, имеющей несколько уровней и налаженный механизм взаимодействия с разнотипными субъектами мировой политики — государственными и негосударственными.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что предложения сторонников реформирования ООН встречают упорное сопротивление как со стороны других школ политической мысли, так и со стороны политиков-практиков и отдельных государств-членов ООН. Противники трансформации ООН не только выступают против конкретных

предложений «реформистов», но и не разделяют их видение роли и места ООН в будущем мироздании, включая саму идею глобального управления и ведущей роли ООН в нём. Приходится констатировать тот факт, что оппонентам «реформистов» пока удаётся достаточно успешно саботировать их планы по радикальному изменению ООН.

Отсутствие прогресса в реализации инициатив по реорганизации ООН, а зачастую и их полный провал, могут объясняться не только сопротивлением их идейных противников, но и несовершенством, а то и очевидной ошибочностью самих этих предложений. К наиболее ярким примерам таких, мягко говоря, «неудачных» инициатив относится, например, упоминавшаяся концепция «обязанность защищать» — как сама она, так и особенно её имплементация. Трудно не согласиться с критиками различных вариантов реформы ООН в том, что «авторам» подобных реорганизационных планов зачастую не хватает элементарного реализма и умения согласовывать свои представления о будущем ООН с действительностью. Подчас «реформистам» не хватает умения просчитывать возможные последствия предлагаемых изменений, прежде всего, в плане того, как они скажутся на эффективности деятельности ООН и авторитете этой организации.

В то же время «реформисты» — вольно или невольно — выполняют важную функцию в общемировых дебатах по вопросу о будущем ООН, инициируя обсуждение тех или иных проектов реформ, выдвигая различные альтернативные предложения и заставляя оппонентов оттачивать свою аргументацию в спорах и корректировать избранный курс. В этом качестве «реформисты» и в будущем сохранят свою роль «застрельщиков» дебатов о перспективах развития ООН и источника инновационных идей в этой области.

Ричард ВАЙЦ

Эксперт Международного дискуссионного клуба «Валдай», профессор Института Хадсона (США), доктор политологии.

weitz@hudson.org

ПРЕОДОЛЕНИЕ БАРЬЕРОВ НА ПУТИ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЮ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

Аннотация: Диалог США и России по разоружению зашел в тупик с тех пор как Вашингтон и Москва в 2010 подписали договор СНВ-III. Оба правительства обвиняют друг друга в нарушении существующих соглашений и уже давно имели разногласия в том, как добиться прогресса по контролю над вооружениями. С учетом того, что составление нового двустороннего договора по контролю над вооружениями в ближайшее время маловероятно, российско-американские усилия в этой сфере в лучшем случае могут сосредоточиться на достижении ограниченных договоренностей в областях, представляющих общий интерес, которые не потребуют ратификации новых официальных договоров или юридически обязывающих соглашений. Прогресс возможен по региональным вопросам нераспространения ядерного вооружения, таким как иранская и северокорейская проблематика, по усовершенствованию безопасности ядерных материалов и технологий против получения ОМУ террористами, по укреплению доверия и прозрачности, а также по сотрудничеству, направленному на то, чтобы сделать гражданскую ядерную энергетику более безопасной.

Ключевые слова: разоружение России и США, российско-американские отношения.

Richard WEITZ

PhD., Senior Fellow and Director of the Center for Political-Military Analysis at the Hudson Institute in Washington, DC, expert of the Valdai Club.

OVERCOMING BARRIERS TO RUSSIAN-U.S. NONPROLIFERATION COOPERATION

Annotation: The U.S. – Russian disarmament dialogue has been stalemated since Washington and Moscow adopted the 2010 New START treaty. Both governments have accused the other of violating existing agreements, and both have long disagreed on how to achieve further arms control progress. Given that a major new bilateral arms control treaty anytime soon is improbable, U.S. – Russian arms control efforts can at best focus on achieving limited deals in areas of shared interest that would not require ratifying new formal treaties or legally binding agreements.

Keywords: Disarmament of Russia and the U.S., Russian-American relations.

.....

Во время визита Министра иностранных дел Сергея Лаврова в Вашингтон в мае 2017 г. (ставшего первым визитом после пятилетнего перерыва), обсуждения были сосредоточены на Сирии, Украине и проблеме терроризма – но тема контроля над вооружением осталась вне повестки дня. Это было неудивительно, хотя и разочаровывающе. Диалог США и России по разоружению зашел в тупик с тех пор, как Вашингтон и Москва в 2010 подписали договор СНВ-III, который ограничивает стратегические ядерные силы обеих сторон. Обе стороны обвиняют друг друга в нарушении существующих соглашений, в частности, Договора о ликвидации ракет

средней и меньшей дальности (РСМД) и имеют разногласия относительно будущих переговоров по контролю над вооружениями.

Еще до кризиса на Украине обе страны имели разногласия в том, как добиться прогресса по контролю над вооружениями. Администрация Обамы хотела продолжить сокращение российских и американских стратегических носителей, ограничить количество «неразвернутых» стратегических ядерных боеголовок, а также охватить будущими договоренностями «нестратегические» (так называемые «тактические») ядерные вооружения. В отличие от этого, российская сторона призывала к юридически обязывающим ограничениям по ПРО, ограничению разнообразия неядерных сил и присоединению других стран к будущим соглашениям по контролю над вооружениями между Россией и США. Например, президент России В.В. Путин критиковал политику США в области ПРО и другие военные действия США как отражающие стремление США к «абсолютной безопасности», а не равной безопасности для всех государств.

Гонка ядерных вооружений

И президент России В.В. Путин, и президент США Д. Трамп заявили, что они будут укреплять ядерные силы своих стран. В своей пресс-конференции, приуроченной к окончанию года, В.В. Путин сказал, что «мы проделали очень большую работу по модернизации ракетно-ядерного потенциала Российской Федерации, наших Вооруженных Сил. Это касается и РВСН, Ракетных войск стратегического назначения, то есть тех, которые расположены на суше. Это касается морской составляющей, известно, мы же ничего не скрываем. Вводятся в строй новые атомные подводные лодки стратегического назначения с новыми типами ракет на борту. Это касается и авиационной составляющей. И по носителям, то есть по самолетам и по ударным системам которые у них под крылом»¹.

Министр обороны Сергей Шойгу недавно подтвердил, что почти все ядерные силы России будет модернизированы в ближайшие несколько лет. По различным сообщениям прессы, Россия разрабатывает тяжелую жидкостную межконтинентальную баллистическую ракету (МБР) «Сармат», мобильный твердотопливный ракетный комплекс «Рубеж», модернизированную версию стратегического бомбардировщика Ту-160 (по кодификации НАТО – Blackjack), боевой железнодорожный ракетный комплекс с системой МБР «Баргузин», беспилотную подводную систему доставки дальнего радиуса действия, которая будет оснащена боеголовкой с усиленной радиационным зарядом и гиперзвуковой системой доставки. Россия уже разворачивает новые стратегические ракеты, такие как РС-24, подводную лодку класса «Борей», оснащенную ракетным комплексом Р-30 «Булава» (по кодификации НАТО – РСМ-56).

23 февраля 2017 г. в интервью агентству Рейтер, президент Д. Трамп заявил, что Соединенные Штаты «отстали в области ядерного вооружения». Он пояснил, что он мечтает когда-нибудь навсегда ликвидировать ядерное оружие во всем мире, но если [другие] страны собираются обладать ядерным оружием, мы будем сохранять свое техническое превосходство. Трамп назвал российско-американский договор СНВ-III, ограничивающий стратегические наступательные системы большого радиуса действия, «плохой сделкой.» Во время своего телефонного разговора с Пу-

¹ Большая пресс-конференция Владимира Путина 2016. Онлайн-репортаж, [1tv.ru](http://www.1tv.ru/shows/vystupleniya-prezidenta-rossii/bolshaya-press-konferenciya-2016/bolshaya-press-konferenciya-vladimira-putina-2016-onlayn-reportazh), <http://www.1tv.ru/shows/vystupleniya-prezidenta-rossii/bolshaya-press-konferenciya-2016/bolshaya-press-konferenciya-vladimira-putina-2016-onlayn-reportazh> 23 декабря 2016.

тиным 28 января Трамп сказал, что он не будет продлевать новый СНВ-III после истечения его срока действия в 2021. 22 декабря, он написал в Твиттере, что Соединенные Штаты «должны значительно укреплять и расширять свой ядерный потенциал до тех пор, пока весь мир не придет в чувство в отношении ядерного оружия». На следующий день Трамп дополнил предыдущее высказывание, объявив, что «Соединенные Штаты должны значительно укрепить и расширить свои ядерные возможности», и что он не остановится перед «гонкой вооружений [так как] ... мы превзойдем их на каждом этапе и продержимся дольше всех.»

Президент Д. Трамп, вероятно, продолжит планы администрации Обамы по развитию следующего поколения ядерных сил США, в том числе новой МБР, стратегического бомбардировщика и подводной лодки, оснащенной баллистическими ракетами. Тем не менее, эта модернизация займет десятилетия, поэтому Вашингтон должен быть заинтересован в договоре СНВ-III или других ограничениях на российские ядерные силы. По крайней мере в течение следующих девяти лет, которые охватывает договор СНВ-III (если обе стороны в соответствии с одной из поправок согласятся продлить его на пять лет после истечения срока действия договора в 2021), Россия может легко и в короткие сроки увеличить размер своего ядерного потенциала в соответствии с продолжающейся программой ядерного перевооружения, которая добавляет десятки новых средств стратегической доставки российским стратегическим ядерным силам, заменяя системы советской эпохи.

Трамп назвал предполагаемое нарушение Россией договора РСМД «большим делом», которое он затронет во время переговоров с Путиным, когда они встретятся. Договор РСМД, подписанный в 1987 году президентом США Рональдом Рейганом и советским генеральным секретарем Михаилом Горбачевым, ликвидировал все баллистические и крылатые ракеты наземного базирования средней дальности (500–5500 км). Тем не менее, согласно отчету о соблюдении контроля над вооружениями государственного департамента США от 2014 г., Россия нарушила данный договор. В недавних сообщениях Американских СМИ утверждается, что Россия разработала, испытала и начала развертывание этих запрещенных крылатых ракет наземного запуска. Москва опровергла эти утверждения и начала обвинять Вашингтон в нарушении договора.

Какие есть возможности?

Учитывая эти разногласия и то, что Путин и Трамп, очевидно, считают умеренную российско-американскую гонку стратегических вооружений терпимой, заключение нового двустороннего договора по контролю над вооружениями в ближайшее время маловероятно. Возобновление совместных двусторонних проектов по уменьшению угрозы в России также сомнительно, учитывая отказ Москвы разрешить подрядчикам работать в России и ее отказ от традиционной модели программы Нанна-Лугара.

Таким образом, в течение следующих нескольких лет, российско-американские усилия по контролю над вооружениями в лучшем случае могут сосредоточиться на достижении ограниченных договоренностей в областях, представляющих общий интерес, которые не потребуют ратификации новых официальных договоров или юридически обязывающих соглашений. Прогресс возможен по региональным вопросам нераспространения ядерного вооружения, таким как иранская и северокорейская проблематика, по усовершенствованию безопасности ядерных материалов и технологий против получения ОМУ террористами, по укреплению доверия

и прозрачности, а также по сотрудничеству, направленному на то, чтобы сделать гражданскую ядерную энергетику более безопасной.

Например, Вашингтон и Москва могут укрепить глобальную инициативу по борьбе с актами ядерного терроризма, которая поддерживает международную подготовку, учения, а также обмен опытом для повышения профилактики, выявления и реагирования на ядерные инциденты, инициированные негосударственными субъектами. Россия и Соединенные Штаты также могут поспособствовать улучшению выполнения резолюции 1540 Совета Безопасности ООН, которая обязывает все правительства создать экспортный контроль над компонентами оружия массового уничтожения и криминализировать деятельность по распространению оружия массового уничтожения.

Через двустороннее и многостороннее сотрудничество Москва и Вашингтон могут создать более безопасные и надежные коммерческие ядерные технологии. Например, они могут предложить подготовку человеческого капитала, помощь в области нормативно-правовой базы, а также другую поддержку государствам, рассматривающим возможность запуска новых ядерно-энергетических программ, чтобы помочь им избежать несчастных случаев и защитить их ядерный материал и инфраструктуру. Кроме того, они могут сотрудничать более тесно для поддержки нового банка ядерного топлива Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), находящегося в Казахстане, который обеспечит альтернативу странам, стремящимся получить технологии по производству ядерного топлива, которые могут быть использованы для создания ядерного оружия. Возобновление российско-американского лабораторного сотрудничества по вопросам нераспространения и ядерной безопасности тоже может быть возможным при улучшении двусторонних отношений.

Администрации Трампа следует рассмотреть вопрос о поддержке предложенной Россией международной конвенции по борьбе с химическим и биологическим терроризмом, а Россия должна прекратить утверждать, что Соединенные Штаты поддерживают химический терроризм на Ближнем Востоке и строят лаборатории биологического оружия в бывших советских республиках. Вместо взаимных обвинений Москве и Вашингтону стоит следовать позитивной повестке дня в области общественного здравоохранения в отношении борьбы с природными заболеваниями и контролировать угрозы со стороны новых разрушительных стратегических технологий, таких как кибервойны и войны в космическом пространстве.

Для решения обеспокоенности России относительно других стран, обладающих ядерным оружием, Трамп может предложить Путину совместно обратиться к Китаю, Великобритании и Франции, чтобы они ограничили свои возможности по созданию ядерного оружия в одностороннем порядке, сделали свою ядерную деятельность прозрачной и приняли участие в многосторонних мерах по укреплению доверия. Что касается Ирана, если администрация Трампа решит не прекращать действие договора 5+1 относительно ядерной программы Ирана, Москве и Вашингтону следует сотрудничать для эффективной работы договора. Например, они могут помочь МАГАТЭ получить ресурсы, необходимые для выполнения своих важных задач в Иране. Как основной зарубежный партнер Ирана по ядерным технологиям, Россия может помочь иранской гражданской ядерной программе соответствовать международным стандартам безопасности. Американская и российская администрации должны также обсудить напрямую, включая другие стороны, какую ядерную деятельность Иран может преследовать после истечения срока действия нынешнего механизма.

Подходы России и США к ПРО и другим потенциально опасным стратегическим технологиям, таким как кибер и гиперзвуковое оружие, должны быть определены опасениями в сфере стратегической стабильности. Эти технологии разрастаются по всему миру и могут привести к гонке вооружений и, возможно, к конфликтам, если правительства будут воспринимать их как стратегическое превосходство. Д. Трамп и В.В. Путин, возможно, находятся в хорошем положении для того, чтобы положить конец затяжным, изнурительным и ненужным российско-американским спорам о ПРО. Трампу легче было бы пойти на компромисс по ПРО, чем его предшественнику Б. Обаме, учитывая что он представляет республиканскую партию и обладает большинством в конгрессе. Трамп может одобрить некоторые ограничения на ПРО США в качестве стратегического компромисса для улучшения общей безопасности США за счет улучшения отношений с Россией. После завершения запланированных развертываний в Польше, администрации Трампа следует рассмотреть вопрос о приостановлении дальнейшего расширения ПРО в Европе, при условии, что иранская ядерная программа останется ограниченной.

Российские официальные лица должны признать, что завышение возможностей ПРО США обостряет отношения. Ограниченные возможности перехвата США вряд ли могут представлять реальную угрозу для большого и модернизированного российского ракетно-ядерного сдерживания. В своем выступлении во время Валдайского дискуссионного клуба в октябре 2016 г. и во время своей пресс-конференции в декабре 2016 г., президент В.В. Путин признал ограниченные возможности системы ПРО. В Валдае он пояснил, что «мы не готовы разрабатывать такие системы, — мы не знаем, как они будут работать и насколько эффективными они будут, но это вынуждает нас совершенствовать ударный системный комплекс¹». 23-го декабря 2016 г. он также подтвердил, что российские вооруженные силы «продвинулись в совершенствовании [наших] систем ядерной триады, в том числе в плане преодоления ПРО. Она, эта система, гораздо эффективнее чем сама противоракетная оборона на сегодняшний день.»²

Путин понимает, что существующие технологии создают баланс в пользу атакующей стороны. Гораздо проще и дешевле для страны укреплять свои наступательные ракетно-ядерные силы, создавая больше боеголовок, ракет, ложных целей и так далее, чем для страны, являющейся потенциальной целью, расширять свою систему противоракетной обороны. Более того, даже администрация Трампа никогда бы не смогла получить одобрение Конгресса США на давно требуемое Россией юридически обязывающее соглашение по ограничению возможностей США защитить своих граждан и союзников от ракетных атак. Россия может наилучшим образом ограничить ПРО США помогая искоренить основные причины программы ПРО, в частности развитие стратегических ракет Ираном и Северной Кореей.

¹ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» <http://kremlin.ru/events/president/news/53151> 27 октября, 2016.

² Большая пресс-конференция Владимира Путина 2016. Онлайн-репортаж, 1tv.ru, <http://www.1tv.ru/shows/vystupleniya-prezidenta-rossii/bolshaya-press-konferenciya-2016/bolshaya-press-konferenciya-vladimira-putina-2016-onlayn-reportazh> 23 Декабря, 2016.

Юрий Олегович ТОЛМАЧЕВ

Старший преподаватель кафедры всеобщей истории и международных отношений факультета истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, к.и.н.

prey977@rambler.ru

НЕПАЛЬСКИЙ ФАКТОР В КИТАЙСКО-ИНДИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Аннотация: В статье рассматривается проблема влияния непальского фактора на развитие китайско-индийских отношений в XXI веке. Автор показывает, что геополитическое противостояние Китая и Индии в Непале характеризуется преимущественно использованием экономических методов. Главное внимание обращается на проблему взаимозависимости внутривосточного, регионального и международного компонентов в стратегическом треугольнике Китай – Индия – Непал. В заключении автор приходит к выводу о том, что непальский фактор обострил китайско-индийские отношения, так как визит Далай-ламы в Таванг состоялся через несколько месяцев после того, как Китай объявил о начале подготовки к китайско-непальским военным учениям. Международный престиж Китая и Индии во многом зависит от того, какая из стран сможет направлять внутривосточное и внешнеполитическое развитие как Непала, так и всей Южной Азии в целом.

Ключевые слова: геополитика, военные учения, Южная Азия, Непал, Китай, Индия.

Yu. O. TOLMACHEV

Senior Lecturer of the chair of the world history and international relations of Ryazan State University named for S. A. Yesenin, PhD in Historical sciences.

THE NEPALESE FACTOR IN THE SINO-INDIAN RELATIONS IN THE EARLY XXI CENTURY

Annotation: The article focuses on the problem of the influence of the Nepalese factor on the development of the Sino-Indian relations in XXI century. The author shows that the Sino-Indian geopolitical struggle in Nepal mainly involves economic and political methods. The particular attention is given to the analysis of the problem of interdependence of the domestic policies of the three countries and the regional and international perspectives on the development of Sino-Indian relations within the strategic triangle – China, India and Nepal. The author concludes that the Nepalese factor has heightened the political tension in the Himalayan region. Thus the visit of the Dalai-lama to Tawang took place just a few months after China declared the preparation for the joint Sino-Nepalese military exercise. The international prestige of China and India depends largely on which of the countries will take the upper hand in shaping the domestic and foreign policy of the countries of South Asia and Nepal.

Keywords: geopolitics; military exercise; South Asia; Nepal; China; India.

.....

Непальский фактор всегда существенным образом оказывал влияние на ход и развитие китайско-индийских отношений, так как именно на территории этого маленького королевства расположены важные торговые пути, а в ряде областей присутствуют тибетские беженцы, которые представляют опасность для китайского правительства.

По размерам территории и количеству населения Непал в несколько десятков раз меньше чем Китай и Индия. В экономическом, культурном и политическом

развитии он существенно отстает от этих двух ведущих азиатских держав. Данное обстоятельство привело к тому, что на протяжении исторического процесса это государственное образование всегда стремилось заручиться поддержкой более крупных государств. С точки зрения стратегических интересов китайского и индийского государств Непал представляет собой буферную зону, которая позволяет стабилизировать ситуацию в гималайском регионе и создавать систему национальной безопасности для защиты своих границ.

Стратегическая борьба за этот регион между двумя крупнейшими азиатскими державами началась в конце 40-х — начале 50-х гг. XX века. КНР удалось установить дипломатические отношения с Непалом, хотя Новый Дели всегда считал эту территорию сферой своих геополитических интересов. Реализация ряда успешных китайско-непальских проектов привела к усилению китайского влияния в Непале, хотя КНР так и не удалось существенным образом уменьшить экономическую зависимость Катманду от Нового Дели. Поэтому, непальское правительство решает проводить политику баланса, которая в 1970-х гг. привела к тому, что королевская семья планировала объявить территорию Непала зоной мира¹. Король Бирендра в 80-е гг. XX века решает снизить зависимость от поставок индийского вооружения. В 1988 г. непальские военные купили оружие у КНР². Индийская сторона сразу выразила решительный протест и напомнила лидерам пригималайского королевства, что подобные действия противоречат индийско-непальским соглашениям от 1950 и 1965 г. После чего ввела 15 месячную торгово-экономическую блокаду, которая привела к экономическому кризису на территории Непала³

Борьба за внутривосточное влияние в Непале между Китаем и Индией особенно обострилась в конце XX века, когда в Катманду стало особенно популярным китайское коммунистическое учение или маоизм. Индия решительно осуждала это политическое движение, считая его слишком радикальным. Также индийское правительство критиковало внешнеполитический курс непальских монархов, который всегда был ориентирован на сотрудничество с Китаем. После убийства наследным принцем Дипендрой 9 членов королевской семьи в 2001 г. на территории этого небольшого королевства усилились слухи о том, что индийское правительство планирует полностью контролировать внешнеполитическую и внутреннюю политику Катманду⁴. Нестабильная политическая обстановка привела к тому, что в 2008 г Непал стал республикой⁵.

В период с 2009 по 2015 гг. непальское правительство серьезно беспокоила экономическая зависимость Непала от Нового Дели. Традиционно индийская сторона предоставляла значительную финансово-экономическую помощь непальскому государству. Однако, представители непальской правящей элиты не хотели усиления индийского влияния на территории своей страны. Дипломатические отношения между Непалом и Индией существенно ухудшились, когда в 2015 г. была принята новая непальская конституция⁶.

¹ It's complicated: The China factor in India-Nepal relationship. Электронный ресурс. Режим доступа: [<https://scroll.in/article/819705/its-complicated-the-china-factor-in-india-nepal-relationship>]

² *Fahad Shah*. Nepal's Balancing Act Walking the Tightrope Between China and India. Электронный ресурс. Режим доступа: [<https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2016-02-25/nepals-balancing-act>]

³ *Whelpton J.* A history of Nepal / John Whelpton. — Cambridge [etc.]: Cambridge univ. press, 2005. P.113.

⁴ *Prasai D.R.* India's Hand in Nepal Royal Palace Massacre – 2001. Электронный ресурс. Режим доступа: [newsblaze.com/world/south-asia/indias-hand-in-nepal-royal-palace-massacre-2001_10054/]

⁵ Nepal prepares to become republic. Электронный ресурс. Режим доступа: [news.bbc.co.uk/2/hi/south-asia/7422900.stm]

⁶ *Hemant Ojha*. The India-Nepal Crisis. Электронный ресурс. Режим доступа: [thediplomat.com/2015/11/the-india-nepal-crisis]

Непосредственным результатом стало то, что индийский премьер министр Нарендра Моди объявил торгово-экономическую блокаду на всем протяжении непальско-индийской границы. Непальское правительство было вынуждено искать помощи в Пекине. В марте 2016 г. между представителями Китая и Непала было подписано 10 соглашений, согласно которым стороны договорились усилить сотрудничество в экономической, научной, культурной и энергетической сферах¹. Все это вызывало резкое недовольство со стороны индийского правительства, которое во второй половине 2016 г. начало поддерживать непальскую оппозицию. В то же время, индийская сторона не предприняла достаточных усилий для того, чтобы усилить свое влияние в Непале.

Все это привело к тому, что Китай в декабре 2016 г. заявил о своем стремлении провести военные учения с Катманду без консультаций с Индией². Данное заявление вызвало серьезную обеспокоенность со стороны Нового Дели, так индийско-непальское сотрудничество в сфере вооружений являлось одним из приоритетных направлений для индийского руководства. Традиционно индийско-непальское стратегическое партнерство в военной сфере состоит из трех направлений: обмен военными, совместные учения и поставки боеприпасов и амуниции. Более того свыше 34000 непальских гуркхов служат в индийской армии, и около 1200 индийских военных в отставке живут в Непале.

Непальский посол в Индии Дип Ападхияа поспешил заверить индийское руководство в том, что учения будут носить ограниченный характер. Однако, его заявления носили лишь формальный характер, так как непальской стороне было выгодно установить полноценное военно-стратегическое сотрудничество с КНР, ведь это позволяет существенным образом снизить зависимость от Нового Дели³.

Китайско-непальские военные учения «Дружба Сагарматха» проходили в период с 14 по 23 апреля 2017 г⁴. Слово «Сагарматха» в переводе с непальского означает Эверест. Территориально-пограничный вопрос по поводу этого горного массива был урегулирован еще в 1960-х гг., в то время как китайско-индийская пограничная проблема не решена до сих пор⁵. Следует подчеркнуть, что первоначально военные учения должны были называться «Практикар-1»⁶. В последний момент было принято решение о новом названии, которое должно было отражать современный уровень развития китайско-непальских отношений. Для индийского руководства подобные шаги являются нежелательными, так как усиление китайского влияния в Непале свидетельствует о том, что внешнеполитическим лидером в регионе является именно Китай, а не Индия.

Понимая всю сложность ситуации, представители министерства иностранных дел Индии, весьма сдержанно отреагировали на данный инцидент. Следует также

¹ *Rupak D Sharma*. Nepal, China pen transit trade treaty, nine other pacts. Электронный ресурс. Режим доступа: [<https://thehimalayantimes.com/business/nepal-china-pen-transit-trade-treaty-nine-pacts/>]

² *Ankit Panda*. China, Nepal Plan First-Ever Military Drill. Электронный ресурс. Режим доступа: [thediplomat.com/2016/12/china-nepal-plan-first-ever-military-drill/]

³ *Sachin Parashar*. Nepal-China military drill worries India. Электронный ресурс. Режим доступа: [timesofindia.indiatimes.com/india/nepal-china-military-drill-worries-india/articleshow/56191873.cms]

⁴ Nepal-China first ever joint military drill to commence from Sunday. Электронный ресурс. Режим доступа: [<http://kathmandupost.ekantipur.com/news/2017-04-13/nepal-china-first-ever-joint-military-drill-to-commence-from-sunday.html>]; Nepal-China first ever joint military drill concludes. Электронный ресурс. Режим доступа: [kathmandupost.ekantipur.com/news/2017-04-25/nepal-china-first-ever-joint-military-drill-concludes.html]

⁵ Непал на рубеже тысячелетий. М.: ИВ РАН, 2002. С.42.

⁶ Nepal to hold military exercise with China. Электронный ресурс. Режим доступа: [www.thehindu.com/news/international/Nepal-to-hold-military-exercise-with-China/article16921307.ece]

отметить, что в 2017 г. индийская сторона не стала использовать методы экономического принуждения для достижения своих геополитических целей. В газете «Hindu» официальный представитель министерства иностранных дел Индии заявил, что не придает особого внимания непальско-китайским военным учениям, так как «дипломатические отношения между Новым Дели и Катманду имеют свою собственную логику, прошли проверку временем, являются уникальными и очень близкими»¹.

Реакция китайских СМИ на действия Нового Дели была достаточно резкой. Журналисты обвинили Индию в том, что она применяет методы дипломатического давления на Катманду, вследствие чего военные учения существенно сократились и место для проведения манёвров было изменено, и они проводились в военной школе².

В тоже время на официальном уровне Китай продолжает придерживаться той же позиции, что и Новый Дели. Он призывает Непал сотрудничать с Индией и не забывать о важности дипломатического диалога в различных сферах. Вместе с тем Китай в отличие от Индии полностью поддержал непальскую конституцию 2015 г. и предоставил ряд экономических привилегий. В период с 2014 по 2016 гг. китайская экономическая помощь Непалу выросла с 24 миллионов долларов до 125, то есть фактически в пять раз³.

Преимущество индийской стороны в области экономических отношений заключается в том, что в плане логистики доставка индийских товаров в Катманду будет дешевле, так как торговые пути развиты лучше. Торговля с Пекином будет возрастать только в том случае, если китайское правительство модернизирует дорожно-транспортную инфраструктуру, которая связывает две страны.

Влияние непальского фактора на китайско-индийские отношения заключается в том, что Китай еще с 50-х гг. считал политику Нового Дели в отношении Катманду неконструктивной, а любые индийские методы внутривосточного и внешнеполитического ограничения дипломатических контактов между Непалом и КНР расценивал как стремление Индии расширить свои «империалистические амбиции» и доминировать в Южной Азии.

Новый Дели со своей стороны продолжает считать Непал зоной лишь своих геополитических интересов, и китайская экономическая помощь расценивается индийским руководством как борьба за сферы влияния в Гималайском регионе. Подобные опасения в 1975 г. привели к тому, что княжество Сикким стал частью Индии. Китай признал эту территорию индийской только в 2003 г.⁴

Проблема Непала также тесно связана с тибетским вопросом. Потеря Тибета Новым Дели в 50-е годы XX века серьезно ослабила позиции индийского государства и способствовала возникновению комплекса проблем в китайско-индийских отношениях.

Поэтому, несмотря на использование политики экономического давления в отношении Непала Новый Дели всегда оказывал значительную экономическую помощь Катманду.

¹ China-Nepal exercises don't worry us: India. Электронный ресурс. Режим доступа: [www.thehindu.com/news/national/china-nepal-exercises-dont-worry-us-india/article18072748.ece]

² *Sutirtho Patranobis*. Nepal-China military exercise curtailed by «Indian pressure», says Chinese media. Электронный ресурс. Режим доступа: [www.hindustantimes.com/world-news/nepal-china-military-exercise-curtailed-by-indian-pressure-says-chinese-media/story-OSilCloNzqqSrGkgSn3qsM.html];

³ *Amit Baruah*. Accord on opening border trade through Sikkim. Электронный ресурс. Режим доступа: [www.thehindu.com/thehindu/2003/06/24/stories/2003062405680100.htm]

⁴ *Hemant Ojha*. The India-Nepal Crisis. Электронный ресурс. Режим доступа: [thediplomat.com/2015/11/the-india-nepal-crisis/]

Пытаясь нейтрализовать влияние Китая, индийская сторона в апреле 2017 г. пригласила Далай-ламу посетить регион Таванг, входящий в индийский штат Аруначал-Прадеш, который китайская сторона традиционно считает Южным Тибетом. Последний раз визит духовного лидера ламаизма в этот регион состоялся лишь в 2009 г. Далай-лама сравнил действия КНР в Тибете с политикой Пол Пота в Камбодже¹ Китайская сторона вызвала индийского посла в Пекине и в резкой форме напомнила ему о необходимости уважать территориальную целостность КНР. За тем в одностороннем порядке переименовала 6 индийских населенных пунктов на территории штата Аруначал Прадеш, что в свою очередь вызвало протест со стороны индийского правительства².

Подобная тактика резко обострила китайско-индийские пограничные противоречия, так как Новый Дели стремится любым доступным способом дать понять Пекину, что если он и дальше будет вмешиваться в дела гималайских королевств, то индийская сторона будет использовать тибетский вопрос и фигуру Далай-ламы в своих политических интересах.

Китайская дипломатия также может использовать пакистанский фактор и завершить строительство пакистанско-китайского экономического коридора, который должен соединить древний китайский город Кашгар и пакистанский порт Гвадар. Проблема заключается в том, что строительство этого проекта будет проходить по территории, которую Новый Дели считает частью индийского штата Джамму и Кашмир³. Также китайская сторона может поддержать протестные движения на территории этого региона.

Таким образом, проблема Непала является частью большого геополитического противостояния, которое ведут Китай и Индия в этом регионе. Если давать характеристику дипломатической стратегии, то следует сказать, что та и другая стороны стремятся любым доступным способом избежать использования резкой риторики. Как Китай, так и Индия оказывают давление друг на друга, используя при этом любые методы и средства, которые зачастую противоречат их официальным заявлениям. Китайская стратегия ориентирована на формирование в странах Азии представления об Индии как стране, которая может только навязывать свою политическую волю. В то время Китай стремится помочь малым народам и повысить их уровень жизни. Использование метода экономической помощи является основным инструментом внешней политики двух азиатских государств. Новый Дели, в отличие от Пекина, часто прибегает к использованию метода экономической блокады Непала, а это приводит к китайско-непальскому сближению и формированию новых экономических проектов. Во всей этой ситуации больше всех выгоды получает Непал. Его дипломатическую стратегию следует охарактеризовать как политику балансирования между двумя крупнейшими державами. Главная цель Катманду – обострить китайско-индийские противоречия и получить, как можно больше экономической помощи от двух азиатских держав. Несмотря на это в непальской прессе политика Нового Дели в отношении Непала часто характеризуется как непродуктивная, так как ее основной целью является оказание политического

¹ China's action like Pol Pot's, says Dalai Lama. Электронный ресурс. Режим Доступа: [www.thehindu.com/todays-paper/chinas-action-like-pol-pots-says-dalai-lama/article17896261.ece]

² Elliot J. When India and China Compete, India Always Loses. Электронный ресурс. Режим доступа: [www.newsweek.com/john-elliott-when-india-and-china-compete-india-always-loses-588771]

³ Does the China-Pakistan economic corridor worry India? Электронный ресурс. Режим доступа: [www.aljazeera.com/indepth/features/2017/02/china-pakistan-economic-corridor-worry-india-170208063418124.html]

давления. Непальское правительство понимает, что если оно будет полностью поддерживать одну из сторон, то лишится права принимать самостоятельные внешне-политические решения. В конечном итоге китайско-индийское противостояние должно окончательно определить, какая из стран будет направлять и формировать внутривнутриполитическое и внешнеполитическое развитие как Непала, так всей Южной Азии в целом.

Список литературы.

1. Непал на рубеже тысячелетий. М.: ИВ РАН, 2002.
2. *Amit Baruah*. Accord on opening border trade through Sikkim. Электронный ресурс. Режим доступа: [www.thehindu.com/thehindu/2003/06/24/stories/2003062405680100.htm]
3. *Ankit Panda*. China, Nepal Plan First-Ever Military Drill. Электронный ресурс. Режим доступа: [thedi diplomat.com/2016/12/china-nepal-plan-first-ever-military-drill/]
4. China-Nepal exercises don't worry us: India. Электронный ресурс. Режим доступа: [www.thehindu.com/news/national/china-nepal-exercises-dont-worry-us-india/article18072748.ece]
5. China's action like Pol Pot's, says Dalai Lama. Электронный ресурс. Режим Доступа: [www.thehindu.com/todays-paper/chinas-action-like-pol-pots-says-dalai-lama/article17896261.ece]
6. Does the China-Pakistan economic corridor worry India? Электронный ресурс. Режим доступа: [www.aljazeera.com/indepth/features/2017/02/china-pakistan-economic-corridor-worry-india-170208063418124.html]
7. *Elliot J.* When India and China Compete, India Always Loses. Электронный ресурс. Режим доступа: [www.newsweek.com/john-elliott-when-india-and-china-compete-india-always-loses-588771]
8. *Fahad Shah*. Nepal's Balancing Act Walking the Tightrope Between China and India. Электронный ресурс. Режим доступа: [<https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2016-02-25/nepals-balancing-act>]
9. *Hemant Ojha*. The India-Nepal Crisis. Электронный ресурс. Режим доступа: [thedi diplomat.com/2015/11/the-india-nepal-crisis/]
10. It's complicated: The China factor in India-Nepal relationship. Электронный ресурс. Режим доступа: [<https://scroll.in/article/819705/its-complicated-the-china-factor-in-india-nepal-relationship>]
11. Nepal-China first ever joint military drill to commence from Sunday. Электронный ресурс. Режим доступа: [<http://kathmandupost.ekantipur.com/news/2017-04-13/nepal-china-first-ever-joint-military-drill-to-commence-from-sunday.html>]
12. Nepal-China first ever joint military drill concludes. Электронный ресурс. Режим доступа: [kathmandupost.ekantipur.com/news/2017-04-25/nepal-china-first-ever-joint-military-drill-concludes.html]
13. Nepal prepares to become republic. Электронный ресурс. Режим доступа: [news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/7422900.stm]
14. Nepal to hold military exercise with China. Электронный ресурс. Режим доступа: [www.thehindu.com/news/international/Nepal-to-hold-military-exercise-with-China/article16921307.ece]
15. *Prasai D.R.* India's Hand in Nepal Royal Palace Massacre – 2001. Электронный ресурс. Режим доступа: [newsblaze.com/world/south-asia/indias-hand-in-nepal-royal-palace-massacre-2001_10054/]
16. *Rupak D Sharma*. Nepal, China pen transit trade treaty, nine other pacts. Электронный ресурс. Режим доступа: [<https://thehimalayantimes.com/business/nepal-china-pen-transit-trade-treaty-nine-pacts/>]
17. *Sachin Parashar*. Nepal-China military drill worries India. Электронный ресурс. Режим доступа: [timesofindia.indiatimes.com/india/nepal-china-military-drill-worries-india/articleshow/56191873.cms]
18. *Sutirtho Patranobis*. Nepal-China military exercise curtailed by «Indian pressure», says Chinese media. Электронный ресурс. Режим доступа: [www.hindustantimes.com/world-news/nepal-china-military-exercise-curtailed-by-indian-pressure-says-chinese-media/story-OSilCloNzqqSrGkgSn3qsM.html]
19. *Whelpton J.A* history of Nepal. Cambridge.: Cambridge univ. press, 2005.

Ксения Михайловна ТАБАРИНЦЕВА-РОМАНОВА

доцент кафедры теории и истории международных отношений департамент международных отношений Уральского федерального университета

kmromanova@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ ЕС

Статья выполнена при поддержке программы Европейского Союза ERASMUS+, Jean Monnet, 565442-EPP-1-2015-1-RU-EPPJMO-MODULE

Аннотация: в настоящей статье рассматриваются изменения, произошедшие за последнее десятилетие в культурной политике Европейского союза. На основе анализа официальных и рабочих документов ЕС делаются выводы о наиболее значимых направлениях развития культурной дипломатии ЕС и о роли культуры в международных культурных отношениях. К ним относятся: развитие межкультурного диалога, содействие в сотрудничестве и развитие программ обмена между деятелями культуры, творческими людьми, поддержка молодежных организаций, защита культурного наследия.

Ключевые слова: культура, международные культурные отношения, Новая стратегия ЕС.

K. TABARINTSEVA-ROMANOVA

Docent of Department of International Relations Ural Federal University

THE CURRENT STAGE OF DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL CULTURAL RELATIONS OF THE EU

Annotation: This article examines the changes that have taken place over the last decade in the cultural policy of the European Union. Based on the analysis of the official and working documents of the EU, conclusions are drawn about the most significant directions for the development of EU cultural diplomacy and the role of culture in international cultural relations. These include: the development of intercultural dialogue, the promotion of cooperation and the development of exchange programs between cultural figures, creative people, the support of youth organizations, the protection of cultural heritage.

Keywords: culture, international cultural relations, the new EU strategy.

.....

Европейская культура не ограничивается только музеями, театрами. Культура не является больше риторической фигурой, она становится неким транслятором либеральных и демократических ценностей Европы. С такой позиции культура выполняет функцию одного из важнейших элементов осуществления международных отношений, тогда как культурная дипломатия воспринимается как способ распространения европейских ценностей вовне. К таким основным ценностям относятся демократия, устойчивое развитие, образование, права человека, свобода выражения мнений. Бренд «Европа» (Европа воспринимается другими странами как континент, богатый культурным наследием и, в своем роде, творческим вдохновителем) предполагает продвижение образа Европы, единой в своей разнообразии, т.е. происходит расширение фокуса восприятия — с национальных государств, на единое пространство.

В связи с изменением в последнее десятилетие культурного ландшафта на международной арене, культура приобретает огромный потенциал для преодоления разногласий, укрепления наиболее уязвимых социальных групп и улучшения международных отношений, а увеличение обменов и межкультурного сотрудничества становится насущной необходимостью. Т.о. постепенно культурное разнообразие становится неотъемлемой частью внешнеполитической деятельности ЕС.

Естественно, культурная политика, культурная дипломатия и международные культурные отношения (МКО) ЕС существовали фактически с самого зарождения европейского сообщества, однако, они играли второстепенную роль в интеграционных процессах, поскольку первоочередными задачами стали экономические и социальные вопросы, которые необходимо было решать в послевоенной Европе. Как мы помним из истории европейской интеграции, первые попытки внести вопросы культуры в повестку дня можно отнести к 70-м гг. прошлого века. Так, одной из отправных точек послужила Декларация о европейской идентичности, где главы государств договорились о необходимости защищать и продвигать общее культурное наследие, делая упор на важности сохранения богатого разнообразия национальных культур¹.

Постепенно культура занимает все более прочные позиции, о ее значимости все чаще говорят в различных институтах ЕС, но необходимо подчеркнуть, что изначально решались вопросы с размежеванием культуры как системы ценностей от культуры — как культурного сектора с т.з. экономики и права: утверждалось, что «любое действие Еврокомиссии в культурном секторе не может приравниваться к культурной политике»². В конце 70-х гг. XX в. Европейский парламент внес ряд предложений, которые касались вопросов образования, передвижения деятелей культуры, подготовки специалистов в области культуры, гармонизации налогов и услуг в культурном секторе. Не останавливаясь на истории «завоевания места под солнцем» — а именно закрепление концепта культуры, культурной политики и культурной дипломатии в учредительных документах ЕС (что было необходимо для дальнейшей культурной интеграции союза — отсутствие нормативной базы в сфере культуре не позволяло государствам в полной мере сотрудничать на едином европейском пространстве), отметим, что наибольший интерес, и соответственно, документальное отражение в различного рода коммюнике и докладах практически всех институтов ЕС, проявилось в последнее десятилетие. В данной статье мы рассмотрим период с 2014 г., когда, по нашему мнению, начинается новый виток развития международных культурных отношений на глобальном уровне, что было обусловлено сложившейся геополитической и экономической ситуацией (события на Украине, экономические санкции) — культура остается почти единственным способом поддержания международного диалога.

В июне 2014 г. представители Европейской комиссии заявили о том, что «культурная дипломатия ЕС нуждается в новом толчке: культурная дипломатия дает нам возможность разделить с другими странами нашу культуру, наши европейские ценности, такие как: права человека, разнообразие и равенство»³. Доклад был составлен на основе исследования, проведенного в странах-членах ЕС, а также Бразилии,

¹ Declaration on European Identity. Copenhagen, 14 December 1973. URL: http://www.ena.lu/declaration_european_identity_copenhagen_14_december_1973-020002278.html (дата обращения: 07.04.2017).

² Commissione Europea, Comunicazione al Consiglio, Azione comunitaria nel settore culturale, Bull. EC 1977, Supplemento 6/77.

³ Una relazione indica che la diplomazia culturale dell'UE ha bisogno di nuovo slancio URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-14-651_it.htm(дата обращения: 07.04.2017).

Канаде, Китае, Индии, Японии, Мексике, России, южной Африки, Южной Кореи и США. Были предложены следующие рекомендации для повышения влияния европейской культурной дипломатии: улучшение координации работы соответствующего персонала (культурные атташе делегаций ЕС); новые методы финансирования (софинансирование, участие государственного и частного капитала); объединение ресурсов институтов культуры и других соответствующих организаций стран-членов ЕС; поддержка мобильности (например, упрощение процедуры получения виз для деятелей культуры); вовлечение молодежи (увеличение программ образовательных и культурных обменов); уделение особого внимания городам как наиболее важным партнерам; содействие обмену опытом и практикой между художниками, писателями, журналистами различных стран; улучшение мониторинга и оценки проектов и стратегий культурной дипломатии.

Новая стратегия Европейского союза, принятая в июне 2016 г., стала явным свидетельством того, что культура становится одним из главных векторов современных внешних отношений ЕС.

Международные культурные отношения ЕС, согласно докладу еврокомиссии, должны базироваться на следующих принципах:

- продвижение культурного многообразия и уважение прав человека: государства обязаны соблюдать, охранять и продвигать право на свободу убеждений и их выражения, в том числе и художественного выражения;
- продвижение взаимоуважения и межкультурного диалога: стремление выйти за рамки просто идеи о разнообразии европейских культур и перейти к концепту глобальной солидарности; взаимность, взаимное обучение и совместное творчество должны стать основой международных культурных отношений ЕС; при реализации международных культурных связей должны учитываться региональные и локальные различия;
- обеспечение принципа комплементарности и субсидиарности — предлагаемая стратегия ЕС для международных культурных отношений в полной мере соблюдает соответствующие сферы компетенций ЕС и его государств-членов. В соответствии со ст. 6 Договора о функционировании ЕС (TFEU), в области культуры Союз обладает компетенцией осуществлять действия по поддержке, координировать или дополнять действия государств-членов. Ст. 167, пункт 3 указанного документа предусматривает, что Союз и государства-члены содействуют развитию сотрудничества с третьими странами и с компетентными международными организациями в области общественного здравоохранения. Кроме того, в соответствии со ст. 167, пунктом 4 договора, союз учитывает культурные аспекты в своей деятельности в рамках других положений договоров¹. ЕС принимает меры по развитию международных культурных связей, в том случае если его деятельность является более эффективной, чем меры, принятые на национальном, региональном или местном уровне в полном соответствии с принципом субсидиарности. Заключение европейского совета по культуре во внешних отношениях ЕС подчеркнули «необходимость улучшения координации усилий по определению европейской политики подхода»²;
- развитие культуры на основе уже существующих рамок сотрудничества: для обеспечения согласованности политики и избежания дублирования, наиболее

¹ Договор о функционировании Европейского союза URL: / <http://eulaw.ru/treaties/tfeu> (дата обращения: 10.04.2017).

² Conclusioni del Consiglio sulla cultura nelle relazioni esterne dell'UE, in particolare sulla cultura nella cooperazione allo sviluppo 24 novembre 2015

эффективным способом продвижения культуры во внешних отношениях ЕС является использование тех форм сотрудничества и финансовых инструментов, которые уже существуют.

В рамках предложенной стратегии европейская комиссия и Высокий представитель предложили три основных направления развития международных культурных отношений со странами-партнерами ЕС:

1) поддержка культуры в качестве движущей силы устойчивого социально-экономического развития включает в себя следующие аспекты: поддержка развития культурной политики посредством активной реализации Конвенции ЮНЕСКО, при содействии ЕС интеграции культуры в национальную политику стран-партнеров ЕС;

- углубление политического диалога со странами-партнерами; обмен опытом со странами расширения и странами-членами политики соседства через создание и использование уже существующих коммуникационных многосторонних платформ (например, через такие инициативы как «Культурная столица Европы» и др.); усиление культурной политики в Средиземноморском регионе через программу МЕД Культура (2014–2018 гг.);
- усиление культурного сектора и креативной индустрии, которые на данный момент являются динамично развивающимся сектором, который предоставляет новые рабочие места. Так, для развивающихся стран, показатели, касающиеся культуры и развития ЮНЕСКО демонстрируют, что в странах с низким и средним уровнем доходов на культуру тратится от 1,5 % до 5,7 % ВВП, уровень зависит от степени социального участия, уровня образования и степени реализации свободы выражения. Например, в Буркина-Фасо более 170 000 человек, или около 2 % трудоспособного населения занято в профессиях, связанных с культурой. Каждая страна имеет свои сильные стороны: киноиндустрия в Нигерии, музыка в Карибском бассейне, культурный туризм на Ближнем Востоке. Для того, чтобы стимулировать дальнейший прогресс, ЕС мог бы поделиться своими знаниями и опытом в создании прочной нормативной базы;
- поддержка роли местных органов власти в странах-партнерах: так ЕС в рамках концепции устойчивого развития городов признает центральную роль культуры и основывается на предположении, что наличие открытых пространств, доступных каждому гражданину, играет жизненно важную роль. Например, в странах Латинской Америки ЕС способствовал распространению аудиовизуальных программ, направленных на решение социальных проблем, обусловленных существующим неравенством в урбанизированных регионах;

2) развитие культуры и межкультурного диалога в целях обеспечения мирных межэтнических отношений: межкультурный диалог, в том числе межконфессиональный диалог, может способствовать созданию справедливого и мирного общества, в котором подчеркивается культурное разнообразие и уважение прав человека. Создавая общую платформу и благоприятные условия для дальнейшего обмена, межкультурный диалог может способствовать ослаблению напряженности, предотвращению любого обострения кризиса, содействовать национальному примирению. ЕС может способствовать межкультурному диалогу непосредственно в рамках международных проектов культурного сотрудничества, сотворчества, межличностных обменов, социальных дискуссий и укрепления мира через реализацию следующих положений: поддержка взаимодействия между деятелями культуры; поддержка молодежных организаций; продвижение культурных прав (особенно прав коренных народов);

3) усиление сотрудничества в области культурного наследия: основными вызовами для данного сектора являются: стихийные бедствия, техногенные разрушения (война, грабежи), нелегальный оборот предметов культуры (часто деньги, полученные от продажи предметов культуры, идут на финансирование террористической деятельности) – все это ведет к истощению культурного наследия. В связи с этим ЕС предлагает усилить сотрудничество в рамках защиты и охраны культурного наследия, вести борьбу против незаконного трафика предметов культуры, усилить научные исследования через программу «Горизонт 2020», способствовать международным усилиям под руководством ЮНЕСКО, направленным на создание механизма быстрого реагирования для защиты объектов культурного наследия.

С целью укрепления культурной дипломатии ЕС были предложены следующие меры: усиление взаимодействия между институтами ЕС и институтами культуры, создание домов европейской культуры под патронажем ЕС и принимающей страны; продвижение развития активного гражданского общества; организация культурных мероприятий; межкультурные обмены между студентами и исследователями; развитие волонтерских программ.

Т.о., как видно из анализа материалов за последние три года, ЕС все больше заинтересован в развитии культурной политики, в проведении активной культурной дипломатии, что выводит МКО ЕС на первый план в стратегических документах ЕС. Прерогативными направлениями реализации культурной политики и дипломатии во взаимоотношениях со странами-не членами ЕС становятся: межкультурный диалог, поддержка молодого поколения (программы волонтерства, студенческие обмены), создание информационных платформ по вопросам культуры, проведение общеевропейских мероприятий. Сама же культура становится одним из доминирующих направлений в содержательном наполнении европейской дипломатии и межгосударственных проектов, программ и структур – как и тысячелетия назад, европейской, в первую очередь, западноевропейской культуре возвращается роль ядра европейской цивилизации.

Однако, обратной стороной победы культуры, выходом культуры на международную арену является размывание веками сформированной культурной идентичности европейцев. И это порождает такие явления как Brexit, идеи создания Frexit (позиция М. Ле Пен) или Itexit (позиция Б. Грилло), активизация национальных партий и укрепление их политических позиций. Культура ЕС превалирует над вековыми культурными традициями отдельных народов и наций, что по мнению правых политиков-популистов грозит разрушением культурного ядра конкретных государств. И поиск компромисса между национальными и наднациональными культурными кодами тоже становится одной из задач ЕС.

Ирина Анатольевна ДМИТРИЕВА

Профессор кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России, к. филос. н., доцент.

anonsens@mail.ru

СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННЫХ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В КАЗАХСТАНЕ

Аннотация: Статья посвящена основным тенденциям этнической политики в современном Казахстане на материале языковой политики, проводимой в республике.

Ключевые слова: этнополитические процессы, языковая политика, двуязычие

I.A. DMITRIEVA

Professor of the Department of Political Science and Political Philosophy at the Diplomatic Academy of the Russian Ministry for Foreign Affairs, Ph.D. of Philosophical Science

FEATURES OF MODERN ETHNOPOLITICAL PROCESSES IN KAZAKHSTAN

Annotation: This article, using the analysis of the language policy of Kazakhstan, determines the strategic direction of the Republic's ethnic policy.

Keywords: Language policy, ethno-politic processes, bilingualism.

.....

Этнополитические процессы как объект изучения сложны и многогранны, поскольку они определяются множеством различных факторов, значимость которых может зависеть от социально-политической ситуации, от специфики межрелигиозного взаимодействия в стране, от национальных приоритетов государства и отношений между различными этническими сообществами, также на этнополитические процессы оказывают влияние и различные внешние факторы. При этом значимость того или иного фактора в зависимости от конкретной ситуации может меняться и часто ее трудно предугадать. Соответственно необходимо подобрать такой инструмент, который бы, позволяя диагностировать и прогнозировать направленность этнополитического процесса, учитывал весь комплекс факторов его обуславливающих. Таким инструментом может быть анализ языковой политики государства, поскольку язык аккумулирует в себе весь комплекс факторов, влияющих на этнополитические процессы, и по направленности языковой политики, проводимой в стране можно однозначно судить об этнополитической стратегии государства.

Стратегическая направленность этнической политики Республики Казахстан будет рассмотрена на фоне языковой политики этого государства. В данном контексте мы ограничимся анализом трех принципиально важных документов, определяющих языковую политику этой страны. Это – «Концепция языковой политики Республики Казахстан» от 4 ноября 1996 г., закон «О языках в Республике Казахстан» от 11 июля 1997, Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства, озвученная в декабре 2012 г. Эти три документа символизируют разные этапы развития республики – первые два документа – становление

Казахстана как независимого государства, последний представляет перспективы, которые намечает для себя уже состоявшееся суверенное государство. Анализ этих документов позволит выявить стратегические изменения этнической политики, проводимой руководством Казахстана.

Для понимания ситуации, сложившейся в Казахстане в первое десятилетие после обретения им независимости в 1991 году, обратимся к статистике. Казахстан был и остается до настоящего момента многонациональным государством. Какова же динамика изменения национального состава в республике? В 1989 г. в Казахстане проживало 6,5 млн казахов, 6,2 млн русских, 960 тыс. немцев, 900 тыс. украинцев, 330 тыс. узбеков и еще более 10 национальностей. В 1999 намечается радикальное изменение ситуации. В республике проживает уже 8 млн казахов, что составляет 53 % от численности всего населения, 4,5 млн русских (30 %), 350 тыс. немцев (2,3 %), 550 тыс. украинцев (3,6 %), 370 тыс. узбеков (2,5 %). В 2008 году ситуация изменяется в том же направлении – казахов уже насчитывается 10 млн, в то же время, русских – 3,8 млн, немцев – 180 тыс., украинцев – 330 тыс., узбеков – 450 тыс¹. Данные на 2016 год свидетельствуют, что за 25 лет произошло кардинальное изменение этнического состава республики Казахстан – процентном соотношении казахи составляют 66 % всего населения, русские 21 %, немцы, украинцы, узбеки – в совокупности чуть больше 5 % от общей численности казахстанцев.

Но, если посмотреть на соотношение языков в республике, то мы увидим принципиально иную картину. По статистическим данным на 1999 год русским языком владели 75 % казахов, 100 % русских, 99 % немцев, 99,5 % украинцев и 60 % узбеков. На 2003 год только 85 % казахов владеют казахским языком (эти данные считаются завышенными), 39 % казахов, проживающих в городе, используют русский язык для повседневного общения (городское население Казахстана составляет 60 % всего населения) К 2007 году только 30 % официальной документации республики создается на казахском языке².

Не трудно заметить, что при устойчивом росте численности казахского населения республики в начале XXI века очевидно доминирование русского языка в государственной, социальной, культурной сферах и на межличностном уровне. В «Концепции языковой политики Республики Казахстан» и законе «О языках в Республике Казахстан» однозначно фиксируется существующий абсолютный приоритет русского языка, как в официальной сфере, так и в сфере межличностного общения. В частности, в законе говорится, что в различных сферах деятельности (правовой, экономической, политической и др.) официально может быть использован русский язык. При этом ему не придается статус второго государственного языка, хотя мы наблюдаем фактически существующее русско-казахское двуязычие³. Более того, в сложившейся ситуации президент Республики Казахстан Н. Назарбаев напрямую увязывает проблему национальной независимости и суверенитета своей страны с реализацией различных программ по усилению роли казахского языка как государственного и фактическому расширению его функциональных возможностей, что напрямую направлено на ослабление роли русского языка в республике и указывает на вполне конкретную направленность его национальной политики.

¹ Источник: Данные агентства Республики Казахстан по статистике.

² Келльнер-Хайнкеле Б., Ландау Я. М. Языковая политика в современной Центральной Азии: национальная и этническая идентичность и советское наследие. М., Центр книги Рудомино, 2015. – с. 128–129

³ Необходимо отметить, что в статье 7 п.2 Конституции Республики Казахстан 2017 г. сказано, что в государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык.

Несмотря на то, что на уровне деклараций президент выступает и за развитие многонационального государства, и за многоязычное языковое пространство, реальная поддержка в документах прописана только для казахского языка, одновременно эти меры предполагают ослабление позиций русского языка в республике. И это происходит при условии, что только этнических русских в республике остается не меньше 1/3 населения страны, а русскоговорящих граждан значительно больше.

Таким образом, можно утверждать, что, выделяя в многонациональном государстве при сложившемся двуязычии единственную языковую доминанту – казахский язык как государственный язык, Н. Назарбаев однозначно обозначил направленность этнической политики своего государства.

Опуская промежуточные этапы реализации языковой и национальной политики в Казахстане, обратимся к стратегическому документу, в котором прописаны долгосрочные перспективы развития республики. Речь пойдет о стратегии «Казахстан-2050», принятой в декабре 2012 г. Особое место в ней отводится языковой политике, как одному из «главных консолидирующих факторов казахской нации». Именно казахский язык объявлен в этом документе «духовным стержнем нации»¹. И это несмотря на то, что только 60 % школьников обучается на казахском языке, что также зафиксировано в данном документе. Очевидно, что, предлагаемая программа развития страны, нацелена на последовательное преодоление исторически существующего двуязычия и минимизацию роли русского языка и русскоязычных граждан в социально-политической жизни республики и вытеснение их на периферию социально-политической жизни. Продолжением заданного вектора языковой и соответственно этнической политики стала идея «Триединства языков» (казахского, русского и английского). Уже в Послании 2007 года «Новый Казахстан в новом мире»² Н. Назарбаев предложил начать поэтапную реализацию культурного проекта «Триединство языков». Проект был выделен как отдельное направление внутренней политики и нашел свое отражение в стратегии «Казахстан-2050». В стратегии обозначено значение каждого из языков для развития республики: казахский язык – это государственный язык, русский язык – это язык исторического прошлого, а английский язык – это язык будущего республики³.

Определение роли и места того или иного языка в государстве однозначно указывает на отношение этого государства к носителям этого языка. Рассмотренные документы позволяют выявить основную направленность языковой политики Казахстана и экстраполировать ее на этническую политику этого государства в целом.

Несмотря на декларируемое строительство многонационального государства и реально существующие русско-казахское двуязычие, действия государства направлены на вытеснение русского языка и русскоязычных граждан на периферию общественно-политической жизни страны. Пока исключения составляют области науки и искусства, но постепенно они будут переходить под патронаж английского языка. И определенные шаги в этом направлении уже делаются. В частности, ведется работа по сближению терминологических рядов казахского и английского язы-

¹ См.: Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства. 14.12.2012 г. Режим доступа: http://go.mail.ru/redirect?via_page=1&type=sr&redirect=eJzLKckpsNLXT0zJzEkt0atKzNPLrtlvKi3WT8IPLtb3NjQyAAIjA1MDBgZDE0szYwtzM1NDhsz3W0uj2KMTAhfXmiuYtZ4FABe6Fhs

² Новый Казахстан в новом мире. Послание Президента Н.А. Назарбаева народу Казахстана. [Электронный ресурс]. – Архив за 2007 год. – М.: Астана, 2007. – Режим доступа: <http://www.kazakhemb.org.il/?CategoryID=250&ArticleID=551&Page=1>,

³ См.: Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства. 14.12.2012 г. Режим доступа: http://go.mail.ru/redirect?via_page=1&type=sr&redirect=eJzLKckpsNLXT0zJzEkt0atKzNPLrtlvKi3WT8IPLtb3NjQyAAIjA1MDBgZDE0szYwtzM1NDhsz3W0uj2KMTAhfXmiuYtZ4FABe6Fhs

ков в научной сфере, латинизация казахского языка. В 2017 году даже было внесено предложение о внесении в качестве поправки в Конституцию Республики Казахстан – придать английскому языку статус государственного языка. Пока это поправка не была принята. Все эти шаги, совершаемые правительством Республики Казахстан, свидетельствуют о стремлении строить в конечном счете моноэтническое государство, именно в обеспечении данного курса и проводится обозначенная выше языковая политика.

Список литературы:

1. Закон «О языках в Республике Казахстан» от 11 июля 1997 г.
2. Конституции Республики Казахстан 2017 г.
3. «Концепция языковой политики Республики Казахстан» от 4 ноября 1996 г.
4. Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства, декабрь 2012 г.
5. Новый Казахстан в новом мире. Послание Президента Н.А.Назарбаева народу Казахстана. [Электронный ресурс]. – Архив за 2007 год. – М.: Астана, 2007. – Режим доступа: [http://www.kazakhemb.org.il/? CategoryID=250&ArticleID=551&Page=1](http://www.kazakhemb.org.il/?CategoryID=250&ArticleID=551&Page=1)
6. Келльнер-Хайнкеле Б., Ландау Я. М. Языковая политика в современной Центральной Азии: национальная и этническая идентичность и советское наследие. М., Центр книги Рудомино, 2015, с. 317.

Евгения Викторовна ИСРАЕЛЯН

ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт Соединенных Штатов Америки и Канады Российской Академии Наук (ИСКРАН)», к.и.н.

evgenia_vik13@mail.ru

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

Аннотация: Стремительно растущая роль неправительственных организаций (НПО) является одной из важных особенностей современного миропорядка. Транснациональные НПО участвуют в различных видах международной деятельности, от многосторонней дипломатии до сертифицирования «этичного потребления», оказывая влияние на её характер и результаты. В статье рассмотрены сильные и слабые стороны НПО как участников трансформации международной политики и обозначены основные спорные вопросы относительно их статуса и деятельности.

Ключевые слова: Трансформация международных отношений; мировая политика; неправительственные организации; международные неправительственные организации; этичное потребление

E.V. ISSRAELIAN

PhD in History, Leading Researcher, Institute of the US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN), Moscow, Russian Federation

THE ROLE OF TRANSNATIONAL NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS IN THE CONTEMPORARY POLITICAL PROCESSES

Annotation: The rapidly growing role of NGOs is an important feature of contemporary international relations. Transnational NGOs participate in various types of international activities and exert influence on its pattern and results. The article examines achievements and weaknesses of NGOs as actors of the transformation of world politics and highlights several disputable issues regarding their status and activities.

Keywords: Transformation of international relations; world politics; NGOs; international NGOs; ethical consumption

.....

Одной из важных особенностей трансформации международных отношений в XXI в. является стремительно растущая роль негосударственных акторов. В их числе транснациональные неправительственные организации, которые заметно расширили сферу своей деятельности, усилили её политическую составляющую, научились успешно взаимодействовать с государственными и коммерческими структурами¹. Известный исследователь гражданского общества, профессор университета имени Джонса Хопкинса (США) Л. Сэлэмон даже назвал нынешний этап мирового развития «глобальной революцией общественных организаций»².

¹ Лебедева М.М. Акторы современной мировой политики: тренды развития/ Вестник МГИМО. М:2013. № 3 (28). С. 38–42.

² Salamon, I., Sokolowski, S., List, R. Global Civil Society. An Overview/The Johns Hopkins University Institute for Policy Studies, 2003. P. 1.

Почему НПО активизировали свою деятельность?

Главная причина – воздействие процессов глобализации. Для решения порожденных ею проблем (таких, как борьба с терроризмом, предотвращение экологических и гуманитарных катастроф, профилактика новых заболеваний и т.д.) необходимы совместные усилия всех действующих лиц – государства, частного сектора и общественности. Примечательно, что неправительственные организации (НПО) нередко вносят заметный вклад в различные сферы международных отношений, будь то урегулирование споров и конфликтов, разработка и реализация концепции устойчивого развития, этическое потребление, предлагая мировому сообществу свои испытанные на практике подходы и методологию. Другим результатом глобализации является стирание национальных границ, развитие и укрепление международных гражданских сетей и коалиций.

Активизация НПО наблюдается и во внутренней политике многих стран. Государство постепенно уходит из некоторых сфер своей традиционной деятельности, делегируя выполнение соответствующих обязанностей некоммерческому сектору. В результате общественные организации становятся все более значимыми поставщиками социальных услуг, в частности, незащищённым слоям населения, что способствует росту влияния и авторитета НПО. Добавим к этому укрепившийся потенциал неправительственных организаций при решении таких проблем, как: защита прав граждан, лоббирование и экспертиза законопроектов, информирование и распространение знаний. В целом НПО стали влиятельной силой, с которой считаются и сотрудничают власти развитых демократий.

Споры и дискуссии

Первые международные неправительственные организации (МНПО) появились в середине XIX в. Тогда возникли Красный крест (впоследствии получивший название «Международного Комитета Красного Креста»), «Армия Спасения», многие скаутские, пацифистские, профессиональные и религиозные объединения.

Радикальным новшеством в деятельности МНПО стало включение в Устав ООН статьи 7¹. Она наделила Экономический и Социальный Совет ООН полномочиями проводить консультации с неправительственными организациями. Принятие этой статьи позволило МНПО на легальных основаниях участвовать в международных отношениях. Стоит отметить и еще одно важное обстоятельство: ход событий показал, что становление и развитие межправительственных и неправительственных организаций тесно связаны между собой. Напомним, что в работе конференции в Сан-Франциско 1945 г. приняли участие многие НПО: 42 НПО были консультантами делегации США, а еще 160 организаций получили статус наблюдателя¹. С тех пор взаимодействие межправительственных организаций и МНПО активно развивается: консультативный статус при ЭКОСОС в настоящее время имеют около 4,5тыс. НПО².

Разработка правовой и организационной базы МНПО оказалась сложным и длительным процессом, вызвавшим дискуссии в международном сообществе и среди экспертов. Эволюцию подходов отразили международные документы,

¹ Подшибякин, С.А. Правовой статус международных неправительственных организаций/ Автореферат диссертации. М: МГИМО, 2004. URL: <http://www.dissercat.com/content/pravovoi-status-mezhdunarodnykh-nepravitelstvennykh-organizatsii> (дата обращения 3.04.2017)

² Basic Facts about ECOSOC Status./ NGO Branch. Department of Economic and Social Affairs. URL: <http://csonet.org/?menu=100> (Accessed 10/04/2017)

принятые ЭКОСОС, Генеральной Ассамблеей ООН, Советом Европы и другими многосторонними организациями. Наиболее известными являются: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 1296 от 23 мая 1968 г., давшая одно из первых определений МНПО как любой международной организации, не учрежденной на основании межправительственного соглашения. Другой важнейший документ — Европейская конвенция о признании юридическими лицами международных неправительственных организаций 1986 г. — дополнил понятие МНПО следующими критериями. В соответствии с конвенцией, такие организации, во-первых, должны иметь некоммерческую цель; во-вторых, учреждаться при использовании норм международного права; в-третьих, осуществлять свою деятельность, оказывая влияние не менее чем в двух государствах и, в-четвёртых, иметь зарегистрированный офис и центральный орган управления и контроля на территории этой же или другой страны¹.

Упоминания заслуживают также «Основополагающие принципы статуса неправительственных организаций в Европе», принятые Советом Европы в 2003 г. В них были уточнены демократические нормы жизнедеятельности МНПО: добровольность участия, самоуправляемость, право на свободу собственного мнения, некоммерческий характер.

Несмотря на разработанные стандарты и проведенные научные исследования, обсуждения, связанные со статусом и деятельностью МНПО, продолжаются. Специалисты отмечают существенные пробелы в регулировании МНПО. Одним из наиболее спорных является вопрос о международной правосубъектности этих организаций. В самой «природе» МНПО кроется противоречие — между транснациональным характером их деятельности и национальным правовым статусом. Нормы международного права наделяют МНПО соответствующими правами, обязанностями и ответственностью. Вместе с тем, уставная, финансовая деятельность организации и работа персонала МНПО определяются нормами внутреннего права. А потому, считают большинство юристов, МНПО не являются субъектами международного права, но должны осуществлять свою деятельность, сообразуясь с его принципами и стандартами. Существуют и другие мнения, в частности, о включении МНПО в круг субъектов международного права, но с ограниченной правосубъектностью.

Специалисты также обращают внимание на недостаточную разработанность понятийного аппарата МНПО, которые до сих пор не выделены в отдельную категорию неправительственных организаций. Большого внимания, по мнению исследователей, заслуживает изучение форм и методов воздействия МНПО на международные процессы. Некоторые аналитики предлагают рассмотреть перспективу создания координационного центра деятельности МНПО.

Разногласия вызывают и вопросы финансирования НПО/МНПО. Общеизвестно, что бюджеты МНПО давно перестали основываться только на членских взносах и добровольных пожертвованиях. Организации активно борются за контракты от государств, международных правительственных организаций и фондов, причем большинство МНПО (например, Транспэрэнси Интернэшнл, Фридом Хаус) напрямую получают государственные ассигнования. Иной политики придерживаются международные правозащитные организации (Хьюман Райтс Вотч, Эмнисти Интернешнл), которые официально отказываются от прямой государ-

¹ Совет Европы. Конвенция о признании юридическими лицами международных неправительственных организаций/ETS N 124. Страсбург, 24 апреля 1986 г.

ственной поддержки. Активисты правозащитных МНПО, эксперты по неправительственным организациям, представители донорских программ отмечают, что бюджетное финансирование имеет свои безусловные плюсы и столь же очевидные минусы. Позитив заключается в том, что организации получают значительные средства, причем в основном на конкурсной основе. Кроме того, они учатся соблюдать определенные этические и финансовые нормы, прежде всего, финансовую отчетность. В то же время эта «привязка» к государственным средствам имеет и негативную сторону: она дает власти возможность влиять на приоритеты и направления развития гражданского общества, используя финансовые рычаги. Это ставит под сомнение само выполнение задачи защиты прав и свобод населения – резюмируют противники использования государственного ассигнований¹.

В центре обсуждений находятся также проблемы эффективности деятельности транснациональных МНПО, их достижения и «болевы точки». К их сильным сторонам обычно относят: гибкую структуру; нейтральный статус; развитые вертикальные и горизонтальные связи; разнообразные варианты финансирования; знание общественных интересов; умение взаимодействовать с правительствами, бизнесом и международными организациями; способность служить источниками социальных инноваций; нацеленность на создание общественного благосостояния. К «болевым точкам» функционирования МНПО специалисты относят взяточничество, кумовство, хищения, подкуп представителей элит этих организаций, и коррупцию².

Рассмотрим некоторые результаты деятельности МНПО, работающих в относительно новой, нетрадиционной сфере.

Успехи и неудачи МНПО на примере продвижения «этичного потребления»

«Этичное потребление» (ethical consumption) означает отказ от товаров, при производстве которых нарушались права людей и/или загрязнялась окружающая среда³. Некоторые МНПО занимаются сертификацией продукции, отвечающей таким требованиям, и присваивает ей соответствующий брэнд, повышающий потребительский спрос. Тем самым организации привлекают внимание общественности к нарушению корпорациями экологических требований и трудовых норм, а также способствуют формированию социальной ответственности бизнеса.

Продвижение «этичного потребления» в качестве ценностного ориентира современной международной повестки дня является исключительно важной задачей, решение которой, однако, сопряжено с немалыми сложностями. В этом убеждает опыт нескольких наиболее известных НПО, специализирующихся на выработке этических стандартов. Одна из них – Рагмарк (Rugmark, сейчас изменила название на GoodWeave) – сеть организаций, созданная в 1994 г. с целью борьбы за прекращение использования детского труда при производстве ковров в Индии, Непале и Пакистане. Сертификаты Рагмарк имеют многие американские и европейские компании США.

Второй из рассмотренных сюжетов также связан с нарушением прав детей. Речь идет о кампании Фаул бол (Foulball – словосочетание, применяющееся в бейсболе).

¹ *Израелян Е.В.* Диалог государства и общественности: опыт Канады/ М.: Институт США и Канады РАН, 2006. С.59–60

² *Зонова Т. в.* Сохранятся ли НПО в будущем?/ РСМД 5.11.2013 URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2628#top (Дата обращения 2.12.2016)

³ В статье использованы данные коллективной монографии, написанной американскими и канадскими учеными: *The Credibility of Transnational NGOs: When Virtue is not enough./Ed. By Gourevitch, P., Lake, D., Stein, J.* Cambridge: Cambridge University Press, 2012, 234 p.

Она была развернута коалицией НПО в конце 1990-х годов в знак протеста против применения детского труда при изготовлении бейсбольных мячей в г. Сиалкот (Пакистан). Третий пример – американская НПО Трансфеа США (TransFair USA, теперь она называется Fair Trade USA) – сертифицирующая кофе, произведенный в Латинской Америке и Азии. Условие получения лицензии – соблюдение работодателями норм чистой экологии, безопасности труда и обеспечение его достойной оплаты.

Внедряя этические нормы в практику корпораций, НПО вскрыли и обнародовали вопиющие факты нарушения фундаментальных прав человека. Выяснилось, что в ковровой промышленности Южной Азии работают около 1 млн. детей, многие из которых не достигли даже четырехлетнего возраста. Проданные родителями за 50 долл., они трудятся по 15–18 часов в день, в антисанитарных условиях, без необходимого питания. А в выпуске футбольных мячей марки Рибок и Адидас участвовали пакистанские дети, большинство из которых моложе шести лет. Они получали по 10 пенсов за мяч, при продажной цене по 50 фунтов за мяч¹. Критика корпораций за несоблюдение морально-нравственных обязательств наносит ущерб их репутации, снижает рейтинг на рынке товаров и услуг, вынуждает опровергать выдвинутые обвинения.

Кроме того, мониторинг «этичного поведения» дает и практические результаты. Благодаря сертификации 90 млн фунтов кофе, произведенной НПО Трансфеа США, было получено и направлено на поддержку фермеров Латинской Америки 32 млн. долл. А Рагмарк начала финансировать строительство школ в развивающихся странах, с тем, чтобы повысить качество жизни детей и не допустить их преждевременного выхода на рынок труда.

Несмотря на крупные достижения в развитии «этичного потребления», авторы заключают, что возможности НПО в этой области имеют свои пределы. Это происходит, во-первых, из-за нехватки средств: известно, что Рагмарк приходится собирать взносы с корпораций для проведения сертификаций. А это приводит к конфликту интересов: известны попытки воздействия руководства компаний на принятие решений о сертификации. Во-вторых, из-за недостатка влияния и контактов, а также узкого охвата программ. По данным специалистов, в проекты Рагмарк входит лишь 8 % общего рынка ковровой продукции Юго-Восточной Азии, подлежащей сертифицированию². В-третьих, в СМИ просочились слухи о коррумпированности и взяточничестве представителей руководства Рагмарк.

Исследование деятельности МНПО в сфере «этичного потребления» подтверждает высказанные выше соображения о достижениях и просчётах МНПО. Создание новых коалиций и сетей, расширение сферы вовлечённости, усложнение механизмов и форм работы убеждают в том, что роль МНПО в формировании мировой политики будет возрастать. Представляется, что в отечественной историографии тематике МНПО не уделено достаточного внимания. Вместе с тем, эта область исследования, представляющая несхожие, а порой взаимоисключающие трактовки, весьма актуальна для понимания мировых политических процессов, исключительно интересна и, несомненно, заслуживает объективного изучения.

¹ The Credibility of Transnational NGOs. Op.cit., p.75

² The Credibility of Transnational NGOs. Op.cit., p.83

Татьяна Владимировна ЗОНОВА

Советник 1 класса, профессор кафедры дипломатии факультета международных отношений Московского государственного института международных отношений (Университет), доктор политических наук

zonova-tatiana@mail.ru

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ИНТЕГРАЦИОННОЙ ДИПЛОМАТИИ (НА ПРИМЕРЕ ЕС)

Выступление подготовлено по гранту РГНФ № 15-37-11128.

Аннотация: Публичную дипломатию в Европейском союзе определяют как «новый жанр осуществления власти в период глобальной информатизации». Для воздействия на общественное мнение используется целый «космос», где действуют политики, деятели культуры, науки и образования, СМИ, НПО, пользователи социальных сетей. И что особенно значимо — ныне публичность становится неотъемлемой чертой и профессиональной дипломатии. Наряду с этим, в рамках публичной дипломатии (при том, что ее проводником часто становятся неправительственные организации и частные лица) вполне допустимо существование различных точек зрения, в том числе, и отличных от официальной позиции правительства. Тем самым усложняются и задачи дипломатии, которая призвана иметь дело с все более широким спектром различных политических сил. Таким образом, публичная дипломатия Европейского союза и входящих в него стран формирует сложную, многогранную и долгосрочную совокупность ассоциативного имиджа, стремясь к опровержению некоторых негативных стереотипов в восприятии этого интеграционного объединения.

Ключевые слова: публичная дипломатия, Европейский союз, имидж, интеграция, глобализация, делегации, НПО.

T.V. ZONOVA

*1st class counselor, post-doctoral degree in Political Science,
full professor at MGIMO University.*

CHARACTERISTIC FEATURES OF INTEGRATION DIPLOMACY (THE EU MODEL)

Grant RGNF № 15-37-11128.

Annotation: Integration processes are one of the most noteworthy evidence of tectonic shifts in the field of international relations. The European Union is so far the only association in the world that has achieved such a high level of integration. Within its framework, the interdependence of the members of this integration association led to a close intertwining of political, economic, social and defense aspects.

A number of politicians and political scientists characterize the Common Foreign and Security Policy of the EU, proclaimed in Maastricht, as a full-fledged policy capable of withstanding comparison with the traditional foreign policy of national states. The creation of such an image of the CFSP is a significant task of Eurodiplomacy, it is promoted by the media and related research. In this regard, after Maastricht, the diplomacy of the European Union in the field of the CFSP is compared by some publicists with the diplomacy of such a federal state as the US. Diplomatic institutions of the EU, their foreign missions, foreign policy departments of the EU member states are increasingly feeling the need for a significant transformation.

Keywords: EU, diplomacy, integration, Common Foreign and Security Policy, European External Action Service.

.....

Публичная дипломатия для Евросоюза стала едва ли не главной составляющей его дипломатической деятельности: «Публичная дипломатия состоит в оказании влияния на позиции общественности. Она преследует цель продвижения интересов ЕС, добиваясь их понимания, а также путем информирования и влияния. Требуется ясное объяснение целей, политики и деятельности ЕС, достижение понимания его целей осуществляется через диалог с гражданами, группами, институтами и масс-медиа»¹.

С течением времени, особенно в результате информационной революции и возможности доступа любого члена мирового сообщества к официальной информации ЕС, различать внутренний и внешний аспекты политики становилось все труднее. Не случайно поэтому в экспертных оценках все чаще звучит термин *intermestic*, то есть, политика, сочетающая в себе как внутренние, так и внешние аспекты². Это не может не отразиться и на характере публичной дипломатии.

В постбиполярный период проводники публичной дипломатии ЕС, направленной на страны, не входящие в Союз, лейтмотивом своей деятельности сделали пропаганду закономерностей развития европейской интеграции в качестве примера для подражания. В Лиссабоне подчеркнули необходимость делать упор на присущее странам-членам стремление к мирному решению конфликтных ситуаций, отмечать достигнутый уровень жизни, а также акцентировать внимание на непреходящей ценности признания «человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, верховенства закона и уважения прав человека»³. Особый упор при этом постоянно делается на комплекс норм, правил, законов и обязательств, которые страна-кандидат призвана интегрировать в свою правовую, экономическую и политическую систему (т.н. *acquis communautaires*).

В настоящее время пропагандируется концепция трансформационного (*transformation*) характера публичной дипломатии ЕС с акцентом на продвижение европейских ценностей. Все это отличает характер дипломатии ЕС от традиционной дипломатии, проводники которой во главу угла ставили принцип невмешательства во внутренние дела, как это и указано в ст. 41 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. В этом плане можно сделать вывод о сближении европейской дипломатии с дипломатией США, впервые взявшей на вооружение принципы трансформационной дипломатии.

С вступлением в силу Лиссабонского договора, появлением постоянного президента ЕС и обретением ЕС юридического лица национальные интересы меняющейся каждые полгода страны-председателя не выдвигаются более на первый план. В этом контексте учрежденная Лиссабоном Европейская служба внешних действий (ЕСВД) стала весомой внешнеполитической структурой ЕС, осуществляющей публичную дипломатию. Официально ответственным за публичную дипломатию является возглавляющий ЕСВД Высокий представитель по внешней политике и по-

¹ European Commission «A glance at EU public diplomacy at work. The EU's 50th anniversary celebrations around the world». Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2007, p. 12.

² Manning B. The Congress, the Executive and Intermestic Affairs: Three Proposals. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/1977-01-01/congress-executive-and-intermestic-affairs-three-proposals> (accessed 03.05.2017)

³ The Lisbon Treaty (consolidated version), The Treaty on European Union, Article 2, in Official Journal of the European Union C 83/17, 30 March 2010.

литике безопасности ЕС, ставший также вице-председателем Комиссии¹. ЕСВД призвана в первую очередь обеспечить профессиональную, сильную и содержательную деятельность средств круглосуточной массовой информации в качестве связующего звена во взаимодействии со стэйкхолдерами и общественным мнением. Службе надлежит наладить диалог с гражданским обществом, неправительственными организациями, другими негосударственными акторами².

Публичная дипломатия стала также одним из направлений созданного в рамках ЕСВД в 2010 г. подразделения «Инструменты внешней политики». Это подразделение находится в ведомости Высокого представителя, Комиссия отвечает за финансовую сторону вопроса. За миссиями наблюдателей за выборами отвечает Европейский инструмент борьбы за демократию и права человека. Публичной дипломатией занимаются также 12 специальных представителей ЕС, из которых четверо проживают в странах, которые они представляют, остальные находятся в Брюсселе. Их задача состоит в связях со странами-членами и действуют они в рамках Комитета по политическим проблемам и проблемам безопасности. Информационный комитет по внешним связям ЕСВД снабжает всех глав представительств ЕС, прессу и чиновников, занимающихся информацией, соответствующими ежедневными инструкциями.

Внешним акторам публичная дипломатия предлагала определенные модели-символы, призванные свидетельствовать о привлекательности ЕС, например, весьма удачным стал бренд «единство в разнообразии», подчеркивающий возможность странам-членам проводить общую политику, сохраняя при этом свою идентичность, обогащенную культурой, языком, традициями. В отношении стран, желающих вступить в ЕС, дипломаты настойчиво пропагандировали идею «большего за большее», что означало: кто проведет более решительные политические реформы, то есть демократизацию, обеспечит защиту прав человека и реформирует судебную систему, получит большую помощь и признание со стороны Евросоюза. Популярным стал и лозунг, свидетельствующий о способности ЕС обеспечивать «деньги, рынки и мобильность»³.

Положительный отклик получила инициатива «Действуя вместе с женщинами». На веб-сайтах, в ходе конференций, опросов, культурных мероприятий широко отмечался Международный день за запрет насилия в отношении женщин или Международный женский день 8 марта. Значительно способствовало улучшению имиджа ЕС присуждение Нобелевской премии мира (2012) «за роль, сыгранную ЕС в деле предотвращения войн между европейскими странами, за продвижение демократии и прав человека»⁴.

Успешно проецирует образ Евросоюза его дипломатический протокол⁵. МИД третьей страны (т.е. не члена ЕС), устанавливая дипломатические отношения с Европейским Союзом или меняя посла, направляет в протокольную службу Европейской комиссии (непосредственно или через свое представительство при ЕС) запрос

¹ Council Decision establishing the organisation and functioning of the European External Action Service, 26 July 2010 (2010/427/EU), Official Journal of the European Union L 201/30, 3 August 2010, Article 4, 9(6) and Annex.

² Ibid.

³ Это звучало как три М, поскольку все три слова в английском начинаются на букву М.

⁴ *Holzhaecker I., Luif P.* (eds). Freedom, Security and Justice in the European Union. Life Learning Programme of the European Union Project no. 177316-LLP-1-2010-DE-ERASMUS-ENWA. URL: <https://books.google.ru/books?id=3lWRAAAAQBAJ&pg=PA1&dq=nobel+prize+european+union&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwj336PGhdTTAhVHYJoKHZBPCawQ6AEIjAA#v=onepage&q=nobel%20prize%20european%20union&f=false>

⁵ Protocol Service of the European Commission. URL: http://ec.europa.eu/dgs/secretariat_general/corps/index.cfm?go=protocol.protocol

на агреман (в форме вербальной ноты, к которому на нетитулованной бумаге прилагается *curriculum vitae* посла). Как правило, на ответ требуется где-то около двух месяцев, а в период отпусков может пройти еще больше времени, так как кандидатура посла должна быть одобрена Европейской Комиссией, Советом Европейского Союза и правительствами государств-членов. Когда эта процедура благополучно завершена, о результате МИД аккредитующей страны извещают вербальной нотой. По этому поводу Генеральный секретариат Совета ЕС обычно распространяет пресс-релиз.

В ожидании посла протокольная служба Комиссии обращается в МИД Бельгии с просьбой предоставить полагающиеся послу привилегии и иммунитеты и извести об этом таможенную и пограничную службы. Детали церемониала акцентируют внимание на двойственном характере интеграции, строящейся одновременно как на межгосударственном, так и на наднациональном уровне. Аккредитованный при ЕС посол третьей страны, впервые прибывающий в Брюссель, везет с собой не одну, как это принято в мировой дипломатии, а две верительные грамоты. По приезде посла их копии передаются в протокольный отдел Европейской Комиссии, после чего определяется время вручения грамот. Таким образом, одна верительная грамота предназначается Председателю Европейского совета как главе института, строящего свою деятельность на основе межгосударственного согласования, другая – Председателю Комиссии ЕС, института наднационального. Аналогично в обоих случаях вручаются и отзывные грамоты предыдущего главы миссии. Перед окончательным отъездом из Брюсселя посол направляет прощальные письма как главе Европейского совета, так и главе Комиссии.

Непосредственная передача информации в различные страны мира и установление необходимых контактов с их руководством и общественностью осуществляется, прежде всего, в рамках одного из самых многочисленных дипломатических корпусов мира – в дипломатическом корпусе при ЕС в Брюсселе. Там аккредитованы 164 миссии и представительства, 36 международных организаций и ряд других акторов.

Символический посыл, акцентирующий внимание на христианских корнях европейской цивилизации, заключается в том, что дуайеном дипломатического корпуса при ЕС неизменно становится папский нунций. В качестве его заместителя выступает посол, приступивший к исполнению своих обязанностей ранее других послов при ЕС. Значимость интеграционной дипломатии выражена также в подчеркивании старшинства послов ЕС, когда на приеме, организованном одним из членов дипломатического корпуса ЕС, аккредитованные при ЕС послы, имеют старшинство по отношению к главам других миссий.

Протокол ЕС отдает дань памятным датам общеевропейского и национального характера. По устоявшемуся обычаю, дипломатическая миссия, аккредитованная при ЕС, в День Европы 9 мая вывешивает свой национальный флаг на здании миссии, а, по желанию, и на здании резиденции главы миссии. Миссии в Брюсселе вывешивают свой флаг также в День Бельгии 22 июля и в День Праздника Династии 15 ноября.

Особое внимание уделяется сегодня цифровой публичной дипломатии¹. ЕСВД признала возрастающую роль СМИ и зарегистрировалась в социальных сетях в качестве организации. Руководство ЕСВД поощряет делегации к активному присутствию в интернете. При этом рекомендуется выходить в сети на языке страны

¹ Marietje Schaake (rapporteur), Draft Report on the cultural dimensions of the EU's external action, Committee on Culture and Education (2010/2161), 29 November 2010, p.5. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//NONSGML+COMPARL+PE-450.904+04+DOC+PDF+V0//EN&language=EN>

пребывания. Считается, что это предоставит им большие возможности в проведении коммуникационных стратегий в отношении той или иной группы населения. Дипломаты утверждают, что понимание общественной жизни и политики аккредитующей страны населением других стран требует понимания культуры, истории и психологии народа, с которым предстоит общаться.

В странах, где интернетом охвачены широкие слои, руководители делегаций делают ставку на электронную коммуникацию, сведя к минимуму распространение печатных материалов или полностью от них отказываясь. Это позволяет постоянно и оперативно обновлять информацию на сайтах посольств и Евросоюза. К тому же цифровая дипломатия дает возможность практиковать многоуровневую дипломатию и в реальном времени непосредственно обращаться к гражданам, минуя правительственные каналы. Через сети устанавливаются связи с людьми, формирующими общественное мнение, с влиятельными блоггерами, журналистами и представителями гражданского общества. Очевидно, однако, что зачастую ограниченный объем информации, поставляемый в социальные сети, не позволяет дать всесторонний анализ сложных и трудно разрешимых проблем и начать плодотворный диалог.

Зачастую термины *публичная дипломатия* и *культурная дипломатия* взаимозаменяемы. Таким образом, культура, бесспорно, является значимой составляющей публичной дипломатии. Культурные ассоциации и организации сотрудничества выступают в качестве важнейших партнеров в проведении в жизнь дипломатии «мягкой силы»¹. В декларациях ЕС подчеркивается готовность к диалогу с гражданским обществом в рамках Ассоциаций дружбы, НПО, профсоюзов и пр. Причем отмечается, что совершенно необходим диалог с теми, кто не согласен с политикой ЕС, например, при обсуждении заключаемых Союзом торговых соглашений. Европейский парламент активно занимается продвижением публичной дипломатии в области культуры, стремится повысить интерес к европейским ценностям.

В 2016 г. Комиссия одобрила новую «Стратегию ЕС в развитии международных культурных отношений»². Ее разработчики отмечают роль культуры как ценного ресурса, способствующего преодолению возникающих вызовов, например, разрешению проблем интеграции беженцев и мигрантов, борьбе с радикализацией насилия, защите культурного наследия. Для успешного проведения в жизнь положений этой Стратегии предлагается осуществлять поддержку культуры как двигателя социального и экономического развития. Культура рассматривается как центральный элемент новой креативной экономики, инноваций, компьютеризации и доступа к знаниям. Культурная и творческая промышленность представляет 3% глобального ВВП и предоставляет 30 миллионов рабочих мест, из них 7 миллионов в странах ЕС.

Особое внимание Стратегия уделяет межкультурному диалогу, включая межрелигиозный диалог, как ключевому способу создания миролюбивых и инклюзивных обществ, сохраняющих ценность культурных различий и уважающих права человека. Диалог призван осуществляться путем сотрудничества культурных ассоциаций, молодежного и студенческого обмена, обмена учеными, исследователями и преподавателями³. Считается также, что делегации ЕС, мультикультурные по со-

¹ Zonova T. Public diplomacy and its actors. RIAC August 28, 2012. URL: <http://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/public-diplomacy-and-its-actors/> (accessed 03.05.2017)

² URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/4209/new-strategy-put-culture-heart-eu-international-relations_en

³ Zonova T. Humanitarian Cooperation between Russia and the European Union as a Soft Power Instrument. RIAC. June 4, 2013. URL: <http://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/humanitarian-cooperation-between-russia-and-the-european-uni/> (accessed 03.05.2017)

ставу и не преследующие определенный национальный интерес, – идеальный инструмент такой дипломатии, способной предотвращать конфликты и развязывать гордые узлы политики¹. Сохранение культурного наследия будет способствовать расширению туризма и станет серьезной поддержкой экономического роста.

Комиссия берет на себя обязательство выступить с законодательной инициативой, направленной на регулирование импорта культурных товаров в ЕС. Она также предлагает Европейскому парламенту и Совету ЕС превратить 2018 г. в Год культурного наследия. Главное, что следует сделать, это обеспечить синергию основных акторов культурной политики, то есть, правительственных организаций, культурных ассоциаций, гражданского общества. В этом контексте особая роль принадлежит ЕСВД и делегациям ЕС, которые уже накопили опыт проведения значительного числа культурных мероприятий в странах их пребывания. Им и далее надлежит способствовать сотрудничеству между культурными институтами, фондами, частными и государственными предприятиями.

---

¹ Зонова Т.В. Дипломатия. Модели, формы, методы. М.: Аспект Пресс, 2014.

Драган Радета ПЕТРОВИЧ

Научный советник Института международной политики и экономики, Белград, Сербия; доктор исторических наук, доктор географических наук

drdraganpetrovic83@gmail.com

Райко Миланович БУКВИЧ

Руководитель Отделения региональной географии Географического института «Йован Цвиич», Белград, Сербия, профессор, научный сотрудник; ассоциированный профессор Нижегородского инженерно-экономического университета, Княгинино, Россия

r.bukvic@mail.ru

Иван Спасойевич ПАЙОВИЧ

Ассоциированный профессор Нижегородского инженерно-экономического университета, Княгинино, Россия, доктор экономических наук

pajkosh08@yahoo.com

МИР И БАЛКАНЫ В МНОГОПОЛЯРНОСТИ

Аннотация: После распада СССР и исчезновения Восточного блока мир быстро перешёл в однополярный порядок. Обратный процесс перехода к многополярности должен иметь более длительный срок. Тихоокеанский регион, особенно Дальний Восток, после нескольких столетий становится мегарегионом мировой экономики по отношению к Северной Атлантике, которая медленно теряет ведущую роль. Мировой экономический кризис, возникший в 2008 году, по своим структуральным причинам и последствиям, в первую очередь — англо-американский кризис и крах неоллиберализма как концепции, что также ускоряет процесс перехода к многополярному порядку. США по-прежнему играет ведущую роль в международных отношениях, но теперь только первую среди нескольких мировых держав, без возможности самостоятельно принимать решения. В первую очередь, страны БРИКС по элементам жёсткой силы постоянно увеличивают свое влияние, что является процессом, который будет продолжаться. В данной статье будут рассмотрены глобальные экономические и политические изменения, а рядом с ними и ситуации на Балканах, где есть множество проблем, от которых тоже страдают страны ЕС, например финансовый и миграционный кризис, и где существует интерес прежде всего четырёх соседних стран — Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины и Македонии — далее оставаться вне НАТО, в смысле концепции Б4.

Ключевые слова: Монополярность, многополярность, мир и Балканы, военная нейтральность, концепция Б4.

D. PETROVIĆ,

PhD in History, PhD in Geography; Principal Research Fellow, Institute of International Politics and Economics, Belgrade, Serbia

R. BUKVIĆ,

PhD in Economics, Professor, Principal Research Fellow, Head of The Regional Geography Department, Geographical Institute «Jovan Cvijić» SASA, Belgrade, Serbia; Honorary Professor of Nizhny Novgorod State Engineering and Economic University, Knyaginino, Russia

I. PAJOVIĆ

*PhD in Economics, Science Researcher, Visiting Professor
Nizhny Novgorod State Engineering and Economic University, Knyaginino, Russia*

WORLD AND BALKANS IN MULTYPOLARITY

Annotation: After the collapse of the Soviet Union and the disappearance of the Eastern bloc, the world quickly moved into a unipolar order. The reverse process of transition to multipolarity should have a longer period. The Pacific region, especially the Far East, after several centuries becomes a mega-region of the world economy in relation to the North Atlantic, which slowly loses its leading role. The global economic crisis, which arose in 2008, for structural reasons and consequences, primarily is the Anglo-American crisis and the collapse of neo-liberalism as a concept, which also accelerates the process of transition to a multipolar order. The United States still plays a leading role in international relations, but now is only the first among several world powers, without the ability to make independent decisions. First of all, the BRICS countries by the elements of hard power constantly increase their influence, which is a process that will continue. This article will consider global economic and political changes, and the situation in the Balkans, where there are many problems that also affect the EU countries, for example, the financial and migration crisis, and where there is interest primarily among the four neighboring countries – Serbia, Montenegro, Bosnia and Herzegovina and Macedonia, then remain outside NATO, in the terms of concept B4.

Keywords: Monopolarity, multipolarity, world and the Balkans, military neutrality, concept B4.

.....

После падения Берлинской стены, распада СССР и исчезновения Восточного блока мир в начале девяностых годов, впервые в нововековой истории, попал в однополярность, с выраженным доминированием США и военно-политического альянса НАТО. Политическую и военную доминацию США утвердили и экономически, навязыванием и проведением политики Вашингтонского договора, представляющего по сути план Моргентау¹ для стран сначала Латинской Америки, а потом и бывшего социалистического мира. Основа Договора – предположение о спонтанном возникновении рынков – известная «ошибка спонтанности», которой придерживались более или менее все трансформирующиеся страны, и которая не могла иметь хороших последствий².

Большой кризис в России девяностых годов, вызванный применением неолиберальной модели, неразрывно связанной с Договором, с катастрофическими последствиями для общего состояния российской экономики и общества, также дефензивная политика Китая (направленная на внутреннее экономическое и социальное укрепление, на основе модифицированной модели неокейнзианизма, но и на открытости китайской экономики для сотрудничества с миром), вызвали и в других регионах, включая Балканы, безудержную мощь глобальной гегемонии США.

Хотя применение Вашингтонского договора дало результаты в виде «пейзажа после битв»³, мир не был полностью покорён. Китай, не позволивший сценарий остального социалистического мира, и Россия сумели сохранить элементы мировой мощи и способность защитить свои собственные узкие региональные интересы, на которых даже глобальное всемогущество США не могло влиять. Россия сохранила два элемента сверхдержавы: эгалитарную мощь ядерного оружия с США и значительные запасы природных ресурсов первого класса, как энергия (нефть и газ), руды металлов и неметаллов, лесные запасы, запасы питьевой воды, колоссальная площадь пахотных земель чернозёма, и т.д. Параллельно с этим начался рост Китая,

¹ Reinert, E.S. Globalna ekonomija. Kako su bogati postali bogati i zašto siromašni postaju siromašniji / пер. с норв. I. Rajić. Beograd: Čigoja štampa, 2006.

² Macner, E. Monopolarni svetski poredak. O socioekonomiji dominacije SAD / пер. с англ. М. Кореџни. Beograd: Dosije, 2003, с. 51.

³ Ананьин, О.И.; Р.Г. Хаиткулов и Д.Е. Шестаков. Вашингтонский консенсус: пейзаж после битв // Мировая экономика и международные отношения, 2010, № 12.

сначала экономический, а потом и как мировой державы, опирающийся в первую очередь на Дальний Восток и угрожающий в конечном итоге американской гегемонии. Экономическое значение приобретают также важные стратегические ресурсы (месторождения энергетических и других ресурсов, участие в приватизации, строительстве дорог и т.д.), особенно в районах Африки, других азиатских пространств, и даже как концепции нового Шёлкового пути (НШП)¹ Китая и Юго-Восточной Европы.

ВОЗВРАТ К МНОГОПОЛЯРНОСТИ

Два ключевых планетарных процесса вызвали быстрый переход однополярного порядка к многополярному. Первое, после нескольких столетий Северная Атлантика перестаёт быть ведущим планетарным экономическим мегарегионом, а всё больше таким становится северная часть Тихого океана, с центром в Китае. Другое, глобальный экономический кризис в 2008 году. На самом деле, по причинам и последствиям, это преимущественно англо-американский кризис, крах неоллиберальной концепции, который прежде всего плохо влияет на США, потом Великобританию и в меньшей степени другие страны Запада, а косвенно его последствия чувствуются во всём мире.

Этот второй процесс значительно ускоряет начатое течение, направляющее миропорядок к многополярности. Вместо до недавнего времени всемогущих США уже существует несколько мировых держав, из которых США по-прежнему ведущие, но без возможности, как раньше, самостоятельно определять главные процессы касающиеся соотношения *мировой* политики и международных *отношений*. Америка по-прежнему может провоцировать кризисы в различных частях мира, но не заканчивать их по своему. Примеры – украинский и сирийский кризис, а с точки зрения мягкой силы – дела Викиликс и Сноуден.

Победа Трампа на президентских выборах в США и Brexit – два новых ключевых явления, указывающие, что, с одной стороны, многополярность уже существует, и это меняет политику ведущих англосаксонских держав. С другой стороны, и у них, имевших наибольшие выгоды от неолиберализма и нового порядка, обычный человек, по теории современной мировой системы И. Валлерштейна, решил восстать и свергнуть эту империалистическую политику, которую создаёт узкий слой элиты глобалистов.

В связи с победой Трампа и Brexit-ом, часть элиты в Вашингтоне и в Лондоне теперь в большей степени готовы искать компромисса с Москвой (и в более широком плане – с БРИКС). Но вряд ли получится серьёзное сближение интересов Вашингтона и Лондона, с одной стороны, и Москвы, Пекина и других центров мощи. Это прежде всего тактическая готовность к сотрудничеству заинтересованных сторон («торговля»). Безусловно, это тоже шанс на Балканах, конкретно для сербских интересов.

Ведущие страны ЕС рассматривают возможность её институционального расслоения, во главе с эксклюзивным клубом – Германией и Францией, а потом Италией, Испанией. Другие члены ЕС, в институциональных формах, имели бы меньше прав. Это встретило сопротивление, особенно Вышеградской группы. Ко-

¹ Новый шёлковый путь, транспортный маршрут для перемещения грузов и пассажиров по суше из Китая в страны Европы. Включает трансконтинентальную железную дорогу – Транссибирскую магистраль, проходящую через Россию и второй Евразийский континентальный мост, проходящий через Казахстан. (Petrović, D. i Tomić-Petrović N. Geopolitical aspect of the new Silk Road, Danube and the new silk road, ed. by D. Dimitrijević, Belgrade: Institute of International Politics and Economies, 2016.)

лоссальные финансовые противоречия и кризисы, от которых страдает в первую очередь Греция, но и другие, в основном из Восточной Европы, Средиземноморья, представляют серьёзную проблему для будущей иллюзии единства, которое в дальнейшем отражается в кризисе мигрантов и различии (непреодолимом?) к общей стратегии. Поскольку эти проблемы не будут решены в последующие годы и десятилетия, наоборот, они могут даже ухудшить единство, существование ЕС находится под большим вопросом.

После нескольких столетий, Северная Атлантика уступает лидирующие позиции в экономике северной части Тихого океана, с центром на Дальнем Востоке, особенно в Китае. Китай через НШП устанавливает прямую геоэкономическую и транспортную линию связи с Европой, в том числе и с важным регионом бассейна Дуная. Таким образом, Сербия получает дополнительные возможности для развития отношений с Китаем, для соединения со странами в регионе, для собственного развития, особенно учитывая маршрут Дуная, дорожные коридоры, которые проходят через её территорию, а также проект высокоскоростной железной дороги Пирей-Будапешт. Факт, что Сербия в военном отношении нейтральная и не является членом ЕС, становится более важным, когда речь идёт о Китае.

Индия становится всё более влиятельной в международных отношениях, как Бразилия и другие члены БРИКС. Совместным действием они получают дополнительную возможность увеличить влияние на глобальном уровне, хотя в первую очередь имеют амбиции на своём континенте.

СИТУАЦИЯ НА БАЛКАНАХ¹

Существенное геополитическое нерасположение властей англосаксонских держав, и в меньшей степени слабость сербских позиций и руководства, также совершенные ошибки, привели к очень плохому состоянию сербского фактора в период «перехода», которое в послепятнадцатой Сербии (государству под протекторатом) продолжается внутренней слабостью и плохими экономическими результатами после 2000 года².

Развитие региональной инициативы для формирования геополитического пространства в военном отношении нейтральных суверенных государств с участием Сербии, Черногории, Македонии, Боснии и Герцеговины – Б4, идёт в этом направлении. Победа пророссийских президентов в Болгарии и Молдове, статус-кво в Македонии, расположение большинства населения Черногории против вступления в НАТО и острые разногласия в её элите об этом, ясно говорят, что концепция военного нейтралитета, в первую очередь Сербии, была бы решением, отражающим контуры формирования многополярности в международных отношениях, а с другой стороны, и интересы большинства населения, которые часто настолько отличаются от желания правящих элит.

Изменения в международных отношениях и мировом порядке всё более и быстрее склоняются в сторону многополярности, они имеют и планетарный и европейский характер, а также коннотации на Балканах. На Балканском полуострове уже несколько лет ожидали, что волны растущего мирового порядка многополярности придут и к этим пространствам. Но, украинский кризис оторвал страну

¹ См. более подробно: Петровић, Д. Геополитика Балкана, Београд: Институт за међународну политику и привреду, 2014.

² Подробный анализ трансформационного процесса в Сербии см. в: Bukvić, R. Transition in Serbia: Foundations, Results and Perspectives / 4th International Conference on European Studies, Social, Economic and Political Transition of the Balkans, Tirana: Epoka University, 2013.

от ожидаемого продолжения приближения России в эпохе Виктора Януковича, и привел к статус-кво после вооружённого конфликта на юго-востоке. Крым вернулся к Российской Федерации, но власти в Киеве проводят до сих пор политику против России.

После победы Трампа и Brexit'a, нового кризиса в ЕС в течение 2016 года, на Балканах произошёл ряд важных событий. С победой пророссийского президента в Болгарии, а также в Молдове, с определённым сближением России и Турции, со статус-кво в Македонии, рождается реальная возможность для возрождения некоторых концепций из проекта Южного потока¹.

На Балканах преломляются важные изменения в международных отношениях и пересекаются интересы великих держав. Здесь существует традиционное российское влияние на православные и славянские народы, и в эпоху постепенного обострения к порядку многополярности это влияние будет расти. Интерес к экономическому сотрудничеству, связанный с Южным потоком, очень силен, и он будет иметь немалое влияние на дальнейшие отношения на Балканах, независимо от того, когда, в какой форме, и вообще будет ли реализован тот проект.

Развитие региональной инициативы для формирования геополитического пространства в военном отношении нейтральных суверенных государств с участием Сербии, Черногории, Македонии, Боснии и Герцеговины происходит именно в этом направлении. На сербских просторах укрепленная позиция премьер-министра Милорада Додика и Республики Сербской и сопротивление Баялуки приближению к НАТО. Большинство населения Черногории против вступления в НАТО, и острые разногласия черногорской элиты об этом ясно показывают, что концепция военного нейтралитета, в первую очередь Сербии, но и вместе с соседними странами в рамках концепции Б4 представляет собой решение, отражающее контуры многополярности в международных отношениях. Также это отражает интересы большинства их населения, несогласного с правящей элитой.

Республика Сербска имеет внутренний консенсус всех политических и социальных структур, которые не хотят вступать в НАТО. Особенно, после попытки захвата военного центра в Хан Пиеске (против воли Баялуки и против соглашения в Дейтоне) и захвата части сербской территории, которая, таким образом, вступила бы в часть территории боснийских мусульманов.

В Македонии, ВМРО-ДПМНЕ и её лидер Груевски на досрочных выборах в декабре вновь получили большинство мандатов и имеют достаточно прочную национально-конструктивную позицию по отношению к албанским партиям. Это может привести к проведению новых выборов, после которых партия может иметь большее большинство, чтобы сформировать правительство. Понятно, что при вступлении Македонии в НАТО албанское меньшинство, политические представители которых вообще не скрывают сепаратистские взгляды, было бы ещё больше привилегированным, хотя и ведущие македонские партии не противостоят теперь потенциальному вхождению в НАТО. Страна в многополярном балансе сил имеет лучшие шансы для стабильности. Возрождение концепции Южного потока, часть

---

¹ Южный поток, международный проект газопровода, который планировалось проложить по дну Чёрного моря из Анапского района в болгарский порт Варну, откуда две ветки должны были пройти через Балканский полуостров в Италию и Австрию. Строительство началось 7 декабря 2012 и должно было закончиться в 2015 году. Мощность потока должна была составить 63 млрд кубометров газа в год, оценочная стоимость 16 млрд евро. 1 декабря 2014 года президент России Путин заявил, что Россия не может продолжать реализацию Южного потока из-за неконструктивной позиции Евросоюза.

которого проходила бы через Македонию, имеет большое экономическое, но и общее геополитическое значение для Македонии.

У Сербии много причин не только не вступать в НАТО, но и поддержать региональную концепцию Б4. Подавляющее большинство населения поддерживает позицию Сербии вне НАТО, и это глубоко демократический вопрос. Когда дело доходит до Косово и Метохии, Россия будет готова к дальнейшему углублению отношений с Белградом. Усилия власти в Белграде по реализации соглашения из Брюсселя, предусматривающего, что именно войска НАТО гарантируют безопасность сербов на севере, и когда Приштина отказывается от реализации всего, что может быть в интересах сербской стороны, не было бы целесообразно в изменившихся международных обстоятельствах и региональных условиях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Концепция Б4 представляет серьёзный вызов для региона, и предоставляет возможность для учёных и специалистов рассмотреть все его обстоятельства и условия. Это относится, в частности, к Сербии, потому что она могла бы (даже должна) из регионального положения, а также своих собственных и более широких интересов, стать лидером в этом процессе.

В Македонии большинство населения определённо против НАТО, и, если формально получится соглашение ведущих македонских партии, этого не произойдёт. В Республике Сербской и Сербии (и Черногории) также нет воли большинства населения к вступлению в НАТО.

В связи с этим, очень важно иметь часть свободных средств массовой информации в стране, через которую ситуация может быть представлена более широком общественном мнении. Поскольку большинство населения Сербии, Республики Сербской, Черногории и Македонии унаследовало культурные, исторические и геополитические симпатии к России, в интересах России поощрение открытости СМИ и демократические возможности. В таких условиях популярность и привлекательность русского мира и дружбы с Россией бесспорна. С другой стороны, у глобалистских сил есть опыт цветных революций и неоколониальной политики, они пытаются сформировать отчужденную элиту, в соответствии с латиноамериканской моделью: с эксплуататорской колониальной экономикой и социальной организацией. Это ведёт дружественные России страны к состоянию зависимости и снижению суверенитета в отношении к глобалистским центрам силы, вопреки стремлению большинства населения, а значит — к недемократичной модели.

Новый *банк развития* БРИКС, возможности ШОС, ОДКБ, сравнительные преимущества российских экспортных и экономических ресурсов — особенно энергия, также один из вариантов Южного потока — всё это способы влияния и действия в сторону многополярного мира и на Балканах. Южный поток и интересы региона в его реализации очевидны. Ожидания в этом направлении останутся до тех пор, пока один из его вариантов реализуется.

Литература

1. Ананьин, О.И.; Р.Г. Хаиткулов и Д.Е. Шестаков. Вашингтонский консенсус: пейзаж после битв // *Мировая экономика и международные отношения*, 2010, № 12, с. 15–27.
2. Петровић, Д. Геополитика Балкана, Београд: Институт за међународну политику и привреду, 2014.
3. Vukvić, R. Transition in Serbia: Foundations, Results and Perspectives / 4th International Conference on European Studies, Social, Economic and Political Transition of the Balkans, Tirana: Epoka University, 2013, pp. 556–572.

-
4. *Macner, E.* Monopolarni svetski poredak. O socioekonomiji dominacije SAD / пер. с англ. М. Корећни. Beograd: Dosije, 2003.
  5. *Petrović, D. and N. Tomić-Petrović.* Geopolitical aspect of the new Silk Road, Danube and the new silk road, ed. by D. Dimitrijević, Belgrade: Institute of International Politics and Economics, 2016, pp. 108–118.
  6. *Reinert, E.S.* Globalna ekonomija. Kako su bogati postali bogati i zašto siromašni postaju siromašniji / пер. с норв. I. Rajić. Beograd: Čigoja štampa, 2006.
  7. *Wallerstein Immanuel.* World-Systems Analysis. An Introduction, Duke University Press, 2004.

Эдуард Геннадьевич Соловьев

заведующий сектором Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, к. полит. наук.

solovyev@imemo.ru

СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – ВОЗМОЖНА ЛИ ДЕИДЕОЛОГИЗАЦИЯ?

Аннотация: Холодная война представляла собой не только традиционную для международных отношений очередную фазу борьбы за мировое господство, но одновременно и идеологическое противостояние, призванное навязать противостоящей стороне определенную систему ценностей, политический режим и т.д. В результате важным компонентом холодной войны был идеологический конфликт противостоящих держав. С ее завершением в странах Запада была актуализирована проблематика «конца истории» и «конца идеологий». Утверждалось как аксиома, что внешняя политика утрачивает идеологическое измерение. Однако идеологическая составляющая оказалась глубоко интегрирована в формировавшийся «новый» мировой порядок. Само доминирование стран Запада в складывавшейся системе международных отношений легитимировалось в рамках либеральной идеологической парадигмы. Приход к власти в США Д.Трампа и связанные с этим события изменения в американской и мировой политике свидетельствуют о серьезных трансформациях, происходящих в современной системе международных отношений. Безоговорочное доминирование либеральной парадигмы в глобальном масштабе постепенно подходит к концу. Данный процесс ускоряется из-за завершения «однополярного момента» в мировой политике и формирования полицентричного миропорядка. В рамках этих процессов, пожалуй, впервые за последние десятилетия складываются реальные предпосылки для деидеологизации международных отношений. Мир вступает в турбулентную эпоху. И одной из ее основных черт вероятно станет усиление политического реализма как интеллектуальной доминанты при принятии решений в динамичной и гораздо более неопределенной, чем в последние десятилетия, международной среде.

Ключевые слова: мировая политика, международные отношения, полицентричный миропорядок, идеология, либерализм, реализм.

E.G. SOLOVYEV

Head of Section, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Ph.D. in Political Science

MODERN INTERNATIONAL RELATIONS: IS DEIDEOLOGIZATION POSSIBLE?

The Cold War was not only traditional in international relations next phase of the struggle for world domination, but also an ideological war aimed to impose on the opposing powers a certain value system, social structure, political regime, etc. As a result the ideological conflict of the opposing powers became an important component of the Cold War. With the end of the Cold War the problems of «end of history» and the «end of ideologies» were actualized on the West. It became about an axiom that the world politics lost its ideological dimension. In fact, however, ideological component is deeply integrated into the emerging «new» world order. Even the dominance of Western countries in the emerging system of international relations was legitimated by the postulates of neo-liberalism. The coming to power in the USA of president D. Trump and changes in American foreign policy stress a deep transformation in the modern system of international

relations. Unconditional dominance of the liberal paradigm in global scale is gradually coming to an end. This process is accelerated due to the completion of the «unipolar moment» in world politics and process of step by step formation of a polycentric world order. Perhaps for the first time in recent decades real prerequisites appeared for de-ideologization of international relations and consolidation of realistic trends. The world is entering to a turbulent era. And one of its main features will probably be decline of ideology influence and the strengthening of political realism as an intellectual dominant in making decisions in dynamic and unclear international environment.

Keywords: world politics, international relations, polycentric world order, ideology, liberalism, realism.

.....

Международные отношения середины и второй половины XX столетия характеризовались тем, что традиционный комплекс факторов, лежащих в основе мировой политики, возможно, впервые со времен религиозных войн XVI–XVII вв., был дополнен идеологическим компонентом. Причем идеологическая составляющая по мере развития холодной войны и биполярного противостояния имела тенденцию к превращению в один из главенствующих (если не решающих) факторов мировой политики. Многие аналитики отмечают, что холодная война представляла собой не только традиционную для международных отношений очередную фазу борьбы за мировое господство, но одновременно и идеологическую войну, призванную навязать противостоящей стороне определенный образ жизни, систему ценностей, форму социального устройства, политический режим и т.д. В результате во время холодной войны идеологический конфликт приобрел во многом самодовлеющее значение, составлял основной нерв противостояния в рамках сформировавшейся биполярной системы международных отношений. Противостояние полюсов подразумевало не просто конкуренцию или напряженные отношения между двумя антагонистами, а чуть ли не священную войну, в которой одна из двух соперничающих систем должна одержать победу, а другая – исчезнуть. Два противоборствующих полюса разыгрывали идеологически обусловленную игру с нулевой суммой, в соответствии с которой весь мир по сути дела был разделен на сферы интересов и идеологического влияния.

Неслучайно поэтому с завершением холодной войны в общественно-политическом дискурсе стран Запада была актуализирована проблематика «конца истории» и «конца идеологий». Во всяком случае, утверждалось как аксиома, не требующая доказательств, что внешняя политика утрачивает идеологическое измерение. Однако на самом деле идеологическая составляющая оказалась глубоко интегрирована в формировавшийся «новый» мировой порядок. Само доминирование стран Запада в складывавшейся системе международных отношений легитимировалось во многом посредством идеологического инструментария. Более того, в рамках четко проявившего себя к началу XXI в. «униполярного момента» страны Запада, как и сто, и двести лет назад, пытались играть роль авангарда, проецирующего (в том числе принудительно) свои ценности и институты (рынок, права человека, демократию) на другие общества, которые (пусть и в различной степени) готовы были оказать этому сопротивление и которые, как ни парадоксально, отстаивают ныне совокупность институтов и норм, навязанных им Западом ранее (суверенитет, территориальная целостность, дипломатия как основная форма взаимодействия на международной арене и т.д.)¹. Неудивительно, что именно в этот период (в 1990-х гг.)

¹ См. об этом: *Buzan B. From international to World Society? English school theory and the social structure of globalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 237.*

получили широкое распространение многочисленные концепции т.н. «наступательного» либерализма, предполагавшие возможность активного (в т.ч. с помощью применения силы ведущими мировыми демократическими державами) продвижения демократических институтов и ценностей, смены режимов по всему миру как главного условия обеспечения мира и всеобщей безопасности, а либерализм как идеология и либеральная теория международных отношений оказались на пике влияния к рубежу XX–XXI вв. Активно продвигаемую США либеральную модель (Вашингтонский консенсус), включавшую свободную рыночную экономику и развитие демократических институтов, другие государства мира принимали прежде всего потому, что и политические элиты, и широкая общественность в соответствующих странах считали ее наиболее эффективной. Глобализация, понимаемая прежде всего как вестернизация, как воздействие стран Запада на трансформирующиеся политические сообщества и экономики стран третьего мира, получила широкое, почти общемировое признание.

В рамках дебатов по теории международных отношений постулировалось позитивное влияние на международные отношения ситуации формирующейся однополярности («однополярного момента» (*unipolar moment*)) и преобладающего либерального консенсуса. Анархичная по определению (гоббсианская) международная среда противопоставлялась все более упорядоченным отношениям в рамках формирующегося либерального униполя, где роль верховного арбитра в формировании и утверждении правил игры, равно как и в обеспечении их соблюдения, должны были играть США и страны Запада. Новый мировой порядок базировался на совершенно определенной и универсальной по своим притязаниям либеральной идеологической платформе¹. В контексте торжества либеральной идеологической парадигмы утверждалось как аксиома, что либерализация необходима для обеспечения всеобщего мира и безопасности. Экономическая взаимозависимость и международные институты являются альтернативными либеральными стратегиями, направленными на смягчение политики государств, создание более мирной и кооперативной международной среды. Глобализация и все более плотные сети транснационального обмена информацией и коммуникации приводят к усилению спроса на международные организации и новые формы регулирования. В условиях глобальной взаимозависимости участники мировой политики неизбежно будут пользоваться либеральными нормами и политическим инструментарием, независимо от того, признают ли они их либеральное идеологическое основание. Международные институты и режимы необходимы для того, чтобы решать все более сложные дилеммы коллективного действия, которые появляются в глобализированном мире. Либеральный мировой порядок достаточно прочен и способен абсорбировать новые страны. Как отмечал Дж.Айкенберри, по мере развития таких быстрорастущих стран, как Китай, у них появляется необходимость защищать все больше «активов», что постепенно приводит к большей интеграции в существующий глобальный либеральный мировой порядок и купирует тенденции к развитию ревизионистской политики.

С точки зрения сторонников либеральных подходов, попытки изменить мировой порядок возможны. Но в рамках сложившейся системы международных отношений и господствующих структур политического дискурса они будут «ограничены и упорядочены способами, исключающим проведение каких-либо аналогий

¹ См. об этом: *Ikenberry J. Liberal Leviathan: The Origins, Crisis and Transformation of the American World Order. Princeton: Princeton University Press, 2011.*

с прошлым. Можно выделить три фактора: происходит постепенное смещение, а не смена центров власти; развязывание крупномасштабной войны между ведущими державами исключено, поскольку такое столкновение не может служить эффективным средством изменения системы; а многочисленные международные организации создают для стран, претендующих на расширение своего влияния, невиданные ранее преграды»¹. Совокупность всех этих факторов ограничивает возможности государств, недовольных существующей расстановкой сил, изменить сложившуюся систему и является препятствием для попыток изменения существующего миропорядка. Плотное переплетение устоявшихся правил и институтов поддерживает сохранение существующего статус-кво. Эта мысль подкрепляется результатами научных исследований и была резюмирована знаменитым высказыванием Дж.Айкенберри о присущем институциональным системам «эффекте блокировки» (или эффекте «колеи»), обеспечивающем сопротивление изменениям. Эти факторы активно используются теми, кто нацелен на сохранение статус-кво (практически сформировавшегося однополярного либерального мирового порядка) и создают почти непреодолимые проблемы потенциальным ревизионистам.

Однако ситуация в мире стала заметно изменяться уже в начале 2000-х гг. и особенно явно в период глобального финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг. На фоне крайне унилатералистской и явно опирающейся на жесткую силу политики администрации Дж.Буша-мл., вторжений в Афганистан и особенно в Ирак либеральный максимализм стал понемногу утрачивать позиции. «Войнами по выбору» США существенно подорвали собственный авторитет и влияние в мире. Причем, в некоторых отношениях, по-видимому, безвозвратно. Прокламированное ими ничем неограниченное право на вмешательство в дела других государств ослабило доверие к американской политике. «Необязательные» (войны по выбору) и дестабилизирующие по своим последствиям вторжения в Афганистан, Ирак, Ливию подорвали веру в их силу и, главное, в способность к эффективному глобальному лидерству. Военное превосходство оказалось иллюзорным, поскольку выяснилось, что с помощью военной силы (точнее – исключительно с опорой на военную мощь) невозможно разрешать проблемы современного мира. Ну а финансовый кризис радикально подорвал представление о том, что США обладают безусловной компетентностью и непререкаемым авторитетом в финансово-экономических вопросах. Произошла делегитимизация однополярного мира на фоне объективного роста тенденций полицентричности.

Присущий современному либерализму прагматизм трансформировался в подобие экономического детерминизма, когда внешняя политика стала восприниматься как технический механизм по обслуживанию ближайших экономических интересов национальных или транснациональных бизнес-элит. Все другие интересы (от сохранения национальной культуры до защиты национальной безопасности) объявлялись досадными рудиментами ушедшей эпохи. Сформулированные и принятые странами Запада правила не подлежали обсуждению. При этом увлечение едиными нормами и правилами не исключало правового релятивизма, когда базовые нормы международного права (суверенитет, невмешательство во внутренние дела других государств, отказ от использования военной силы и пр.) стали применяться выборочно (идея политического «шведского стола»), в зависимости от текущих политических потребностей и конкретных ситуаций. За правовым последовал

¹ См. об этом: Уолфорд У. Возвращение реальной политики // Россия в глобальной политике. 2015. Июль-август. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Vozvrashchenie-realnoi-politiki-17636>

и моральный релятивизм, проявившийся, например, в готовности разграничить «плохой» и «хороший» терроризм в зависимости от соображений политической конъюнктуры. О кризисе либерализма свидетельствует и окончание «четвертой волны» демократизации, так и не утвердившей господства либеральных ценностей ни в Восточной Азии, ни тем более на Ближнем Востоке, и прогрессирующее, вопреки ожиданиям, снижение управляемости мировой системы.

Можно спорить о том, когда именно начался закат «эпохи либерализма» — в период кризиса 2008—2010 гг. или существенно позже, в 2016 г., когда «черные лебеди», вопреки предсказаниям, закружились над небосклоном мировой политики (Брекзит, победа на выборах в США Д. Трампа). Но, судя по всему, пик влияния либеральной идеологии и вообще длинный цикл глубокой идеологизации международных отношений, начавшийся еще в середине XX в., пройден. Значительное число исследователей заговорило в последнее время о возникновении тенденций полицентричности в современной мировой политике¹. Глобальный баланс сил изменяется буквально на наших глазах². Финансово-экономический кризис 2008—2010 гг. подстегнул процессы перераспределения влияния и способствовал росту потенциала ряда незападных центров силы (Китай, Индия, Бразилия, Россия), наглядно продемонстрировал неспособность узкого круга западных стран, ответственных за глобальное регулирование на протяжении последних десятилетий (а в более широком смысле — и всего XX века), осуществлять эффективное глобальное управление, справляться с вызовами эпохи.

В давнем споре научных школ реализма и идеализма в политике о том, что важнее — «мощь» государств или «бумага» как некий набор кодексов и правил поведения, — решающее слово до последнего времени оставалось в анархичной международной среде за силой (совокупной мощью — power). Очередная (отнюдь не первая) попытка преодолеть анархичность среды в глобальном масштабе в начале XXI века не увенчалась успехом. Единственным регионом мира, где либеральный мировой порядок с соответствующим набором норм и ценностей утвердился практически в полной мере, стала объединенная Европа. Но возможность воспроизведения европейского опыта в иных исторических и цивилизационных контекстах вызывает определенные сомнения. Да и трудности, которые испытывает проект европейской интеграции в последнее время, отнюдь не увеличивают число его сторонников.

В условиях турбулентности, неизбежно возникающей в силу нарастающего давления ревизионистских держав и сопротивления прежних безоговорочных лидеров мировой системы, а также в контексте неопределенности, размытости господствующих в мировой политике норм и правил, возвращение к рациональному и деидеологизированному реализму (пусть и на несколько обновленной теоретической основе) представляется весьма вероятным исходом. В историческом плане это в каком-то смысле возвращение к «нормальности». Пусть и «новой нормальности». Победа Д. Трампа на президентских выборах в США и определенная ревизия им американской внешней политики с высокой вероятностью придаст ускорение как деидеологизации, так и реалистскому тренду в современной мировой политике. Безоговорочное доминирование либеральной парадигмы в глобальном масштабе постепенно подходит к концу. Данный процесс ускоряется из-за завершения «однополярного момента» в мировой политике. Более того, пожалуй, впервые за по-

¹ См. об этом: Россия в полицентричном мире. / Под ред. А.А.Дынкина, Н.И.Ивановой. М.: Весь мир, 2011, С.11–68, 157–162.

² См. об этом: Основные показатели развития мировой экономики в 2014 г. // Год планеты. Экономика. Политика. Безопасность. Вып. 2015 г. М.: Идея-Пресс, 2015, С.428–431.

следние десятилетия складываются реальные предпосылки для деидеологизации международных отношений. Мир вступает в турбулентную эпоху формирования полицентричного миропорядка. И одной из основных черт которой вероятно станет усиление политического реализма как интеллектуальной доминанты при принятии решений в динамичной и гораздо более неопределенной, чем в последние десятилетия, международной среде.

Анатолий Владимирович ЦВЫК

ст. преподаватель кафедры теории и истории международных отношений, факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов

tsvyk_av@rudn.university

ДИПЛОМАТИЯ «СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПАРТНЕРСТВ» КНР НА ПРИМЕРЕ ОТНОШЕНИЙ С ФРГ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей дипломатии «партнерских отношений» КНР, которая в последние годы стала одним из важнейших внешнеполитических инструментариев Китая. Автор раскрывает формулировку стратегического партнерства КНР и ФРГ, которое за последнее десятилетие эволюционировало во «всеобъемлющее стратегическое партнерство». Автор приходит к выводу, что формулировка стратегического партнерства между Китаем и Германией выделяется среди китайско-европейских отношений.

Ключевые слова: дипломатия, Китай, Германия, стратегическое партнерство.

A.V. TSVYK

Department of Theory and History of International Relations, Faculty of Humanitarian and social sciences, Peoples' Friendship University of Russia.

THE CHINA'S DIPLOMACY OF THE «STRATEGIC PARTNERSHIPS» ON THE EXAMPLE OF THE SINO-GERMAN RELATIONS

Annotation: The article highlights the features of the «partnership diplomacy» of China, which in recent years has become one of the most important foreign policy tools of the Chinese diplomacy. The author reveals the wording of the strategic partnership between China and Germany, which over the last decade has been upgraded to the «comprehensive strategic partnership». The author comes to the conclusion that the wording of the strategic partnership between China and Germany stands out among the Sino-European relations.

Keywords: diplomacy, China, Germany, strategic partnership.

.....

По мнению ряда российских исследователей, одним из важнейших направлений обновления дипломатического инструментария Китая стало создание и дальнейшее активное использование механизма системы партнерских отношений с различными государствами, что представляется нам одной из важнейших особенностей китайской дипломатии конца XX – начала XXI века. Прежде всего, с середины 1990-х годов Китай стал устанавливать партнерские отношения с соседними государствами, в том числе с Россией, Индией, Пакистаном и другими странами¹.

В последующие годы данная тенденция перестала иметь характер региональной, сеть «партнерских отношений» КНР охватила фактически все части света. В настоящее время Китай установил партнерские отношения с несколькими десятками стран по всему миру, во многих случаях повышая уровень партнерских отношений до «стратегических партнерств» между КНР и соответствующими странами.

Стоит отметить, что формулировки партнерских отношений во внешней политике КНР в последнее десятилетие эволюционировали и подверглись изменениям,

¹ *Портяков В.Я.* Партнерство как инструмент современной внешней политики КНР // Общество и государство в Китае. 2011. № 41–1.

а в настоящее время заметно различаются в зависимости от государства, с которыми Китай установил данный тип отношений¹. Так, с Российской Федерацией были установлены «отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия», с США — в 1997 году были объявлены «отношения конструктивного стратегического партнерства», впоследствии эволюционировавшие в «отношения держав нового типа», с Пакистаном — «всепогодное стратегическое партнерство» и т.д.

Исключением не стали и европейские страны, с которыми Китай связывают тесные торгово-экономические отношения и взаимная заинтересованность в их развитии. Среди стран Европейского союза стоит выделить Германию — одного из политических и экономического лидера Европы. Развитие отношений с ФРГ, прежде всего в торгово-экономической и инвестиционной сферах, является одним из приоритетных направлений европейского вектора внешней политики КНР. Большие экономические возможности Китая и Германии, влияние их экономических интересов на их внешнюю политику, обоюдная заинтересованность стран в развитии двустороннего стратегического партнерства и наращивание влияния КНР и ФРГ в наиболее значимых геополитических регионах — Европе и АТР — повышает значимость отношений между Пекином и Берлином. Ряд европейских экспертов отмечают «особый» характер стратегического партнерства между Китаем и Германией. По нашему мнению, определенный научный интерес вызывает формулировка «партнерских отношений» между этими странами, которая выделяется среди «стратегических партнерств» Китая и европейских государств.

Важным шагом в развитии двусторонних политических отношений между КНР и ФРГ стал визит премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао в ФРГ в мае 2004 года. Во время визита стороны объявили об установлении «партнерских отношений с глобальной ответственностью в рамках всестороннего стратегического партнерства КНР и ЕС» (在中欧全面战略伙伴关系框架内建立具有全球责任的伙伴关系). Именно с 2004 года Китай и Германия стали обозначать двусторонние отношения как «стратегическое партнерство».

Формулировка китайско-германского стратегического партнерства оставалась неизменной вплоть до марта 2014 года, когда во время визита Си Цзиньпина в ФРГ руководителями Китая и Германии было принято решение о повышении стратегического партнерства до уровня «отношений всевекторного стратегического партнерства» (全方位战略伙伴关系). Данная формулировка стратегического партнерства явилась предметом дискуссий германских политиков и исследователей, так как ни с одним европейским государством у КНР не было именно «всевекторного» (全方位) стратегического партнерства². С крупными европейскими государствами (Франция, Великобритания, Испания, Италия) у КНР установлены отношения «всестороннего» (全面) стратегического партнерства. Таким образом, отношения с ФРГ были выделены среди китайско-европейских отношений.

* * *

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

- Дипломатия «партнерских отношений» успешно используется Китаем как эффективный инструмент реализации внешней политики не только на региональном, но и на глобальном уровне.

¹ Грачиков Е.Н. Внешняя политика Китая: стратегии в контексте идентичности и глобальной перспективы // ВВ: Международные отношения. 2015. № 3. С. 290–306.

² Цвык А.В. Стратегическое партнерство КНР и ФРГ в 2004–2015 гг.: политические аспекты // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 2. С. 42–49.

- КНР установила «партнерские отношения», а затем и «стратегические партнерства» со многими европейскими странами, в том числе и с Германией.
- В первоначальной формулировке «стратегического партнерства» КНР и ФРГ 2004 года использованы рамки «стратегического партнерства» Китая и Европейского союза, что усиливает и подчеркивает видение Германии как одного из лидеров ЕС в глазах руководства КНР.

В 2014 году сторонами было объявлено об установлении «отношений всевекторного стратегического партнерства» между КНР и ФРГ. Формулировка «всевекторного стратегического партнерства», не имеющая аналогов не только в Европе, но и в мире, выделяется среди китайско-европейских отношений.

Литература:

1. *Портяков В.Я.* Партнерство как инструмент современной внешней политики КНР // Общество и государство в Китае. 2011. № 41–1.
2. *Грачиков Е.Н.* Внешняя политика Китая: стратегии в контексте идентичности и глобальной перспективы // ВВ: Международные отношения. 2015. № 3. С. 290–306.
3. *Цвык А.В.* Стратегическое партнерство КНР и ФРГ в 2004–2015 гг.: политические аспекты // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 2. С. 42–49.

Константин Петрович КУРЫЛЕВ

Доцент кафедры теории и истории международных отношений факультет гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, д.и.н.

kurylev_kp@rudn.university.ru

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС: ПОСЛЕДСТВИЯ И ОПЫТ

Аннотация. В статье рассматривается украинский кризис, произошедший после государственного переворота на Украине в феврале 2014 г. Автор изучает его последствия для европейской безопасности, пространства СНГ, самой Украины. Акцентируется внимание на том, что украинский кризис содействовал ускорению формирования процесса геополитического плюрализма в регионе СНГ. Также проводится анализ уроков событий на Украине с точки зрения эффективности использования Россией своей политики «мягкой силы» в отношении данного государства. Подчеркивается ее содержательная фрагментарность, непоследовательность, а также слабая институционализация. Делается вывод о масштабном негативном влиянии кризиса на Украине на современные международные отношения и еще больших отрицательных последствиях для самой страны, ввергнутой внутренними и внешними силами в кровопролитную гражданскую войну.

Ключевые слова. Украина, кризис, государственный переворот, геополитическая декомпозиция, геополитический плюрализм, мягкая сила.

K.P. KURYLEV

Associate Professor of the Theory and History of International Relations Chair Faculty of Humanities and Social Sciences of RUDN University, Doctor of Historical Sciences

THE UKRAINIAN CRISIS: CONSEQUENCES AND EXPERIENCE

Annotation: The article presents the Ukrainian crisis after the coup in Ukraine in February 2014. The author studies its aftereffect for the European security, the space of the CIS, and Ukraine itself. Attention is focused on the fact, that the Ukrainian crisis caused the further process of geopolitical pluralism in the CIS region. The author also analyzes the lessons of the Ukrainian events from the point of view of the Russia's effective implementation of the «soft power» policy towards Ukraine. At the same time the substantial fragmentation, inconsistency and the weak institutionalization of such a policy are shown. The author comes to a conclusion, that the crisis in Ukraine has the large-scale negative impact on the international relations, as well as the huge negative consequences for Ukraine itself, which is plunged into a bloody civil war by internal and external forces.

Keywords. Ukraine, crisis, coup, geopolitical decomposition, geopolitical pluralism, soft power.

.....

В феврале 2014 г. на Украине произошел государственный переворот, в результате которого власть в стране захватили националисты-радикалы. Начался продолжающийся по сей день масштабный конфликт.

Он имеет ряд особенностей, отличающих его от прочих конфликтов на постсоветском пространстве. С одной стороны, широкое вовлечение в него внешних акторов. С другой стороны, глубокое и всестороннее ухудшение отношений России с Западом во главе с США. Кроме того, ни один конфликт на постсоветском пространстве не привел к столь масштабной гуманитарной катастрофе¹. Также кон-

¹ Конфликты на постсоветском пространстве: перспективы урегулирования и роль России. Рабочая тетрадь № 36/2016 / Авт.: А.В. Гушин; А.Г. Данков; С.М. Маркедонов; С.В. Рекеда; Гл. ред. И.С. Иванов. – М.: Российский совет по международным делам, 2016. – 52 с. – С. 11.

фликт оказал масштабное воздействие на внутривосточные процессы в соседних странах (Россия, Молдавия).

С момента своего начала украинский кризис прочно занял ведущие позиции среди проблем, оказывающих непосредственное влияние на европейскую безопасность и всю систему международных отношений.

Для Европы сегодняшние события на Украине стали наиболее серьезным потрясением за последние десятилетия. Кризис высветил ущербность и эфемерность прежней модели европейской безопасности – НАТОцентричной по своей сути, созданной после окончания Холодной войны и основанной на доминирующей роли НАТО и периферийности российского фактора¹. Он явился наиболее серьезным вызовом для безопасности Европы после распада и гражданской войны в Югославии². Украинский кризис актуализировал и тематику замороженных конфликтов на постсоветском пространстве, продемонстрировав, что дезинтеграционные процессы на территории бывшего СССР все еще продолжаются³, несмотря на двадцатипятилетний период, прошедший с распада Советского Союза.

Украинские события нашли свое отражение и в процессах на пространстве СНГ. Они потрясли Содружество. В жестком противостоянии столкнулись два ведущих государства региона. СНГ же явило неспособность предпринять хоть каких-либо действий по его урегулированию и нормализации отношений между Россией и Украиной. Вследствие чего подобная повестка оказалась в руках внерегиональных акторов.

Украинский кризис актуализировал для государств СНГ два типа угроз. Первая требовала усиления внимания к обеспечению внутренней безопасности, поскольку страх перед потенциальной «майданизацией» у постсоветских элит, особенно в Центральной Азии, достаточно велик⁴. Внешняя же угроза направляла элиты ряда постсоветских государств СНГ к тому, чтобы экстраполировать на себя «крымский прецедент» с точки зрения действий России⁵. Многими в СНГ еще признано Россия в 2008 г. независимости Южной Осетии и Абхазии было воспринято с большим подозрением. Возвращение Крыма Россией такие подозрения укрепило.

Кризис сказался и на дальнейшей поляризации постсоветского пространства⁶. Этот процесс начался давно. За 25 лет после распада СССР мы наблюдали в регионе сложные и динамичные процессы. Они характеризовались параллельными явлениями. С одной стороны, это центрирующие тенденции, обуславливавшие развитие интеграции, с другой стороны – центробежные, поощрявшие дезинтеграционные процессы.

Подходы стран-участниц СНГ к конфликту на Юго-востоке Украины разделились. Часть государств в той или иной форме поддержала Россию, другая наоборот осудила, третья заняла выжидательную позицию⁷.

¹ *Курьлев К.П.* Международная безопасность и украинский кризис. // Украинский кризис: причины, эволюция, уроки: Сб. науч. ст. / Под общей ред. д. и. н., проф. Шмелёва Б.А. В 2 ч. Ч. 2. // Вестник научной информации. М.: ИЭ РАН, 2014. № 3. – 242 с. – С. 52–67.

² *Гущин А.В., Маркедонов С.М.* Россия и Украина: коридор возможностей // http://old.russiancouncil.ru/inner/?id_4=4811#top-content

³ Конфликты на постсоветском пространстве: перспективы урегулирования и роль России. Рабочая тетрадь № 36/2016 / Авт.: А.В. Гущин; А.Г. Данков; С.М. Маркедонов; С.В. Рекеда; Гл. ред. И.С. Иванов. – М.: Российский совет по международным делам, 2016. – 52 с. – С. 4.

⁴ Болгова И. Последствия украинского кризиса для Центральной Азии: шок и трепет // http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5531#top-content

⁵ Куклина И. Украинский кризис и трансформация постсоветского пространства // Запад – Восток – Россия. 2015. С. 61–65.

⁶ Лапенко М. Украинский кризис и его влияние на реализацию проекта создания Евразийского экономического союза // CONNECTIONS The Quarterly Journal, Том XIV, No1, 2014. С. 132–149.

⁷ *Кравченко Л.* Постсоветское пространство в контексте Украинского кризиса // <http://rusrand.ru/analytics/postsovetskoe-prostranstvo-v-kontekste-ukrainskogo-krizisa>

Показательным в данном контексте является голосование стран СНГ в ООН по вопросам, представляющим особое значение для российских интересов. Голосование на Генеральной Ассамблее ООН – это своего рода «момент истины» во внешней политике любого государства.

В качестве примера можно привести резолюцию Генассамблеи ООН № 68/262 «О территориальной целостности Украины» от 27.03.2014 г¹. Согласно данным голосования, Армения, Беларусь и Россия были среди тех 11 членов Генассамблеи ООН, которые проголосовали против резолюции. Казахстан и Узбекистан воздержались, а Киргизия, Таджикистан и Туркменистан не проголосовали. Лишь Азербайджан, Грузия, Молдова и Украина проголосовали за принятие резолюции². Обратим внимание, что из числа стран наиболее близких России и участвующих с ней в региональной интеграции, проголосовали против резолюции лишь Армения и Белоруссия. Казахстан воздержался, а Киргизия не проголосовала.

Украинский кризис катализировал накапливавшиеся долгие годы деструктивные процессы в отношениях России и Украины. В рамках этих противоречий Россия рассматривает Украину как сферу своего непосредственного влияния и необходимый элемент для успешного развития интеграционных процессов в Евразии. Украинские власти же стремятся сформулировать и выстроить собственный государственный проект, видя в России тормоз этому.

В данном контексте события конца 2013 – начала 2014 гг. стали для Украины переломными. Кумулятивный эффект от распада СССР спустя 23 года достиг и эту страну. По сути, украинский кризис для Украины – это отложенное на два десятилетия последствие распада Советского Союза. Пришедшие к власти на Украине после переворота силы взяли курс на развитие украинской государственности в рамках национально-идентификационного проекта, который пришел на смену прежнему, основанному на рационально-бюрократическом подходе к развитию³.

Внутриполитические изменения, произошедшие на Украине, привели к краху и прежнюю внешнеполитическую концепцию страны и утверждению новой, альтернативной по сути. Страна в течение всего постсоветского периода, балансирующая между Россией и Западом, резко изменила вектор своей внешней политики и взяла четкий евроатлантический курс.

Происходит тотальная политико-идеологическая, экономическая и оборонная переориентация Украины на Запад, перевод финансов, безопасности, внутренней и внешней политики государства под фактический контроль США, ЕС, НАТО и МВФ. Украина – одно из крупнейших европейских государств – активно подключилась к практическому участию в антироссийской политике Запада⁴.

Среди уроков, которые России следует извлечь из украинского опыта, обозначим три наиболее важных, в основе которых лежат системные ошибки. Первый

¹ UNBISNET. United Nations Biographic Information System. Voting on the resolution A/RES/68/262. Available at: <http://unbisnet.un.org:8080/ipac20/ipac.jsp?session=1U58R32M07420.20139&menu=search&aspect=power&npp=50&ipp=20&spp=20&profile=voting&ri=&index=.VM&term=A%2FRES%2F68%2F262&matchoptbox=0%7C0&oper=AND&x=10&y=7&aspect=power&index=.VW&term=&matchoptbox=0%7C0&oper=AND&index=.AD&term=&matchoptbox=0%7C0&oper=AND&index=BIB&term=&matchoptbox=0%7C0&ultype=&uloper=%3D&ullimit=&uloper=%3D&ullimit=&sort=>

² Дегтерев Д.А., Дегтерев А.Х., Никулин М.А., Оганесян А.Л. Прикладной анализ внешней политики стран СНГ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. № 4. – С.176–184.

³ Украинский вызов для России: рабочая тетр. № 24/2015 / [гл. ред. И. С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: Спецкнига, 2015. – 48 с. – С. 5.

⁴ Украинский кризис: опасности и угрозы // Доклад РИСИ <https://riss.ru/analitics/5993/>

урок заключается в правильном выборе партнеров для диалога. С кем Россия имела дело на Украине, с кем строила отношения. Можно сказать, что партнеров не выбирают. Выбирают. Более того, их готовят. Это стратегическая задача, это работа на перспективу, на будущее. Эффективным средством влияния на определенные группы людей являются программы международных образовательных обменов. Опыт, приобретаемый человеком в ходе его пребывания за границей остается с ним на всю жизнь. Особенно важно то обстоятельство, что целевую группу таких программ составляют представители элит. «Мягкое» информационное и культурное воздействие посредством образования на подобную аудиторию в перспективе способно изменить содержание и характер межгосударственных отношений соответствующих стран¹.

А что же мы имели на Украине в данном аспекте. С одной стороны, согласно данным ЮНЕСКО за 2014 г., Россия занимала 1-е место по количеству обучающихся украинцев, 12043 чел. При этом в Польше украинцев обучалось 9483 чел., а в Германии – 5444 чел. Если же сравнить количество обучающихся украинцев в России с гражданами других стран СНГ, то по данным за 2014 г.² Украина занимала лишь 6-е место, уступая Казахстану, Белоруссии, Туркменистану, Узбекистану и Азербайджану. До недавнего времени Россия выделяла Украине для обучения её граждан в российских вузах порядка 300 квот. Притом, что Польша выделяла порядка 550 стипендий для обучения украинских студентов в своих вузах.

Но дело не только в количестве, хотя и это важно. Селективная система программ международных образовательных обменов для иностранной молодежи ориентирована на выделение наиболее перспективных представителей, причем в ходе отбора учитываются не только профессиональные достижения, но и личные и деловые качества, а также уровень гражданской активности и опыт общественной деятельности. Все это наряду с продолжающейся материальной подпиткой позволяет государству-спонсору осуществлять политику влияния на элиты и выстраивать легальные схемы использования интеллектуального ресурса зарубежных стран в собственных интересах³.

Второй урок. Большой ошибкой России на Украине была слабая институционализация потенциала российской «мягкой силы» на местах. Имеется в виду создание очень узкой сети представительств организаций, занимавшихся продвижением «мягкой силы» России. До начала украинского кризиса на Украине было всего два российских центра науки и культуры – в Киеве и Симферополе, а также представительство в Одессе. На Западе Украины представительство Россотрудничества отсутствовало. Не понятно, чем можно объяснить тот факт, что даже в Донецке, считавшемся выразителем пророссийских настроений, не было ни представительства «Россотрудничества», ни даже консульства либо иных структур, поддерживавших бы интерес к России и формировавших общественное мнение. Стоит ли тогда удивляться тому, что далеко не все на Донбассе проявили солидарность с политикой Москвы после начала «русской весны».

И это на фоне того как наши соседи давно, активно и без стеснений действуют в СНГ в целом и в частности на Украине, где 15 представительств Института Гете

¹ Фоминых А. «Мягкая мощь» обменных программ // <http://www.intertrends.ru/sixteenth/008.htm>

² Global Flow of Tertiary-Level Students // <http://www.uis.unesco.org/Education/Pages/international-student-flow-viz.aspx>

³ Фоминых А. «Мягкая мощь» обменных программ // <http://www.intertrends.ru/sixteenth/008.htm>

(ФРГ), 11 отделений Французского института, 5 отделений Британского совета¹ и 6 институтов Конфуция (КНР).

Третий урок. На какую аудиторию Россия проецировала свою «мягкую силу» на Украине. Имеется в виду и географическое проецирование и возрастное. В географическом плане Россия фактически отказалась окормлять Западную Украину. Это видно из отсутствия у нашей страны необходимых для этого институтов в данном регионе. Что касается возрастной ориентации, то украинская молодежь не была приоритетной средой, к которой бы обращалась российская «мягкая сила». Идеологический вакуум, возникший на Украине после распада СССР, успешно заполнялся все годы независимости гремучей смесью из собственных идеологических конструктов и, воспринятых посредством агрессивной пропаганды, западных ценностей. При отсутствии реальной альтернативы так называемая «западная мечта» глубоко засела в сознании части населения Украины, и воспринималось ею положительно. В первую очередь это касалось именно молодежной среды, которая и стала движущей силой как «оранжевой революции» 2004 г., так и «революции достоинства» 2014 г. Следует констатировать, что битву за украинскую молодежь мы проиграли.

Таким образом, приведенные уроки являются производными от более общей и основополагающей проблемы — нашего незнания Украины. Незнание рождало популярное мифотворчество, формировавшее унифицированный и упрощенческий подход к Украине. Недостаточное понимание реальностей «внутренней кухни» Украины, недооценка конфликтного потенциала, заложенного в наших отношениях, восприятие Украины как однородного, зависимого, лояльного и близкого России объекта стал одной из наиболее серьезных ошибок российской политики на Украине².

Опыт украинских событий убеждает в том, что сценарий, запущенный на Украине в 2013–2014 гг., был призван решить главную геостратегическую, политико-экономическую и военную задачу — устранение России как окрепшего и независимого игрока в условиях становления нового мирового порядка³. Однако данный сценарий потерпел крах, а запущенные им процессы в свою очередь повлекли за собой геополитическую декомпозицию Украины, ее раскол и погрузили страну в гражданскую войну.

¹ Константин Косачев: «В танго нужен партнер» // <https://rg.ru/2014/08/05/kosachev-site.html>

² Иванченко В. «Мягкая сила» России и украинский прецедент // http://russiancouncil.ru/blogs/viktorii-ivanchenko/?id_4=2203

³ Курылев К.П. Внешняя политика Украины в контексте формирования европейской системы безопасности в Европе. Россия, Москва: Изд-во РУДН, 2014. — 531 с. — С. 451–452.

Мария Александровна ШИЛОВА

кандидат филологических наук, преподаватель кафедры рекламы и дизайна и кафедры связей с общественностью факультета журналистики Воронежского государственного университета

E-mail: maria_prep@mail.ru.

ПРОГРАММЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБМЕНА В ВУЗЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Статья содержит информацию о функционировании программ международного обмена для студентов и профессорско-преподавательского состава ВУЗа на примере Воронежского государственного университета. Анализ статистических данных за 2011/2012–2015/2016 учебные годы позволяет сделать определенные выводы и выявить тенденции снижения интенсивности выездов по программам международного научного обмена. Кроме того, в статье приводятся данные анкетного опроса студентов факультета журналистики ВГУ по вопросу отношения к международным программам.

Ключевые слова: программы международного обмена, трансатлантические обменные программы ЕС, рамочные программы ЕС, интернационализация, контингент учащихся, профессорско-преподавательский состав.

M. A. Shilova

Voronezh State University, International exchange programmes at the University: current trends (on the example of Voronezh State University)

Shilova Maria Aleksandrovna completed PHD in political imagemaking at Voronezh State University. She is a lecturure in PR and Advertising at the advertising and design Department and the Department of public relations of the faculty of journalism of Voronezh state University Department

The article contains information about the functioning of international exchange programmes for students and teaching staff of the University on the example of Voronezh state University. The analysis of statistical data from 2011/2012 to 2015/2016 academic years allows to draw certain conclusions and identify trends of the intensity of visiting foreign countries for scientific purposes. In addition, the article presents the data of questionnaire of students of the faculty of journalism (VSU) on the question of the relationship to international programs.

Key words: international exchange programmes, the transatlantic exchange programme of the EU, EU framework programme, internationalization, enrolment, teaching staff.

.....

В настоящее время существуют разнообразные формы сотрудничества с зарубежными университетами, компаниями, организациями и фондами, в том числе стажировки и программы обмена студентами. Основные проекты, в рамках которых студентам предоставляются широкие возможности участия – TEMPUS-TACIS, Erasmus Mundus, программы Британского Совета, YOUTH, Baltic Sea Region, трансатлантические программы Евросоюза, рамочные программы ЕС по научным исследованиям и технологическому развитию, – имеют широкую известность не только в городах федерального значения, но и по всей территории России.

Воронежский государственный университет ориентируется на лидеров общенационального рейтинга по уровню развития международной деятельности (интерна-

ционализации), таких как МГУ, РУДН, МИСиС и др. и прилагает усилия к развитию данного направления в собственном вузе.

Однако, в силу ряда внешнеэкономических, политических и внутриэкономических причин, в сфере международного сотрудничества на протяжении нескольких лет сохраняется негативная тенденция.

Начиная с 2011/2012 учебного года количество выезжающих за границу учащихся стало планомерно снижаться и уменьшилось более чем в два раза к 2015/2016 учебному году (См. Таблица 1). Число выезжающих на конференции сократилось в пять раз, а на обучение – в два.

Таблица 1. Студенты

	2011/2012	2012/2013	2013/2014	2014/2015	2015/2016
Обучение	181	141	127	119	99
Конференции	55	36	18	17	10
Практика					1
Итого:	236	177	145	136	110

Очевидных причин несколько. Количество выезжавших в 2015/2016 учебном году резко сократилось в связи с полным прекращением командировок на Украину. Кроме того, терроризм и наличие беженцев в Европе подтолкнули часть обучающихся (часто под воздействием членов их семей) к отказу от запланированных заграничных поездок.

Еще один немаловажный фактор – отсутствие серьезной материальной поддержки для жизнеобеспечения в период пребывания в зарубежных университетах и снижение общего уровня доходов россиян в период текущего экономического кризиса. Все это в сочетании с рядом других причин привело к уменьшению выездов контингента обучающихся ВГУ в зарубежные страны.

Ситуация с выездом профессорско-преподавательского состава ВГУ в заграничные командировки выглядит несколько иначе, однако, вписывается в общую тенденцию снижения интенсивности поездок и сокращения числа выезжающих за границу с научными целями (См. Таблица 2).

С 2011/2012 учебного года по 2015/2016 учебный год число выезжающих в заграничные командировки сократилось на треть. Профессорско-преподавательский состав стал в 1,5 реже участвовать в международных научных конференциях и в два раза реже повышать свою квалификацию за рубежом (См. Таблица 2). Неоднозначна ситуация с выездом за рубеж для чтения лекций: по сравнению с 2011/2012 и 2012/2013 учебными годами число выезжающих выросло на треть, а по сравнению с 2014/2015 годом – сократилось почти вдвое.

Таблица 2. Профессорско-преподавательский состав

	2011/2012	2012/2013	2013/2014	2014/2015	2015/2016
Чтение лекций	6	6	15	17	9
Конференции	131	144	91	102	81
Научно-иссл. работа	35	26	27	35	39
Повышение квалификации	66	68	84	61	33
Итого:	238	244	217	215	162

Так в 2015/2016 учебном году в рамках участия профессорско-преподавательского состава госуниверситета в работе международных научных конференций, в проведении научно-исследовательской работы, повышении квалификации и чтении лекций общее количество выехавших в заграничные командировки составило 162 человека.

По индивидуальным приглашениям выезжал 81 сотрудник для участия в работе Международных и Национальных научных форумов в университеты Италии, Франции, КНР, Португалии, Испании, Казахстана, Македонии, Польши, Германии, Белоруссии, Словакии, Приднестровской Молдавской Республики, Турции, Австралии, Израиля и других вузов ближнего и дальнего зарубежья.

В 2015/2016 учебном году количество выездов обучающихся ВГУ по линии межвузовского сотрудничества с целью участия в работе Международных форумов (конференций, симпозиумов, конгрессов и др.) и для прохождения практики составило 110 человек. В их числе 99 студентов выезжали с образовательными целями: они проходили годичное или семестровое обучение, языковые курсы, стажировки, преддипломные практики, проводили научную работу в рамках Договоров и Соглашений с вузами зарубежных стран. Наиболее активно студенты ВГУ посещали следующие университеты: Туртуский Университет г. Тарту (Эстония); Высшая школа промышленной физики и химии г. Париж, университет восточных языков и культур INALCO, г. Лилль – 1 (Франция); Университет прикладных наук г. Грац (Австрия); Католический Университет Лёвен (Бельгия); Университет А. Мицкевича г. Познань (Польша); Циндаосский научно–технологический университет, г. Санья (КНР); Университет Гумбольдта, Университет Вернигероде, Университет М. Лютера, г. Галле – Виттенберг (Германия); Канзасский госуниверситет г. Манхеттен (США); Университет им. Короля Хуана Карлоса, г. Мадрид (Испания) и др.

Осуществлялись выезды студентов и аспирантов (в количестве 10 человек) на Международные научные конференции в университеты: г. Барановичи (Белоруссия); Университет Пикардии, г. Амьен, Французская физическая ассоциация, г. Париж (Франция); Rubber Valley Co (КНР) и др.

Интересен тот факт, что количество зарубежных гостей из числа профессорско-преподавательского состава иностранных вузов, остается стабильным на протяжении последних пяти лет. В 2015/2016 учебном году в рамках прямых Соглашений и Договоров ВГУ с вузами зарубежных стран с целью чтения лекций, проведения семинарских занятий, консультаций и проведения совместной научно-исследовательской работы ВГУ посетили специалисты и научные работники вузов-партнеров в количестве 27 человек.

Таблица 3. Количество иностранных специалистов, привлеченных к учебному процессу и научно-исследовательской работе в ВГУ

2011/2012	2012/2013	2013/2014	2014/2015	2015/2016
23	26	28	26	27

В 2015/ 2016 учебном году на базе ВГУ также были проведены международные научно-практические конференции с участием иностранных граждан. Факультеты отметили, что количество иностранных гостей осталось неизменным или имело незначительное отклонение в большую или меньшую сторону по сравнению с количеством участников четырех предыдущих лет (1–15%). Таким образом, очевидно, что интерес к международному научному сотрудничеству остается неизменным.

Таблица 4. **Количество международных научных конференций, проходивших в ВГУ с участием иностранных специалистов**

2011/2012	2012/2013	2013/2014	2014/2015	2015/2016
42 (538 участников)	42 (388 участников)	44 (428 участников)	42 (453 участника)	43 (462 участника)

Для повышения мобильности профессорско-преподавательского состава на протяжении последних пяти лет в ВГУ действовала программа по повышению квалификации для сотрудников вуза, обладающих высоким уровнем владения английским языком «Academic English». Преподаватели романо-германского факультета обучали сотрудников вуза написанию научных статей на иностранном языке, составлению рабочих программ, созданию презентаций, ведению переговоров и научных диспутов с соблюдением норм и правил международного этикета.

Стоит отметить, что количество студентов, выезжающих по программам международного обмена на обучение за рубеж, существенно отличается, в зависимости от факультета. К примеру, в 2015/2016 учебном году факультет романо-германской филологии отправил на обучение 41 человека, факультет международных отношений – 25 человек, физический факультет – 11 человек, а филологический факультет – 10 человек. Остальные 13 факультетов отправили по 1–3 студента.

Так для студентов- бакалавров и магистров направления журналистики, рекламы и связей с общественностью с различными профилями обучения достаточно трудно найти подходящую программу международного обмена.

При проведении опроса студентов факультета журналистики (бакалавров и магистров), изучающих английский и немецкий языки, выяснилось, что наиболее известными для них являются следующие международные программы: 1) Work and Travel (о ней знали 93% опрошенных); 2) Эразмус (37% опрошенных слышали о ней); 3) AIESEC (29% опрошенных узнали ее); 4) DAAD (23% знали о ее существовании); 5) Global UGRAD (5% опрошенных имели сведения о данной программе).

При этом почти все опрошенные демонстрировали абстрактный интерес к программам международного обмена (т.е., утверждали, что им интересны международные программы студенческого обмена с целью обучения и стажировок). Однако, по факту не предпринимали активных действий для того, чтобы самостоятельно получить исчерпывающую информацию о программе международного обмена: не посещали раздел сайта ВГУ, посвященный программам международного студенческого обмена; не знакомились с информацией на стендах, не посещали отдел международного командирования.

При этом на семинары, посвященные подробному ознакомлению с международными программами, приходило не более 27% проинформированных о мероприятии студентов факультета. Не случаен тот факт, что при таком уровне активности, лишь 1–2% студентов от общего контингента учащихся на факультете журналистики имеет личный опыт участия в международных программах от ВГУ.

Многие студенты (43% опрошенных) отметили, что информацию о международных программах студенческого обмена и стажировок они получили вне стен вуза, а именно на курсах иностранного языка.

Около четверти опрошенных студентов отметили, что для них существенным препятствием являются отдельные требования вуза и организаторов международных программ: 1) хорошая успеваемость (учеба только на «хорошо» и «отлично»); 2) время участия: 2 и 3 годы обучения бакалавров и 1 год обучения магистров (сту-

дентов выпускных курсов, как правило, не принимают); 3) жесткие сроки оформления документов. Не говоря уже о требованиях к уровню владения иностранным языком.

Наблюдается интерес студентов к дополнительному изучению восточных языков, в частности китайского и японского.

Резюмируя все выше сказанное, можно отметить, что, несмотря на тенденцию к уменьшению количества участников программ международного обмена со стороны вуза, интерес к международному научному сотрудничеству и обучению по-прежнему высок, как у студентов, так и у представителей профессорско-преподавательского состава.

Людмила Алексеевна НЕМОВА

кандидат экономических наук, зав. сектором
Институт США и Канады РАН

lunemova@gmail.com

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ НОВОГО ТИПА

Аннотация. Интенсивные изменения в политико-дипломатических аспектах международных отношений тесно связаны с процессами трансформации в мировом хозяйстве. С начала 21 века существенно изменился баланс сил между зрелыми и развивающимися рыночными странами, вошедшими в двадцатку крупнейших по размерам ВВП государств мира. После глобального финансово-экономического кризиса замедлился рост мирового хозяйства и международных торгово-инвестиционных обменов. Многие страны стали проводить протекционистскую политику с целью защиты интересов национальных производителей. При этом предпринимаются попытки внедрить в международную практику торгово-экономические соглашения нового типа. К числу таковых относятся отложенное на неопределённый срок (после выхода США из состава участников) соглашение о Транстихоокеанском партнёрстве и частично ратифицированное в начале 2017 г. Всеобъемлющее торгово-экономическое соглашение между Канадой и Европейским союзом (СЕТА). В статье охарактеризованы принципиальные отличия новых соглашений от уже действующих. Проанализированы последствия частичной реализации СЕТА. Сделан вывод, что внедрение соглашений нового типа в полном объёме означало бы больше свободы для транснационального бизнеса при более жёстких ограничениях для правительств принимающих стран.

Ключевые слова: глобальная экономика, торгово-экономические соглашения, соглашение СЕТА, государственное регулирование, транснациональный бизнес, иностранные инвестиции.

L.A. NEMOVA

*Head, Canadian Economy Section
Institute of USA and Canada Studies, Russian Academy of Sciences
2/3 Khlebny per., Moscow, 123995 Russia*

GLOBAL TRANSFORMATIONS AND A NEW TYPE OF ECONOMIC AND TRADE AGREEMENTS

Recent dramatic changes in political and diplomatic aspects of the international relations are closely connected to the transformations in the world economy. Globalization has led to major shifts in the balance of power between the mature markets and the biggest developing markets. In the wake of the global economic and financial crisis the world GDP growth has slowed down dramatically. Many governments have resorted to protectionist policies. At the same time attempts are being made to negotiate and sign a new type of economic agreements aiming at further liberalization of the trade and investment regimes (such as the Transpacific Partnership and the Comprehensive Economic and Trade Agreement between Canada and the European Union – CETA). The paper analyses the

major specific features of the new agreements, which are often referred to as «the golden standard» for the 21st century. It looks at the possible implications of the implementation of the CETA agreement (which was partially ratified at the beginning of the 2017). The author concludes that if implemented in full the new agreements would significantly alter the relationship between the transnational business and the national governments, putting further legally-binding constraints on the ability of the governments to develop and pursue relatively independent economic and financial policies. Also, both agreements would bring radical changes to the foreign investment regime and the dispute settlement mechanisms.

Key words: global economy, economic and trade agreements, TPP, CETA, government regulation, transnational business, foreign investment.

.....

О влиянии современной глобализации на международные отношения

На рубеже веков в мировой экономике и международных отношениях произошли гигантские трансформации. Среди факторов изменений важнейшими были следующие.

Рыночные преобразования в бывших социалистических странах. Формирование единого мирового хозяйства, основанного на рыночных принципах.

Научно-технический прогресс, революционные изменения в информационно-коммуникационных и транспортных технологиях; развитие биотехнологий, нанотехнологий, робототехники и т.п.

Создание ВТО. Внедрение принципов и правил ВТО в глобальном масштабе. Экономические отношения между странами стали регулироваться соглашениями, в основе которых лежат принципы либерализации торговли и инвестиций, ограничения полномочий государства.

В этих условиях углубление международного разделения труда и интернационализация производства привели к выстраиванию транснациональными корпорациями (ТНК) глобальных производственных цепочек. Принципы и правила ВТО сделали ТНК главной движущей силой глобализации. Действуя в различных странах, они сосредоточили под своим контролем значительную часть мирового производства.

Возросла интенсивность всех форм международных экономических отношений. На этапе с начала 1990-х годов до глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. мировая торговля росла быстрее, чем промышленное производство. Расширился круг и значительно увеличился объём услуг, участвующих в мировой торговле. Существенно повысилась роль международных технологических обменов.

Важнейшим результатом процессов глобализации, происходивших в 1990-е и 2000-е годы, стало изменение баланса сил в мировой экономике в пользу «новых» рыночных стран. После кризиса 2008–2009 гг. в «двадцатке» крупнейших по объёму ВВП стран половину позиций заняли развивающиеся рынки. В этом числе – Китай, Индия, Россия, Бразилия, Мексика, Индонезия, Таиланд, Вьетнам, Турция.

Вместе с тем после глобального кризиса темпы роста мирового хозяйства и международных торгово-инвестиционных обменов существенно замедлились. Как отмечается в итоговых документах саммитов «двадцатки» и исследованиях Международного валютного фонда, начиная с 2011 г. международная торговля перестала играть роль ускорителя роста мирового хозяйства [4]. Отчасти это связано с циклическими факторами и беспрецедентными масштабами глобального кризиса. Однако важно и то, что в экономической политике многих развитых стран значительно

усилился протекционизм, который проявляется в росте тарифов и нетарифных барьеров, усилении государственного регулирования, ограничивающего свободу торговли и инвестиций.

Политику протекционизма в посткризисный период активно осуществляет правительство Соединённых Штатов. С одной стороны, на международной арене США до недавних пор стремились выглядеть последовательным сторонником либерализации торговли и инвестиций. С другой стороны, и до избрания президентом Д.Трампа в реальных взаимоотношениях американской администрации с партнёрами по НАФТА и иными странами всё чаще проявлялись протекционистские подходы. Принимаются законы и реализуются меры, основанные на принципе «Покупай американское».

В то же время правящие круги ведущих рыночных стран (до прихода к власти Д.Трампа США в том числе) предпринимают попытки внедрить в международную практику торгово-экономические соглашения нового типа. В условиях, когда реализация одинаковых для всех стран принципов и правил, предусмотренных ВТО, отчасти привела к неожиданным и противоречивым результатам, лидеры «большой семёрки» начали вести переговоры о взаимной либерализации торговых и инвестиционных режимов на основе менее прозрачных, «эксклюзивных» соглашений. К числу таковых относились отложенные на неопределённый срок соглашения о Транстихоокеанском и Трансатлантическом партнёрствах, а также реально состоявшееся соглашение СЕТА между Канадой и Европейским союзом.

Важно отметить, что переговоры по созданию новых торгово-экономических блоков демонстративно исключали из состава участников крупнейшие развивающиеся рынки, в том числе Китай, Россию, Индию. В ходе предвыборных дебатов в 2016 г. тогда ещё президент США Барак Обама весьма определённо обозначал позиции по этому вопросу, говоря о Транстихоокеанском партнёрстве (в частности, в материале, опубликованном в газете «Вашингтон пост» в мае 2016 г.). Выразив понимание недовольства рядовых американцев по поводу оттока многих производств в страны с дешёвой рабочей силой, Б.Обама привёл следующие аргументы в пользу срочной ратификации соглашения о ТТП: «... Америка должна написать правила. Америка должна определять цели. Другие страны должны играть по правилам, установленным Америкой и её партнёрами, а не наоборот. ТТП даст нам возможность сделать это» [6].

Официальные представители руководства Европейского союза и правительства Канады на финальном этапе переговоров по СЕТА также неоднократно подчёркивали, что подобные соглашения нового типа станут «золотым стандартом» для будущих соглашений 21 века [1]. Имеется в виду, что впредь по этому образцу должны выстраиваться отношения между участниками торгово-инвестиционных альянсов, между иностранными компаниями и национальными правительствами.

Однако в реальной действительности процесс внедрения новых подходов застопорился. Как известно, одним из первых решений Дональда Трампа в качестве президента США был выход страны из состава участников Транстихоокеанского партнёрства. Следует отметить, что и Хиллари Клинтон в её бытность кандидатом в президенты от Демократической партии во время предвыборной кампании говорила о необходимости пересмотреть уже подписанное соглашение о ТТП в связи с тем, что оно не содержит достаточных гарантий защиты рабочих мест для американцев.

В нынешней ситуации совершенно не ясны перспективы продолжения переговоров о Трансатлантическом торгово-инвестиционном партнёрстве между США и Европейским союзом.

На этом фоне успешным и состоявшимся выглядит только соглашение *CETA*, ратифицированное Европейским парламентом 15 февраля 2017 г. и парламентом Канады в течение последующих двух недель [2]. Впрочем некоторые сообщения о завершении процесса ратификации и вступлении договорённостей в силу уже с весны 2017 г. не в полной мере соответствуют действительности.

На самом деле соглашение *CETA* и по состоянию на начало 2018 г. было ратифицировано только частично — в основном в той части, которая касается договорённостей о дальнейшей либерализации торговли товарами и услугами.

Наиболее «инновационные» и спорные положения, касающиеся ограничений для государственного регулирования и взаимоотношений транснационального бизнеса с национальными правительствами, должны быть ратифицированы в каждой из 28 стран-членов Европейского союза, а в Канаде — согласованы со всеми субъектами федерации (провинциями).

После формальной процедуры выхода Великобритании из состава ЕС ратификация потребует в 27 странах, а между Канадой и Великобританией переговоры должны быть проведены заново на двусторонней основе. Между тем в прежнем составе Европейского союза бывшая метрополия Канады была для неё самым крупным торгово-инвестиционным партнёром в этой части света.

Процесс уточнения юридических и технических деталей и процедур реализации соглашения продолжается. В сентябре 2017 г. реально начали действовать договорённости о распространении режима беспошлинной торговли на большинство групп товаров.

Принципиальные особенности нового соглашения

CETA, безусловно, предполагает движение вперёд по пути либерализации обмена товарами и услугами.

С первого дня после ратификации беспошлинный режим распространён на 98 % товарных групп. Для некоторых комментаторов, не занимавшихся серьёзным анализом соглашения, эти цифры служат основанием для вывода о большой значимости достигнутых договорённостей и «прорыве» на пути к свободной торговле.

На самом деле ещё в начале переговоров между ЕС и Канадой в беспошлинном режиме велась торговля по 94 % группам товаров. Страны-участницы *CETA* и до сих пор имеют право сохранить защиту для «особо чувствительных рынков» или растянуть снижение пошлин до нулевого уровня на несколько лет. Это касается главным образом торговли некоторыми видами высокотехнологичного оборудования, автомобилями, продукцией сельского хозяйства и рыболовства.

Через семь лет без пошлин в двустороннем режиме будет экспортироваться 99 % всех товаров. Исключения из правил требуют постоянного контроля. А в итоге, как отмечают эксперты, вместо прежних бюрократических процедур необходимо ввести новые.

Стороны предполагают в ближайшее время приступить к созданию условий для расширения обменов услугами, в частности, в банковско-финансовой сфере. Профессиональные ассоциации стран ЕС и Канады приступили к выработке соглашений о взаимном признании дипломов и сертификатов высококвалифицированных специалистов — финансистов, менеджеров, инженеров, архитекторов и т.д.

Канада ввела для компаний из стран Европейского союза льготные условия проверки крупных инвестиционных проектов. При этом сохранены ограничения на вход в отрасли, особо значимые в плане обеспечения национальной безопасно-

сти и сохранения национального культурного наследия. В этом числе – предприятия воздушного транспорта, производства, связанные с оборонной промышленностью, отрасли телекоммуникаций и культуры.

Наиболее существенные отличия СЕТА (как и отложенного на неопределённый срок ТТП) от прежних соглашений заключаются в других нововведениях. Главное – это новые подходы к регламентации взаимоотношений между иностранными инвесторами и правительствами принимающих стран, к реализации работ по госконтрактам, защите прав интеллектуальной собственности, разрешению торгово-инвестиционных споров. Более конкретно эти отличия можно охарактеризовать следующим образом.

Правительства стран-участниц обязаны согласовывать с партнёрами общие подходы в области экономической политики. В Канаде в связи с этим опасаются снижения уровня независимости финансового регулирования. В некоторых странах Европы опасения связаны с возможным снижением гарантий в сфере занятости и социальной защиты. Поскольку в ЕС входят страны, сильно различающиеся по уровню развития экономики и роли в международных делах, можно предположить, что основные решения будут приниматься в результате переговоров европейских «тяжеловесов» и Канады.

Полный вариант СЕТА предполагает открытость рынка госконтрактов для иностранных инвесторов и поставщиков. Имеется в виду, что в принимающей стране власти всех уровней должны обеспечивать иностранным и местным производителям одинаковые условия участия в конкурсах на поставки товаров, услуг и осуществление работ по государственным контрактам. В результате региональные власти могут лишиться последних рычагов поддержки национальных производителей и занятости на местах за счёт бюджетных средств. Утрата таких полномочий и возможностей вызывает большие опасения и противодействие со стороны властей регионального уровня как в Европе (особенно в «малых странах» ЕС), так и в Канаде.

Предполагалось также, что СЕТА радикально изменит механизмы разрешения конфликтов между иностранными инвесторами и властями принимающих стран, тем самым значительно укрепив позиции транснационального бизнеса. Для разрешения спорных ситуаций планировалось создание двусторонних экспертных комиссий – так называемых *investor-to-state-dispute-settlement mechanisms* (сокращённо – *ISDS*) [5]. Это новшество коренным образом изменило бы порядок рассмотрения жалоб и присуждения компенсаций иностранным инвесторам. С момента создания Всемирной торговой организации ТНК и крупнейшие компании США и Великобритании настаивали на том, чтобы жалобы направлялись в экспертные комиссии напрямую – без посредничества госструктур собственной страны, без первоначального обращения в суды принимающей страны и международный арбитраж. Подобные механизмы урегулирования конфликтов были введены только в странах-членах НАФТА, и практика показала, что в подавляющем большинстве случаев проигравшей стороной оказывались госструктуры и компании Канады и Мексики [7].

Именно из-за споров по механизмам *ISDS* доработка окончательного текста соглашения СЕТА растянулась на два с лишним года после формального подписания первоначального варианта (1 августа 2014 г.). После объявления о выходе Великобритании из Европейского союза переговорщикам со стороны Канады и ЕС (прежде всего, Германии) удалось согласовать более узкую трактовку прав частного инвестора в конфликтах с властями принимающей страны. Для урегулирования торгово-инвестиционных споров было решено создать специальный, постоянно действующий суд.

Причины противодействия инновациям

По данным опросов, проведённых в конце 2015 г. в Германии, почти 70 % опрошенных граждан высказались против ратификации *CETA*. В ходе референдума в Австрии (голосование проходило с 23 по 30 января 2017 года) петицию против *CETA* подписали около 650 тыс. человек. Накануне голосования 15 февраля 2017 года в Европарламент поступила петиция от 3,5 млн граждан ЕС, призывавших депутатов не ратифицировать соглашение [3].

В некоторых европейских и канадских СМИ эти протесты объяснялись неосведомлённостью граждан, непониманием будущих выгод, боязнью перемен и т.п. Говорилось также о проявлениях популизма со стороны политиков и чиновников. На самом деле серьёзные протесты начались далеко не сразу, а только после того, как независимые эксперты получили возможность ознакомиться с полным вариантом соглашения, проанализировать его содержание и возможные последствия. После публикации альтернативных оценок возражения против новых соглашений наряду с рядовыми гражданами стали высказывать представители национального бизнеса, региональных и местных властей, а также правительства некоторых стран-членов ЕС.

Эксперты признают, что при реализации масштабных торгово-экономических соглашений всегда имеются как выигравшие, так и проигравшие стороны. В случае соглашений нового типа, в числе проигравших могут оказаться не только отдельные компании, но также целые отрасли, регионы и большие группы населения.

В ЕС опасения вызывают не столько перспективы «особого партнёрства» с Канадой, сколько использование *CETA* как пробного варианта последующих договоров подобного типа с участием самого сильного – и стремящегося доминировать – партнёра (соперника), каковым являются США. Не случайно, поэтому, в Европе нередко говорят о соглашении с Канадой как о «троянском коне для американских ТНК». В этом одна из главных причин протестов против *CETA* во многих странах Европейского союза. Как и того, что наиболее спорные положения о либерализации инвестиционных режимов и новых ограничениях для государственного регулирования могут вступить в силу только после ратификации всеми странами-членами ЕС.

Список литературы:

1. CETA a «gold standard» agreement, Freeland tells EU committee.
2. The Parliament Magazine, April 6, 2016. (<https://www.theparliamentmagazine.eu/articles/interview/chrystia-freeland-ceta-truly-gold-standard-agreement>)
3. Comprehensive Economic and Trade Agreement. (http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2016/february/tradoc_154329.pdf)
4. EUobserver. News. 14.02.2017. (<https://euobserver.com/>).
5. IMF World Economic Outlook (WEO): Too Slow for Too Long. International Monetary Fund, April 12, 2016. <http://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2016/12/31/Too-Slow-for-Too-Long>
6. Investment Dispute Settlement Navigator. (<http://investmentpolicyhub.unctad.org/ISDS>)
7. *President Barack Obama*. The TPP would let America, not China, lead the way on global trade. The Washington Post. May 2, 2015. (https://www.washingtonpost.com/opinions/president-obama-the-tpp-would-let-america-not-china-lead-the-way-on-global-trade/2016/05/02/0fd0-11e6-93ae-50921721165d_story.html)
8. *Tucker T.* TransCanada is suing the U.S. over Obama's rejection of the Keystone XL pipeline // The Washington Post, 08.01.2016. (https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2016/01/08/transcanada-is-suing-the-u-s-over-obamas-rejection-of-the-keystone-xl-pipeline-the-u-s-might-lose/?utm_term=.62b1a1c44461).

Екатерина Борисовна КУРГАНОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью факультета журналистики Воронежского государственного университета

kurganova1979@mail.ru

ПОБЕДА Д.ТРАМПА НА ВЫБОРАХ ПРЕЗИДЕНТА США: ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ РОССИИ

Аннотация: В статье анализируются президентские выборы в США-2016, содержится представление автора о возможностях и вызовах для России после победы Д.Трампа.

Ключевые слова: избирательная кампания в США, Дональд Трамп, возможности и вызовы для России, «грязные» технологии, двусторонние отношения России и США.

E.B. KURGANOVA

Ph.D., Associate Professor, PR Department, the Journalism Faculty, Voronezh State University

DONALD TRUMP`S VICTORY IN THE USA PRESIDENTIAL ELECTION: OPPORTUNITIES AND CHALLENGES FOR RUSSIA

Abstract. The article analyses USA presidential election-2016. The paper also presents the author's view on opportunities and challenges for Russia after Donald Trump's Victory.

Key words: USA presidential election, Donald Trump, opportunities and challenges for Russia, dirty tricks, bilateral relations Russia and USA.

.....

Мы живем в 21 веке, в динамично меняющемся мире, мире новых идей, проектов и возможностей. Каждая минута нашей жизни – это история, которую делаем мы. То, что происходит сейчас, уже совсем скоро будет описано на страницах учебников и исторических книг.

Последние президентские выборы в США и их результаты стали одними из самых обсуждаемых событий в мире в конце 2016 – начале 2017 гг.

Сама избирательная кампания вызвала шок у многих американцев. Согласно итогам опроса общественного мнения, инициированного журналом «Тайм» и радиотелевизионной компанией Си-Би-Эс в США в октябре 2016 г., 82 процента опрошенных американских избирателей испытывали «отвращение» к президентским выборам [1]. Итоги социологического исследования показали, что американские избиратели негативно относятся к политической среде в стране. И одна из причин этого – сверхактивное использование «грязных» технологий кандидатами в ходе электоральной борьбы. Основными средствами манипулятивного воздействия в данной кампании стали:

1) Использование административного ресурса. Видео со словами поддержки Б.Обамы «Не думаю, что кто-либо другой когда-либо лучше подходил для этого поста» было размещено на сайте президентской кампании Х.Клинтон еще в начале июня 2016 г. Позже 7 октября в родном для себя Чикаго Обама досрочно проголосовал за Клинтон. Супруга Б.Обамы Мишель также выразила свою поддержку Хиллари, заявив, что экс-глава американского Госдепа является единственным человеком, которому она бы доверила президентский пост. Б.Обама призвал афро-

американцев поддержать Клинтон так же, как когда-то они поддержали его. Кроме того, известно, что когда Хиллари заболела (обморок на церемонии в память о жертвах теракта 11 сентября), тогда еще действующий президент Обама «заботливо подставил ей плечо», подхватив эстафетную палочку агитации избирателей. Почему же экс-президент США проголосовал за свою бывшую соперницу, а не за Д. Трампа? Во-первых, конечно, следует учитывать тот факт, что Трамп – кандидат от республиканской партии, а Обама – демократ. Во-вторых, имели место и личные причины. Так, известно, что в ходе 56-х выборов президента США, в которых Обама вышел победителем, именно Трамп инициировал расследование на тему «Обама не является уроженцем США, а соответственно не может стать ее президентом». В частности, Д.Трампом была разглашена информация о том, что мать Обамы, будучи беременной, проживала в Кении с его отцом арабско-африканского происхождения. По состоянию здоровья ей были запрещены авиаперелеты. Поэтому Барак был рожден в Кении и лишь позже зарегистрирован матерью на Гавайях.

2) Разворачивание скандалов и сенсаций. Одной из ключевых в войне заказных компроматов стала тема секса. Д. Трампа обвинили в сексизме, а его нелицеприятные высказывания о женщинах стали достоянием широкой аудитории. В результате известный актер Р. Де Ниро публично назвал Трампа дураком, собакой, свиньей, лгуном. Но эта история лишь обозначила старт разворачивания компрометирующих фактов сексуального характера в деле очернения Д. Трампа. Команда Х. Клинтон также инициировала «воскрешение» в СМИ историй домогательств и приставаний Трампа к различным женщинам. Вот лишь некоторые цитаты из публикаций в СМИ на эту тему: «Его руки были, как щупальца осьминога» («Нью-Йорк Таймс»), «Трамп – сексуальный маньяк» (CNN). Трамп в свою очередь встретился с несколькими женщинами, которые в разные годы обвиняли бывшего президента страны Билла Клинтона в сексуальных домогательствах и даже нашел внебрачного сына супруга Хиллари. Такой ход событий очень напоминает сюжет рассказа М. Твена «Как меня выбирали в губернаторы», главный герой которого также подвергается различным нападкам со стороны оппонентов и СМИ: «Наконец бесстыдная травля, которой подвергли меня враждебные партии, достигла наивысшей точки: по чьему-то наущению во время предвыборного собрания девять малышей всех цветов кожи и в самых разнообразных лохмотьях вскарабкались на трибуну и, цепляясь за мои ноги, стали кричать: «Папа!» [2].

3) Привязывание политика к исходящей от него угрозе. «Трамп – агент российских спецслужб» – эта тема также активно культивировалась в американских СМИ. Так, политик и журналист Дэвид Корн написал в статье для журнала Mother Jones со ссылкой на «западного агента спецслужб», что «российский режим культивировал Трампа, поддерживал его и помогал по меньшей мере пять лет». «Агент» раскрыл предполагаемые связи кандидата-республиканца с Россией и заявил, что отправил их на изучение в ФБР [3].

Именно последний из описанных механизмов манипулятивного воздействия напрямую связан с нашей страной. Действительно, за выборами американского президента осенью 2016 г., пожалуй, россияне следили даже пристальней, чем за внутренними событиями в стране. Это доказывают результаты одного из исследований Центра общественного мнения ВЦИОМ, проведенного в конце октября 2016 г. Согласно его итогам, с приближением выборов президента США интерес россиян к американской избирательной кампании увеличивался: так, за месяц до голосования интерес к этой теме проявляли уже более половины наших сограждан (53 %) по сравнению с 41 % в июле 2016 года.

Для России важен результат голосования в США – так считали 57 % опрошенных, противоположной точки зрения придерживались 38 %.

Для развития двусторонних отношений между Россией и США, по мнению россиян, предпочтительнее победа Дональда Трампа, нежели Хиллари Клинтон. Так, о том, что они улучшатся, если 8 ноября победит Трамп, говорили 29 % опрошенных, тогда как относительно президентства Клинтон такого мнения придерживались лишь 4 %. В том, что избрание Трампа ухудшит ситуацию, были уверены 8 %, и 45 % предвидели ухудшение, если выберут Клинтон.

Каждый третий (35 %) полагал, что победа Трампа больше соответствует национальным интересам России, причем эта доля существенно выше среди тех, кто считает исход выборов в США важным для нашей страны – 44 %. Всего 6 % демонстрировали уверенность, что национальным интересам больше соответствует победа Клинтон [4].

Кстати, согласно опросу **YouGov/Handelsblatt poll**, из стран G20 только жители России выразили позитивные взгляды на кандидатуру Трампа (31 %), тогда как остальные члены большой двадцатки поддержали Клинтон.

Сразу же после победы Трампа многие СМИ назвали победителей и проигравших среди мировых политиков. Так, по мнению «The Guardian», победу вместе с Д.Трампом должны праздновать Башар Асад, президент Сирии, и Владимир Путин, глава РФ. Для лидеров Мексики, Ирана, Японии и Европы – это не такая уж хорошая новость [5]. Выводы британского издания подтверждает тот факт, что именно В.Путин стал первым и – в первые часы – единственным мировым лидером, поздравившим Трампа с победой. В своей поздравительной телеграмме лидер РФ отметил: «Выстраивание конструктивного диалога между Москвой и Вашингтоном, основывающегося на принципах равноправия, взаимного уважения и реального учета позиций друг друга, отвечает интересам народов наших стран и всего мирового сообщества» [6].

Итак, Трамп одержал победу. Оправдает ли он ожидания россиян? Какие возможности эта победа открывает для России?

1. Снижение волны антироссийских настроений в Европе. «Есть большой шанс, что президент России Владимир Путин и новая американская администрация смогут заключить историческую сделку для того, чтобы остановить конфронтацию между Россией и Западом. Сейчас американская противоракетная оборона направлена против России... Если Россия и США начнут договариваться по важнейшим мировым проблемам, антироссийская истерия прибалтийских государств и Польши пройдет. До сих пор эти восточноевропейские государства чувствовали защиту Америки. Но теперь США заинтересованы в решении совсем других вопросов... Также поддержку со стороны американских политиков получают те силы во Франции и Германии, которые выступают за нормализацию отношений Запада с Россией», – прогнозирует Александр Рар, политолог, директор Германо-российского форума [7]. Почву для таких смелых ожиданий некогда создал сам Д.Трамп, заявив каналу ВВС: «Если мы сможем сделать для нашей страны такую замечательную вещь, как поладить с Россией, это было бы потрясающе, я бы очень хотел попробовать» [8].

2. Укрепление Совета НАТО-Россия. Возможный пересмотр решений предыдущей администрации по усилению военного блока в прибалтийских государствах и Польше. К сожалению, авиаудар США по сирийскому аэродрому Шайрат в ночь на 7 апреля 2017 г. в ответ на химатаку в Идлибе поставил под вопрос возможность налаживания диалога НАТО-Россия в ближайшее время. Авиаатака была расценена Владимиром Путиным как агрессия против суверенного государства в нарушение норм международного права под надуманным предлогом.

3. Прекращение давления со стороны США на Европу по вопросу антироссийских санкций. Так, владелец Rogers Holdings Джим Роджерс еще до исхода выборов отмечал, что отношениям между Россией и США пойдет на пользу возможное президентство Трампа, так как Трамп может стать драйвером отмены антироссийских санкций [9]. Но действительность оказалась не такой уж оптимистичной. В ходе телефонных переговоров 28 января 2017 г. президенты США и России даже не обсуждали снятие санкций с последней, хотя тон разговора намекал, что в ближайшее время от Трампа можно ждать послаблений в этом вопросе. Многие эксперты с надеждой указали на фразу из заявления Кремля о том, что оба лидера выразили желание улучшить сотрудничество в сфере экономики, для чего потребуются отмена санкций. Но, к сожалению, пока надежды на отмену санкций не оправдались. Более того, в феврале 2017 г. советник президента США Дональда Трампа Майкл Флинн вынужден был покинуть свой пост на фоне обвинений в обсуждении вопроса снятия санкций с РФ с послом РФ в Вашингтоне Сергеем Кисляком.

4. Уход украинского кризиса на второй план в международной повестке дня для американской администрации. Этот факт может стимулировать украинские власти выполнять Минские соглашения и проводить мирную политику на Донбассе. Пока эти ожидания не оправдали себя: в середине февраля 2017 г. на брифинге пресс-секретарь Белого дома Шон Спайсер вообще заявил, что Трамп ожидает от России возвращения Крыма и деэскалации насилия на Украине.

5. Краткосрочное укрепление рубля. Аналитик инвестиционного банка Renaissance Capital Олег Кузьмин называл рубль наиболее перспективной валютой в случае победы Трампа. «Для рубля это может оказаться хорошо. Или если даже из-за роста неопределенности начнутся проблемы на всех развивающихся рынках, рубль может выглядеть лучше, чем все валюты других развивающихся стран в связи с ожиданиями улучшения отношений между Россией и США» [9]. Как известно, курс рубля отреагировал на победу Трампа краткосрочным падением. Но ослабление рубля, как говорится в финансовом обзоре Центрального банка РФ, было незначительным и не таким сильным, как ослабления валют во многих развивающихся странах.

Среди угроз, которые несет победа Трампа России, политологи, например, называют идею американского президента об энергетической независимости США, которая при своей успешной реализации может нанести серьезный ущерб экономике нашей страны [10]. Также некоторых исследователей настораживает стремление Трампа к политике изоляционизма, что может привести к столкновениям глобального масштаба [11].

Кто же виноват в несбывшихся ожиданиях россиян? По мнению Д. Трампа, которое он высказал в ходе пресс-конференции 17 февраля 2017 г., не последнюю роль в усложнении процесса достижения договоренностей с Россией играют ложные и фейковые сообщения – в средствах массовой информации и от простых людей. Российская сторона в лице главы МИД РФ С.Лаврова считает, что бездоказательные обвинения в адрес Москвы (*по сирийскому вопросу – прим.авт.*) Белый дом вынужден делать из-за давления противников президента США Дональда Трампа.

Итак, итоги первых месяцев после вступления в должность президента США Дональда Трампа пока противоречивы и в настоящий момент способствуют лишь весьма сдержанному оптимизму в вопросе улучшения двусторонних отношений между Америкой и Россией.

Список литературы:

1. WSWS.org: Президентские выборы 8 ноября станут продуктом затяжного распада политической системы Америки // URL: <http://actualpolitics.ru/article/13650> (дата обращения: 31.01.2017)
2. *Твен М.* Как меня выбирали в губернаторы // Собрание сочинений в 8 томах. Т. 1. М: Правда, 1980 .
3. *Курганова Е.Б.* Выборы президента США-2016: механизмы манипулятивного воздействия на избирателей // URL: <http://jf.spbu.ru/conf-pr/6885/6886.html> (дата обращения 21.03.2017)
4. Россияне выбирают Трампа // URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115915> (дата обращения 31.01.2017)
5. Donald Trump's election victory: the winners and losers around the world // URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2016/nov/09/donald-trump-victory-us-election-winners-losers> (дата обращения 21.03.2017)
6. Выгодна ли победа Дональда Трампа для России? Как повлияет президентство Дональда Трампа на экономику России и мира? // URL: <http://newstes.ru/2016/11/09/vygodna-li-pobeda-donald-trampa-dlya-rossii-kak-povliyaet-prezidentstvo-donald-trampa-na-ekonomiku-rossii-i-mira.html> (дата обращения 21.03.2017)
7. *Рар А.* Россия и США могут договориться // URL: <https://rg.ru/2016/11/09/aleksandr-rar-pobeda-trampa-izmenit-mir.html> (дата обращения 21.03.2017)
8. Цит. по Победа Трампа: чего ждать России // URL: <http://nsk.dk.ru/news/pobeda-trampa-chego-zhdai-rossii-237055345> (дата обращения 21.03.2017)
9. Что означает победа Трампа для России? // URL: <http://ru.euronews.com/2016/11/09/what-is-trump-victory-for-russia> (дата обращения 21.03.2017)
10. *Луковникова Н.* Чем грозит победа Трампа для России: новая «перезагрузка» отношения или война // URL: <http://ehto-proishodit.ru/articles/2016/11/09/chem-grozit-pobeda-trampa-dlya-rossii-tramp-i-putin-novaya-perezagruzka-otnosheniy-ili-voyna-96600059822> (дата обращения 21.03.2017)
11. *Кадарбеков Д.* Чем «грозит» миру победа Дональда Трампа // URL: <http://rus.azattyk.org/a/28107485.html> (дата обращения 21.03.2017)

Алексей Геннадьевич ИВАНОВ

*Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории,
Институт гуманитарного образования
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
a-ivanov79@mail.ru*

Булат Флюрович ГАЛИХАНОВ

*магистрант кафедры всеобщей истории,
Институт гуманитарного образования
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
galikhanoff@gmail.com*

ЮЖНОУРАЛЬСКИЙ УЧАСТОК РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКОЙ ГРАНИЦЫ: ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация: Развитие интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза требует повышенного внимания к зонам приграничного сотрудничества и российско-казахстанское приграничье в этом смысле играет наиважнейшую роль. Челябинская область сталкивается с такими проблемами как контрабанда и трансграничный наркотрафик, незаконная миграция и проникновение экстремистов, что бросает вызов безопасности Российской Федерации. По мнению авторов, Москве и Астане необходимо объединять усилия в борьбе с этими угрозами, углубляя сотрудничество пограничной, таможенной, миграционной служб, а также правоохранительных органов, как на центральном, так и на региональном уровне.

Ключевые слова: Российско-казахстанская граница, Челябинская область, региональная безопасность, национальная безопасность, контрабанда, трансграничный наркотрафик, незаконная миграция

A. G IVANOV

*PhD in History, associate professor
Department of World History
Institute for the Humanities*

B. F. GALIHANOV

*Master of the Department of World History
Institute for the Humanities
Nosov Magnitogorsk State Technical University*

SOUTH-URAL SECTOR OF THE RUSSIAN-KAZAKH BORDER: THE PROBLEMS OF REGIONAL AND NATIONAL SECURITY

Abstract: The development of integration processes within of the Eurasian Economic Union calls for increased attention to the zones of cross-border cooperation and the Russian-Kazakh borderland plays an important role in this respect. The Chelyabinsk region faces such problems as smuggling and cross-border drug trafficking, illegal migration and penetration of extremists, that challenges the security of the Russian Federation. According to the authors, Moscow and Astana

need to join forces in combating these threats, deepening cooperation between border, customs, migration services and the police, both at the central and regional levels.

Keywords: Russian-Kazakh border, Chelyabinsk region, regional security, national security, smuggling, cross-border drug trafficking, illegal migration

.....

Региональная безопасность — важнейшая составляющая системы обеспечения национальной безопасности. Пограничные регионы Российской Федерации имеют в этом смысле особую значимость, т.к. они занимают ключевое положение в системе межгосударственных и межрегиональных политических, социально-экономических и культурных связей. Цель данной работы состоит в том, чтобы проанализировать те вызовы, с которыми сталкивается Челябинская область как пограничный регион. На ее территорию приходится 869 км. российско-казахстанской границы из общей протяженности пограничной линии в 7,5 тыс. км. При этом анализ предполагается осуществлять в призме угроз национальной безопасности Российской Федерации.

Серьезным вызовом для экономической безопасности региона и страны является контрабанда. Через южноуральский участок границы из Казахстана в Российскую Федерацию нелегально ввозятся продукты питания, товары животноводства и продукция зернового хозяйства. Гигантские масштабы приняла контрабанда спирта и алкогольной продукции, которая стала основным занятием большого количества людей по обе стороны границы, а также незаконный ввоз в Россию китайского ширпотреба — одежды, обуви и канцтоваров¹.

С 2014 г. объемы контрабанды из Казахстана заметно увеличились за счет нелегального ввоза санкционных продуктов из стран ЕС. Борьба Роспотребнадзора и Россельхознадзора с контрабандой посредством усиления таможенного контроля, в частности, досмотра не только не дает ощутимых результатов, но и ставит под удар интеграционные проекты Москвы и Астаны.

Трансграничный наркотрафик — одна из наиболее острых проблем региональной и национальной безопасности РФ. Южноуральский участок российско-казахстанской границы крайне притягателен для наркокартелей и мелких торговцев запрещенными веществами в силу полного отсутствия серьезных естественных преград (рек, гор, лесных массивов) и высокой насыщенности транспортными коммуникациями, автомобильными и железнодорожными. Он считается ключевым звеном в северном маршруте афганского наркотрафика, который проходит через территорию Актюбинской, Западно-Казахстанской, Карагандинской, Костанайской и Северо-Казахстанской областей РК, далее пролегает по Челябинской области и разветвляется на потоки по всей России, в т.ч. направляясь в Европу.

Борьба правоохранительных органов с трансграничным наркотрафиком пока еще недостаточно эффективна. Так, бывший директор ФСКН В. Иванов на выездном заседании Государственного антинаркотического комитета в г. Троицк в 2013 г. отметил, что доля наркотиков, изымаемых непосредственно на челябинском отрезке российско-казахстанской границы, в общем объеме изъятого из незаконного оборота составляет менее 4%, хотя именно этот участок чаще других используется наркопреступниками². Степень серьезности ситуации подчеркивает и то, что только в Че-

¹ Сытых Е.Л. Приграничье России и Казахстана: потенциал интеграции в рамках евразийского экономического союза // В сб.: Государственное и муниципальное управление в XXI веке. Материалы Международной научно-практической конференции, Челябинск, 30 октября 2015 г. Челябинск: РАНХиГС, 2015. С. 254.

² Новые механизмы борьбы с наркотиками обсудили в Троицке глава ФСКН и руководители региона. 13.09.2013. [Электронный ресурс] // Сетевое издание «LentaChel.ru». — Режим доступа: <https://lentachel.ru/news/2013/09/16/novyie-mehanizmy-borby-s-narkotikami-obsudili-v-troitske-glava-fskn-i-rukovoditeli-regiona.html>

лябинской области, помимо стандартных для остальных регионов России структур по противодействию наркоторговле, с 2008 г. существует специальная Межведомственная антинаркотическая комиссия.

Позволим себе дать некоторые практические рекомендации, которые помогли бы сделать противодействие трансграничному наркотрафику более продуктивным. Сразу говоримся, мы не рассматриваем варианты с ужесточением контроля на границе РФ и РК, т.к. это стало бы тормозом на пути интеграции наших стран.

1. Необходимо, чтобы параллельно с антинаркотическими операциями МВД РФ и МВД РК на регулярной основе осуществлялась совместная деятельность правоохранительных органов пограничных регионов двух государств, к примеру, ГУ МВД по Челябинской области и ДВД Костанайской области. Подобное сотрудничество уже продемонстрировало свою результативность, когда в апреле 2013 г. общими усилиями челябинских и костанайских полицейских был ликвидирован международный канал поставки гашиша¹. Но, к сожалению, такая акция оказалась единичной.

2. Настоятельно требуется технически переоснастить южноуральский участок российско-казахстанской границы, снабдив наших пограничников новейшими образцами сканирующих систем. Естественно, проект весьма затратный. По оценкам экспертов, качественное переоборудование каждого километра обойдется государству в 3–5 млн рублей, т.е. полная модернизация границы в районе Челябинской области стоила бы не менее 2,5 млрд рублей². Финансовое бремя российской и казахской стороны в этой сфере могли бы, как нам кажется, разделить и наши европейские партнеры. Учитывая, что 2/3 перевозимых из РК в РФ афганских наркотиков предназначается для транзита в ЕС, европейцам выгоднее останавливать их движение на дальних подступах к своим рубежам. Кроме того, такое многостороннее сотрудничество перевело бы бесчисленные рассуждения о важности усилий всего мирового сообщества по борьбе с распространением наркотиков из плоскости пустых разговоров в плоскость конкретных дел.

3. Необходимо систематически проверять сотрудников таможенных, пограничных служб и правоохранительных органов на причастность к наркоторговле. В 1990-е и 2000-е гг. случались факты подкупа пограничников, таможенников и полицейских наркодиллерами, внедрения ими в ведомства «своих людей».

Челябинская область – это «ворота» для законной и незаконной миграции в региональном процессе перемещения большого числа людей из Центральной Азии в Россию и в глобальном процессе движения населения с Востока на Запад.

Легальная миграция из Средней Азии в Челябинскую область на разных этапах имела разные количественные и качественные характеристики. В 1990-е и начале 2000-х из Центральной Азии в наш регион выезжали русские люди с достаточно высоким уровнем образования и квалификации. Эта миграция носила вынужденный характер и была вызвана увольнением с предприятий, сокращением преподавания русского языка, угрозами расправы и пр.³. По существующим подсчетам, только вынужденная миграция русских из Казахстана в Россию за период 1989–1999 гг. со-

¹ Ликвидировали международный канал поставки гашиша. 25.04.2013. [Электронный ресурс] // Новостной портал Ульяновска «73online.ru». – Режим доступа: <http://73online.ru/readnews/23818>.

² Голунов С.В. Приграничное сотрудничество России и Казахстана: проблемы и пути развития // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 6. С. 88.

³ Авдашкин А.А. Приграничный регион Российской Федерации в контексте миграционных процессов в 1991–2002 годы (на примере Челябинской области) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 2–55. С. 27.

ставила 2 млн человек¹ и Челябинская область была одним из ключевых принимающих регионов.

С начала 2000-х гг. миграционный поток формируется в основном из лиц азиатского происхождения, которые плохо владеют русским языком и обладают низкими квалификационными характеристиками.

Однако, даже с такими данными миграция из стран Средней Азии и для Челябинской области, и для страны в целом остается важным источником восполнения потерь населения вследствие депопуляции, связанной с низким уровнем рождаемости, высокой смертностью, демографическим старением и пр. *То есть переселенцы из центральноазиатских республик, приезжая на постоянное место жительства в РФ, не только улучшают демографическую ситуацию, почти покрывая естественную убыль населения, но еще и восполняют трудовой потенциал*². Федеральные и областные власти стараются всеми доступными способами стимулировать поток легальных мигрантов из стран Центральной Азии. Так, у нас в регионе в настоящее время действует специальная государственная программа «Оказание содействия добровольному переселению в Челябинскую область соотечественников, проживающих за рубежом, на 2016–2020 годы».

Если легальная миграция по большей части отвечает задачам обеспечения безопасности региона, то нелегальная трансграничная миграция несет серьезную угрозу Челябинской области. Она приводит к обострению ситуации на рынке занятости, увеличению уровня безработицы среди местного населения, снижению размера оплаты труда, оттоку квалифицированных кадров, обострению межэтнических конфликтов и ухудшению криминогенной обстановки. В 2010-х гг. Челябинская область стабильно находится в списке регионов-«лидеров» по количеству преступлений, совершенных иностранцами³.

Незаконные мигранты выступают источником распространения инфекционных заболеваний. Среди них есть больные туберкулезом, вирусными гепатитами, ВИЧ-инфицированные т.д. Поэтому заболеваемость туберкулезом в Челябинской области выше средней по стране (в расчете на 100 тыс. населения), а число ВИЧ-инфицированных вдвое выше среднего⁴.

К сожалению, существующая система контроля на российско-казахстанском рубеже пока не способна пресечь нелегальную трансграничную миграцию. В обход официальных пунктов пропуска через границу с Казахстаном в нашу страну попадает более 80 % нелегалов из Средней и Юго-Восточной Азии. По официальным данным, только за год через южноуральский участок границы на территорию Челябинской области переходят до 60 тыс. незаконных мигрантов⁵.

Для нашего региона все острее становится проблема проникновения религиозных экстремистов. Как было установлено правоохранительными органами, через

¹ Коржов И.Ю. Приграничная миграция на постсоветском пространстве (на примере Костанайской области Республики Казахстан и Челябинской области Российской Федерации) // Успехи современного естествознания. 2008. № 11. С. 38.

² Суворова Н.Н. Миграция как фактор социально-экономического развития региона // Вестник Челябинского университета. Сер. 8. Экономика. Социология. Социальная работа. 2002. № 1. С. 25.

³ Чесноков А.С. О миграционной ситуации в Уральском федеральном округе в первой половине 2014 года // В сб.: Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования. XVIII Международная конференция памяти проф. Л.Н. Когана. Екатеринбург: УрФУ, 2015. С. 2485.

⁴ Васильева Е.В. Межрегиональная дифференциация качества жизни населения России // Экономика региона. 2010. № 4. С. 239.

⁵ Котилко В.В. Экономическая безопасность Челябинской области // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2006. Вып. 4. С. 82.

южноуральский участок границы РФ и РК пролегает один из маршрутов переправки радикалов на Северный Кавказ. Сначала они прибывают в Казахстан со всей Центральной Азии, группами пересекают границу, добираются до Челябинска и далее поездом через Волгоград следуют на Кавказ. Эксперт хорошо знакомый с ситуацией по этому поводу высказался так: «у Челябинской области появился шанс вернуть себе статус транзитного пункта, но уже для среднеазиатских боевиков, следующих с оружием на Северный Кавказ»¹.

Один случай буквально потряс Челябинскую область. 9 февраля 2011 г. поступило сообщение о том, что на территорию г. Троицка со стороны Казахстана на автомобиле прибыла группа террористов для осуществления диверсионно-террористических актов. Милиция города была переведена на усиленный режим несения службы, началось патрулирование улиц, во всех учреждениях был введен пропускной режим и проведены другие мероприятия с целью предупреждения и пресечения возможных терактов в местах массового скопления людей². Новость о террористах в Троицке попала в сводки ведущих федеральных каналов. И хотя подробностей не сообщалось, сам факт возможности террористической атаки из сопредельного государства вызвал большой общественный резонанс.

Вообще, специалисты прогнозируют рост угроз национальной безопасности Российской Федерации с возвращением ваххабитов, которые сейчас воюют в рядах ИГ в Сирии. Некоторые аналитики всерьез говорят о том, что для России существует большой риск появления «второго фронта джихада» (первый – Северный Кавказ) в Казахстане и других республиках Средней Азии. «Долгосрочная угроза центральноазиатского джихада довольно существенна», – говорит эксперт из Московского центра Карнеги А. Дубнов³.

В связи с этим, наращивание совместных усилий ФСБ РФ и КНБ Казахстана по борьбе с терроризмом и религиозным экстремизмом становится насущной необходимостью для обоих государств.

Таким образом, анализ обстановки на южноуральском участке российско-казахстанской границы показывает, что Челябинская область как пограничный регион сталкивается с такими проблемами как контрабанда и трансграничный наркотрафик, незаконная миграция и проникновение экстремистов. Это подрывает безопасность Российской Федерации. Эффективно противодействовать указанным вызовам и угрозам можно только на основе углубления сотрудничества пограничной, таможенной, миграционной служб, а также правоохранительных органов РФ и РК, как на центральном, так и на региональном уровне. Интенсификация взаимодействия соседних государств в сфере безопасности станет, по нашему мнению, мощным драйвером их интеграции.

¹ Горелов О. Россия нанесёт удар по базам террористов в Казахстане. 28.02.2011. [Электронный ресурс] // Интернет-издание «Версия». – Режим доступа: <https://versia.ru/rossiya-nanesyot-udar-po-bazam-terroristov-v-kazakhstan>

² СРОЧНО! В Троицке ищут террористов. 11.02.2011. [Электронный ресурс] // Интернет-издание «Комсомольская правда». – Режим доступа: <http://www.kp.ru/online/news/829416/>

³ У южных рубежей России образуется «второй фронт джихада». 27.06.2016. [Электронный ресурс] // Интернет-издание «CA-portal. Центральноазиатский портал». – Режим доступа: <http://www.ca-portal.ru/article:28118>

Ольга Алексеевна ДОБРИНСКАЯ

Кандидат исторических наук, старший преподаватель Дипломатической академии МИД, научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Адрес: doa_78@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЯПОНО-АМЕРИКАНСКОГО СОЮЗА БЕЗОПАСНОСТИ: РЕГИОНАЛЬНОЕ И ГЛОБАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Аннотация: Японо-американский союз безопасности является устойчивой структурой, на протяжении более 60 лет обеспечивающей защиту Японии и региональную стабильность. За время существования союз претерпевает значительные изменения, особенно очевидные после окончания «холодной войны». Происходит постепенное расширение географии его действия, сопровождаемое возрастанием его роли в мини-многостороннем сотрудничестве в регионе. Альянс превращается в механизм обеспечения как военной, так и невоенной безопасности, а также позиционируется его участниками как носитель общих фундаментальных ценностей.

Ключевые слова: японо-американский союз, безопасность, оборона, региональная стабильность, Восточная Азия.

O.A. DOBRINSKAYA

TRANSFORMATION OF THE JAPAN-US SECURITY ALLIANCE: REGIONAL AND GLOBAL VALUE

Abstract: Japan-U.S. alliance is a solid structure which has for more than 60 years played a key role in ensuring Japan's defense and regional stability. During all those years the alliance has been going through considerable changes which are particularly evident after the end of the cold war. Its geographical scope is expanding and its role as a core of mini-lateral security cooperation in the region is increasing. It is being transformed into a mechanism which is not only in charge of military and non-military security issues but is also a example of shared fundamental values.

Key words: Japan-US Alliance, security, defense, regional stability, East Asia.

.....

Японо-американский военно-политический союз продолжает на протяжении нескольких десятилетий оставаться основой японской политики обеспечения национальной безопасности, а также ключевым элементом механизма поддержания стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Договор безопасности 1951 г., а также сменивший его Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности 1960 г. оформили альянс, целью которого являлась защита Японии, а также поддержание мира и безопасности на Дальнем Востоке¹. Договор 1960 г. продолжает действовать по сей день, однако сущность союза претерпевает значительные изменения, о чем свидетельствует содержание ключевых документов, Руководящих принципов оборонного сотрудничества, определяющих роли и миссии союзников, совместных деклараций и заявлений.

Трансформация союза происходит под влиянием совокупности факторов. Среди них можно выделить изменение международной среды, как региональной (исчезновение «советской угрозы»), обострение ракетно-ядерной проблемы КНДР, наращива-

¹ Treaty of mutual cooperation and security between Japan and the United States of America. – www.mofa.go.jp

ние Китаям военного потенциала), так и глобальной (выход на первый план угрозы международного терроризма, появление новых вызовов безопасности, повышение значимости невоенных аспектов безопасности). Определяющее значение имеет эволюция стратегии США в Азии. В частности, процесс трансформации союза значительно подтолкнул объявленный администрацией Б.Обамы «разворот в Азию», обозначивший намерение усилить военное, экономическое и политическое присутствие в регионе, а также стремление укрепить отношения с союзниками.

К внутренним факторам можно отнести эволюцию восприятия населением Японии угроз безопасности, способствующую реализации повестки дня правого крыла консерваторов, выступающего за снятие послевоенных ограничений на оборонную политику страны. Многие темы, связанные с национальной безопасностью, предметное обсуждение которых еще недавно было немыслимо, сегодня становятся предметом активных дискуссий. Изменение общественного мнения позволяет руководству страны с успехом продвигать инициативы в оборонной области. Примером этого можно считать недавно проведенную премьер-министром С.Абэ реформу политики обеспечения национальной безопасности, частью которой стал пересмотр трактовки 9 статьи конституции, запрещавшей Японии право на коллективную самооборону, а также принятие законодательства по обеспечению международного мира и безопасности. Сильная в военном плане Япония, безусловно, становится более ценным союзником США и одновременно повышает свой вес в принятии решений, касающихся функционирования альянса.

Основной вектор эволюции альянса заключается в углублении и расширении военно-политического сотрудничества. В рамках этого процесса можно выделить несколько направлений.

Происходит постепенное расширение географии альянса. Первоначально зона его ответственности охватывала непосредственно территорию Японии, а также район Дальнего Востока. Эти границы были пересмотрены в 1997 г., когда новые Руководящие принципы определили географическую зону действия альянса, как «прилегающие к Японии в районы», рубежи которых четко определены не были. За основу был принят ситуационный, а не географический принцип функционирования механизма альянса в чрезвычайных ситуациях, способных оказать серьезное влияние на безопасность Японии. В Руководящих принципах 2015 г какие-либо географические ограничения на деятельность альянса были полностью сняты, и теперь единственным критерием необходимости задействования альянса является степень серьезности ситуации с точки зрения ее влияния на безопасность Японии.

Расширяется зона взаимодействия вооруженных сил двух стран в деле урегулирования международных конфликтов и постконфликтного восстановления. Участие Токио в операциях в Афганистане и Ираке создало прецедент отправки сил самообороны за рубеж для поддержки «коалиций единомышленников» и вывело отношения в сфере безопасности на новый уровень. Принятие в сентябре 2015 г. постоянного закона, позволяющего отправлять силы самообороны за рубеж для участия в обеспечении международного мира, повышает оперативность принятия решений в случае необходимости поддержки США и их союзников в ситуациях, не имеющих прямого отношения к безопасности самой Японии.

Следующим направлением трансформации альянса является расширение спектра ситуаций, на которые распространяется его действие. Изначально задачей альянса было предотвращение агрессии против Японии, отражение нападения на Японию, а также двустороннее сотрудничество в случае конфликта на Дальнем Востоке. Руководящие принципы оборонного сотрудничества 1997 г. фактически

перенацелили его с узкой задачи обеспечения защиты Японии на мониторинг обстановки в регионе¹. Пересмотр Руководящих принципов в 2015 г. зафиксировал порядок взаимодействия сторон не только в случае военной агрессии или в чрезвычайных ситуациях, представляющих угрозу Японии, но и в ситуациях мирного времени, а также в «серых зонах» безопасности, которые нельзя отнести ни к мирному времени, ни к войне. Именно эти «серые зоны», к которым можно отнести противостояние с Китаем в районе спорных островов Сэнкаку (Дяоюйдао) в Восточно-Китайском море, являются предметом особого беспокойства Токио. Включение «серых зон» безопасности в сферу ответственности альянса является сигналом Китаю о том, что Токио намерен жестко защищать свои интересы в районе ВКМ при поддержке со стороны Вашингтона.

Расширение ситуационной составляющей альянса сопровождается выводом на новый уровень координации совместных действий, укреплением оперативного планирования. Между Японией и США отсутствует постоянный интегрированный командный механизм, как в НАТО или в американо-южнокорейском союзе². В 1997 г. Токио и Вашингтон впервые учредили механизм двустороннего планирования, однако он был рассчитан на взаимодействие в чрезвычайных ситуациях и не мог быть применен, например, во время ликвидации последствий землетрясения и аварии на АЭС Фукусима в марте 2011 г. В 2015 г. был создан новый Механизм координации альянса, который, во-первых, охватывает широкий спектр ситуаций, во-вторых, основан на новом подходе, предполагающем усиленное межведомственное взаимодействие, то есть вовлечение не только сил самообороны, но и других структур, отвечающих за безопасность.

Комплексный подход к выработке механизмов совместного кризисного реагирования связан и с тем, что в нынешних условиях альянс охватывает все возможные сферы обеспечения безопасности, в включая космос, кибер-пространство, безопасность на море, борьбу с пиратством и др., то есть должен быть способен отвечать на любые возникающие угрозы и вызовы широкого плана.

Еще одной характеристикой трансформации альянса является его растущая роль как ядра многостороннего взаимодействия в АТР. Двусторонний союз был дополнен трехсторонним диалогом в сфере безопасности и обороны с Австралией, с Южной Кореей, развивается механизм взаимодействия США-Япония-Индия. Важность мини-многосторонних форматов сотрудничества нашла отражение в Основных стратегических целях 2011 г. Кроме того, развиваются двусторонние связи в сфере безопасности между Японией и другими союзниками США – с Австралией и Южной Кореей были заключены соглашения, выводящие сотрудничество на новый уровень³. Происходит сближение Японии с Филиппинами и Вьетнамом на почве противодействия наступательной политике Китая в Южно-Китайском море. Альянс обрастает дополнительными механизмами сотрудничества между американскими союзниками в регионе и за его пределами.

Динамично развиваются отношения Японии с НАТО, как с организацией, так и с ее отдельными членами, в частности, с Великобританией. В 2013 г. Япония и НАТО подписали политическую декларацию, на основе которой была принята

¹ Подробнее см. Добринская О.А. Расширение законодательной базы оборонной политики Японии. Япония 2004–2005. Ежегодник. С.31–47.

² East Asian strategic review. The national institute for defense studies. Tokyo. 2016. P.312.

³ Соглашение об обмене разведывательной информацией подписано с Южной Кореей в ноябре 2016 г., с Австралией у Японии с 2014 г. существует договор о военно-техническом сотрудничестве, планируется заключение договора о совместных военных учениях

индивидуальная программа партнерства, включающая сотрудничество в сфере безопасности, осенью 2014 г. были проведены первые совместные учения. В 2017 г. Япония и Великобритания заключили соглашение о поставках и техническом обслуживании (такое соглашение есть у Японии только с США и Австралией), проводят совместные учения, занимаются изучением совместных военно-технических разработок.

Постепенно изменяется статус японо-американского союза в регионе. Стороны подчеркивают его роль в гуманитарной сфере, в частности, в борьбе с ликвидацией последствий стихийных бедствиях и т.п. Повышается значение альянса как провайдера нетрадиционной безопасности, что немаловажно с точки зрения долгосрочной перспективы американского присутствия в регионе. Японо-американский союз представляет собой не только механизм осуществления возможных военных действий, мер по предотвращению угроз, но и претендует на универсальный характер, несет определенную идейно-ценностную нагрузку. В частности, в японских Белых книгах по обороне утверждается, что «японо-американский альянс играет все более важную роль в продвижении общих фундаментальных ценностей в международном сообществе, таких как демократия, верховенство закона, уважение к правам человека и экономика капиталистического типа»¹.

Изменяющийся характер японо-американского союза позволяет Японии более эффективно реагировать на широкий спектр вызовов безопасности. Региональное значение происходящих внутри альянса процессов заключается в усилении его потенциала сдерживания Китая и КНДР, повышения роли как гаранта поддержания статус-кво в Азиатско-тихоокеанском регионе (АТР), обеспечения стабильности, основанной на балансе сил.

Тенденция к диверсификации связей в сфере безопасности, прежде всего в АТР позволяет Токио страховать себя от рисков, связанных с самим альянсом. К ним можно отнести опасность быть втянутыми в операции, проводимые США и не имеющие прямого отношения к национальным интересам Японии, а также риск оказаться без необходимой поддержки в случае, если США предпочтут снизить военное присутствие в Азии или же будут сближаться с Китаем, пренебрегая интересами Японии.

Процесс укрепления связей с европейскими союзниками США – как с НАТО, так и с ее отдельными членами с учетом последних изменений в японском оборонном законодательстве позволяет говорить о формировании сети взаимодействия в сфере обеспечения международной безопасности, совместных военно-технических проектов, отвечающих глобальным интересам США и Японии. Это не только способствует укреплению альянса, но и повышает международный статус Японии, является весомым аргументом, подкрепляющим ее амбиции в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций.

Глобализация альянса повышает вероятность его задействования в международных операциях по урегулированию конфликтов, хотя остающиеся ограничения на использование сил самообороны не позволяют считать Токио полноценным участником возможных «коалиций единомышленников», наравне, например, с Великобританией или Францией. Тем не менее, возможность осуществления вспомогательных функций, а также участия в постконфликтном восстановлении существенно повышает вероятность вовлечения Японии в конфликты, не имеющие прямого отношения к ее национальным интересам.

¹ Defense of Japan. 2012. Tokyo. 2012. P.220.

Союз является не только механизмом отражения агрессии против Японии, обеспечения национальной безопасности в узком понимании, но и претендует на роль гаранта статус-кво в регионе, выступает в качестве силы, способной брать на себя ответственность по кризисному реагированию, решению гуманитарных проблем, борьбе со стихийными бедствиями, то есть нацелен на комплексное обеспечение безопасности в широком понимании этого слова.

Александра ДЖОРДЖЕВИЧ

Магистр культурологии, аспирант факультета политических наук Белградского университета, факультет политических наук

alexys_cello@yahoo.com

ВОЗМОЖНОСТЬ РАЗВИТИЯ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В XXI ВЕКЕ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ НА ПРИМЕРЕ БАЛЕТА НАРОДНОГО ТЕАТРА В БЕЛГРАДЕ

Аннотация: В статье рассматривается возможность укрепления межгосударственного сотрудничества в XXI веке в области культуры и искусства на примере Балета Народного театра в Белграде, Сербия.

Балет в Сербии начал развиваться в 20-х гг. XX века благодаря русским артистам, эмигрировавшим из России после Октябрьской революции, и после этого прочно занял своё место в культурной жизни страны. Художественные связи между сербскими и русскими артистами привели к проявлениям новизны в музыкальном искусстве, в частности, в первых национальных югославских балетах. Из-за политико-идеологических разногласий между СССР и Югославией в середине XX века русские артисты оказались вычеркнуты со страниц сербской культурной истории, тема роли русских в культуре Сербии между двумя мировыми войнами стала запрещенной для исследования и была забыта до конца прошлого столетия.

Открывающиеся в XXI веке возможности анализа с современной точки зрения российско-сербских культурных связей и их исторических трансформаций помогут обнаружить потенциальные пути развития межгосударственного сотрудничества в разных сферах культуры, искусства, образования и гуманитарных наук.

Ключевые слова: Народный театр в Белграде, балет, культура, русская эмиграция, международное сотрудничество

A. DJORDJEVICH

*Master of Culturology, PhD student in Cultural and Media Studies
University of Belgrade, Faculty of Political Sciences*

THE OPPORTUNITIES OF INTERNATIONAL COOPERATION IN FIELD OF CULTURE IN THE XXI CENTURY BY EXAMPLE OF THE BALLET OF THE NATIONAL THEATER IN BELGRADE

Annotation: Article considers possibilities of strengthening of international cooperation in the sphere of culture and art in the XXI century, presented through example of founding and development of the ballet department in the National Theater in Belgrade, Serbia.

Ballet in Serbia started its development in the beginning of 1920-s, thanks to Russian artists who emigrated from Russia after October revolution; and since then it took significant position in cultural life of the country. Interaction between Russian and Serbian artists lead to novelties in art and emergence of first Yugoslavian national ballets.

In a wake of political and ideological differences between USSR and Yugoslavia during mid 20th century, role of Russian artists in cultural life of Serbia in period between two world wars is diminished, and this subject remains forgotten until the end of last century.

In 21th century possibilities open for analysis of Russian-Serbian cultural connections and their transformations from modern perspective; giving possibilities to find new paths of development of international cooperation in various spheres of culture, art, education and social sciences.

Key words: National Theatre in Belgrade, ballet, culture, Russian emigration, international cooperation

.....

События первой половины 20 века и переезд в Королевство СХС около сорока тысяч беженцев из России после Октябрьской революции имели значительное влияние на культурную жизнь страны того времени. Балет в Сербии начал развиваться в 20-х гг. благодаря русским артистам, и после этого прочно занял своё место в культурной жизни страны. Художественные связи между сербскими и русскими артистами привели к проявлениям новизны в музыкальном искусстве. Из диалога двух культур в 20 веке органически произошли новые культурные формы, олицетворенные в национальных балетах югославских композиторов. При встрече русско-го классического балетного наследия и народных танцев жителей Балкан созданы новые стилизованные произведения, очень популярные в Сербии и в наши дни. Мы не должны забывать заслуги русских хореографов и танцовщиков в стилизации и исполнении важнейших для сербов национальных балетов в середине XX века.

Становление балета Народного театра в Белграде

После Первой мировой войны в Сербии начался процесс модернизации и восстановления страны. В это время король Александр Карагеоргиевич старался устроить культурную жизнь Белграда по образцу жизни в столице царской России. Открывались новые и модернизировались старые государственные учреждения культуры. В том числе и Народный театр в Белграде. Кроме уже существовавшей драмы, в нем появились новые самостоятельные отделения – опера в 1919 году и балет в 1922 году. Первые балетные выступления появились в 1919 году в рамках опер. Их исполняла не очень известная в России балерина Мария Бологовская.

Около сорока тысяч человек переехали на территорию Королевства СХС/Югославии с 1919 до 1925 года. Среди беженцев оказались известные танцоры, балетные хореографы и деятели культуры, сразу принятые на работу в Народный театр в Белграде. В течение полутора концертного сезона создались условия для открытия самостоятельного балета при Народном театре. Первым и единственным директором балета стал танцовщик и хореограф Александр Фортунато, а балетная труппа состояла из шести танцовщиков русского происхождения. Среди имён, связанных с белградским Народным театром, появились и знаменитости, такие как Маргарита Петровна Фроман¹, Нина Васильевна Кирсанова², Елена Дмитриевна Полякова³, Максимилиан Петрович Фроман, Анатолий Михайлович Жуковский. Почти все до эмиграции были известны на сценах различных театров, в первую очередь, Большого и Мариинского.

Балетный репертуар Народного театра в течение первого десятилетия своего существования состоял из самых известных спектаклей мира, тех самых, которые до сих пор занимают значительное место в мировом балетном репертуаре. Исполнялись балеты классического и современного репертуара: «Коппелия» Лео Делиба, «Щелкунчик», «Лебединое озеро» и «Спящая красавица» Петра Ильича Чайковского, «Жизель» Адольфа Адана, «Бабочки» на музыку Роберта Шумана,

¹ До эмиграции работала в Большом театре в Москве и в труппе С. Дягилева в Париже. Смотри *Русские в Сербии* / А. Арсеньев и др. Београд: Ателье Богдановић, 2009.

² После аудиции была принята в Большой театр, но не начала работать из-за выезда из страны. С 1927 танцевала в труппе Анны Павловой; там же.

³ Солистка Мариинского театра в Петербурге. Выступала в труппе С. Дягилева; там же.

«Раймонда» Александра Глазунова, «Петрушка» и «Жар-птица» Игоря Стравинского, «Шехерезада» Николая Римского-Корсакова и другие. Первый директор и хореограф-постановщик Александр Фортунато старался поставить на сцене мировые балеты, которые значительно подняли уровень доверенной ему балетной труппы Народного театра. Особым успехом можно считать постановку балета «Лебединое озеро» Петра Ильича Чайковского. Премьера состоялась в 1925 году, всего лишь после трёх сезонов с открытия балета. Кроме того что для исполнения главных партий Одилии/Одетты требуется высочайшее мастерство, либретто балета требует на сцене множество танцовщиков, которых в это время в театре не было. Проблему решили, пригласив учеников первой в Сербии Актёрско-балетной школы из класса Елены Поляковой.

Заслуги русских артистов не только в том, что их трудом возник балет в Сербии, но и в том, что после пары лет с открытия балета Народного театра появились первые национальные балеты югославских композиторов. Уже в 1927 году на сцене Белградского театра поставили *Лицитарско сердце*, первый балет югославского композитора Крешимира Барановича. Хореографом-постановщиком была Маргарита Фроман, сама *исполнявшая ведущую партию* Девушки на обеих премьерах, в Загребе в 1924 и в Белграде в 1927 годах. После этого, в 1933 году состоялась премьера первой части балета «*Охридская легенда*» Стевана Христича с хореографией Маргариты Фроман. Ведущие партии исполняла пара Кирсанова-Жуковский. С той поры национальные балеты заняли своё место в культурной жизни не только Белграда, но и всей Югославии.

На сцене ещё появились национальные балеты «*Имбрек с носем*» Крешимира Барановича (1937), «*Охридская легенда*» Стевана Христича (1947) и балетные части опер: «*Тиран*» Петра Крстича (1927)¹, «*Князь Зеты*» Петра Коньовича (1929), «*Дорича танцует*» Крста Одака (1935) и «*Еро с того света*» Якова Готовца (1937).

Кроме того следует подчеркнуть, что карьеры балетных артистов, проживающих в Белграде, не заканчивались только работой в Народном театре. Нина Кирсанова по особому приглашению в 1927 году поступила в труппу Анны Павловой и служила солисткой характерного танца до смерти Павловой. В 1931 году она возвращается в Белград на место заведующей балетной труппой Народного театра. В 1934 году уезжает в Европу. С началом Второй мировой войны Кирсанова снова оказалась в Белграде и жила тут до конца своих дней. Её жизнь тесно связана с белградским Народным театром, она исполнила все ведущие партии в театре между двумя мировыми войнами, была преподавателем в до сих пор существующей балетной школе имени Луя Давича. Из ее класса вышли знаменитые балетные танцовщики, балетные критики, нынешние преподаватели.

Почему все это важно?

В середине XX века, после разногласий СССР и Югославии, развитие югославского балета направилось в другую сторону и отдалилось от классического балета и наследия России. Из-за политических перемен и ухудшения межгосударственных отношений русские артисты оказались вычеркнуты со страниц сербской культурной истории. Про них больше не писали, их имена не произносили, и со временем они совсем были забыты, несмотря на то, что некоторые из них остались жить в Белграде и активно участвовали в культурной жизни столицы.

¹ Оригинальное название оперы на сербском языке «*Зулумћар*»

Актуальность темы в XXI веке

Открывающиеся в XXI веке возможности анализа российско-сербских культурных связей и их исторических трансформаций помогут обнаружить потенциальные пути развития межгосударственного сотрудничества в разных сферах культуры, искусства, науки и образования.

Исследование творчества и культурного влияния эмигрировавших в Сербию русских артистов в первой половине XX века совпадает с общей направленностью политики Российской Федерации в сфере культурно-гуманитарного сотрудничества.

Тема исследования роли русских в развитии балета в Белграде совпадает с целью укрепления и развития уже существующих российско-сербских межгосударственных связей. В документе *Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества*, который доступен на сайте МИД России с 18.12.2010, написано «Делом государственной значимости должна стать работа по увековечению памяти об исторических связях России с зарубежными странами, по выявлению, сохранению и популяризации находящихся за границей памятников культуры и других объектов культурного наследия, связанных с историческим прошлым России, жизнью и деятельностью за рубежом ее выдающихся представителей»¹. В данном случае, необходимо не только сохранить память о соотечественниках, проживающих за рубежом, но и понять их роль в развитии культуры и искусства Сербии, их значимость для основания югославских государственных, культурных и образовательных учреждений. Важнейшие из них — балет Народного театра и балетные школы, одна из которых до сих пор существует.

В сфере образования рекомендуемый документом вклад в популяризацию русской культуры и искусства за рубежом, в балетном образовании открывает возможность действовать в двух направлениях. Во-первых, следует направить силы на повышение балетного образования в Сербии, имея в виду балетные школы и методику, которые основаны русскими прима-балеринами Ниной Кирсановой и Еленой Поляковой, работавшими в белградском Народном театре. Во-вторых, включить в обучение студентов в балетных училищах в России тему о попытке балетной стилизации танцев народов Балкан и роли русских в формировании первых югославских национальных балетов.

Заключение

Российско-сербские связи в принципе всегда были дружескими, а в течение минувшего столетия были благополучны для развития югославского балета межвоенного периода. Это может стать основой для укрепления сотрудничества двух стран в сфере искусства и балетного образования. В теме открываются интересные для исследователей вопросы в сферах культуры, искусства, науки и образования. Возникают темы, связанные с правовыми и экономическими вопросами жизни русских в так называемой «новой отчизне», их образованием за рубежом, а также темы влияния политических перемен на жизнь русского культурного общества. Во всяком случае, пример балета Народного театра в Белграде и появление югославских национальных балетов с помощью русских хореографов и танцовщиков дают нам возможность для укрепления нынешних межгосударственных связей, а также при-

¹ Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества от 18.12.2010 – URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/22455020.03.2017.

мер достижений взаимодействующих художественных направлений в минувшем столетии, что в 21 веке может пойти на пользу обоих народов.

Список литературы:

1. Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества [Электронный ресурс]: основополагающий документ утв. МИД России от 18.12.2010 – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/224550
2. Мосусова Н. Мир искусства на музыкальной сцене национального театра в Белграде. Украшение и преступление или оскорбление / Ред. Б. Станковић. // *Руска дијаспора и српско-руске културне везе*. Београд: Славистичко друштво Србије, 2007.
3. Русские в Сербии / А. Арсеньев и др. Београд: Ателье Богдановић, 2009.
4. Русская эмиграция в Югославии / ред. колл. А. Арсеньев, О. Кириллова и М. Сибинович. М.: Индрик, 1996.
5. Борђевић А. Сучеловање српских и руских културно-уметничких пракси на оперској сцени Народног позоришта у Београду у периоду између два светска рата // *Kultura*. – 2016. – № 150. – с.239–253.
6. Dorđević A. Uloga ruskih umetnika u razvoju i popularizaciji nacionalnih baleta u beogradskom Narodnom pozorištu u periodu između dva svetska rata // *Tradicija kao inspiracija: materijali konferencije «Vlado S. Milošević kompozitor, etnomuzikolog i pedagog»* Banja Luka: Akademija umjetnosti, 2016. (в печати)
7. Dorđević A. Balet na sceni Narodnog pozorišta u Beogradu između dva svetska rata – od osnivanja samostalnog departmana do prvih nacionalnih baleta // *Umetnost i kultura danas: Igra kao antropološki, estetički i pedagoški princip: materijali konferencije «BARTF 2016»*, Niš: Fakultet umetnosti, 2016. (в печати)
8. Đuričić A. Istorija igre. Београд: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, 1999.
9. Jakovljević R. Rusi u Srbiji. Београд: Beoknjiga, 2004.
10. Jovanović M. Ruska emigracija na Balkanu 1920–1940. Београд: Čigoja štampa, 2006.
11. Petričević M. Doprinos ruske umetničke emigracije formiranju i razvoju Baleta Narodnog pozorišta u Beogradu (1920–1944), Београд: Fakultet dramskih umetnosti, 2015. Неопубликованная кандидатская диссертация.
12. Volynsky A. Ballet's Magic Kingdom – Selected Writings on Dance in Russia, 1911–1925. London: Yale University Press, 2008.
13. Zajcev M. Otkrivamo tajne baleta. Novi Sad: Prometej, 1996.

Статьи и периодические издания:

14. Petričević M. Baletske patike, pijanino i mačak Vasilije. // *Српско наслеђе*. – 1998. – № 11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.marijapetricevic.com/citanje.php?m=1&t=baletske%20patike
15. Стевановић Ј. Историјат – Народно позориште у Београду [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.narodnopoistoriste.rs/pozoriste
16. Šterić S. Nina Kirsanova: Plesala sa Pavlovom, igrala u filmu «Nešto između». Intervju. 1984. Objavljeno 01.05.2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.yugopapir.com/2013/05/nina-kirsanova-plesala-sa-pavlovom.html
17. Šukuljević-Marković K. 2009. Blistava baletsa karijera. // *Politika* (27.04.2009.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.politika.rs/rubrike/Kultura/Blistava-baletska-karijera.lt.html
18. Zajcev M. *Umetnička igra u Srbiji – Putokaz istraživačima*. // *Orchestra plus*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://orchestra-magazine.com/pdf/podlistak/orchestra-magazine-podlistak-45-50-konci-vremena.pdf>

Светлана Михайловна ГАВРИЛОВА

кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра евроатлантических исследований и международной безопасности Института актуальных международных проблем дипломатической академии МИД России

smgavrilova@gmail.com

РОССИЯ И ИТАЛИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ СОТРУДНИЧЕСТВА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые точки соприкосновения российско-итальянских отношений на современном этапе, их историческая обусловленность и особый статус. Освещаются приоритетные направления сотрудничества, а также перспективы его развития в различных областях

Ключевые слова: Итальянская Республика, двусторонние отношения, политический диалог, дипломатические контакты, перспективы сотрудничества

S. GAVRILOVA

PhD in History, research officer in Center of Euroatlantic and International Security Studies of The Institute of Contemporary International Studies in Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry

RUSSIA AND ITALY: HISTORICAL EXPERIENCE OF COOPERATION AND PROSPECTS OF RELATION DEVELOPMENT

Abstract. The article discusses the key points of contact of Russian-Italian relations at the present stage, their historical conditionality and special status. Highlights the priority areas of cooperation and prospects of its development in various fields

Key words: The Italian Republic, bilateral relations, political dialogue, diplomatic contacts, prospects of cooperation.

.....

Отношения Италии и России на протяжении многих десятилетий остаются примером конструктивного, взаимовыгодного диалога. Как указано на сайте МИД РФ, они «имеют богатую многовековую историю и уникальный объем совместного культурного и духовного наследия»¹. Если говорить о новейшей и современной истории, то контакты двух стран успешно развивались, начиная с 50-х гг. XX века. Ключевыми областями сотрудничества, помимо политической, были экономика, культура и образование, наука и технология, энергетика. Успешное взаимодействие в указанных сферах создавало благоприятный фон и для развития политических взаимоотношений. Подобное взаимовыгодное сотрудничество в различных направлениях остается возможным и сейчас. К указанным областям можно добавить также перспективы кооперации в сферах борьбы с международным терроризмом и урегулирования глобальных и региональных конфликтов. Отдельного внимания заслуживает обмен опытом на уровне регионального сотрудничества — направление, активно развивающееся в последние годы. Особо отметить необходимо сферу научного взаимодействия и обмена экспертными мнениями на различных уровнях.

¹ Итальянская Республика / Министерство иностранных дел Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.mid.ru/ru/maps/it/?currentpage=main-country>

Несмотря на резкое «похолодание» в международных отношениях, традиционно доверительным тоном обладает сегодня и дипломатический диалог.

Кризисная ситуация в международных отношениях в настоящее время, безусловно, накладывает негативный отпечаток на двусторонних контактах России и Италии¹. Однако взаимодействие двух стран во второй половине XX века осуществлялось под знаком Холодной войны и это не помешало ему оставаться на достаточно высоком уровне. Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что перспективы отношений Российской Федерации и Итальянской Республики остаются позитивными, несмотря на снижение общего уровня доверия в диалоге России и Запада².

За более чем двадцатилетнюю историю динамичных политических, экономических и культурных контактов Итальянская Республика стала одним из главных российских партнеров в Европе, а дальнейшее развитие диалога — одним из приоритетов внешней политики Российской Федерации. Две страны связывают многолетние традиции сотрудничества и динамично развивающиеся благоприятные отношения, в том числе — сходные взгляды в ряде проблем мировой политики. В период, предшествующий украинскому кризису, выделяется деятельная позиция Италии в вопросах интеграции России в европейскую и мировую систему, в частности — способствование присоединению последней к Большой семерке. Следует также подчеркнуть широкое сотрудничество двух стран в рамках ООН по различным аспектам международных отношений и двусторонним связям государств³.

В настоящий момент ключевым фактором, влияющим на связи двух государств, остается непростая ситуация, сложившаяся на мировой политической арене. Именно Итальянская Республика — единственный член ЕС — сохранила достаточно широкий политический диалог с Россией, несмотря на общее охлаждение отношений последней с Западом.

Характер двусторонних отношений России Италии

В последнее десятилетие XX в. Итальянская Республика становится одним из ключевых политических и торговых партнеров Российской Федерации в Европе. Сегодня Рим выступает за развитие отношений с Российской Федерацией и отмену ограничений, связанных с санкциями, однако, при этом Италия неизменно остается на позициях европейской и западной солидарности⁴. Немаловажным фактором является существенная финансовая взаимозависимость Евросоюза и США, которая в значительной мере влияет и на отношения стран-членов ЕС со своими политическими и финансовыми партнерами⁵.

Взаимодействие двух стран традиционно складывается в позитивном ключе, о чем свидетельствуют широкие контакты в различных направлениях, многочисленные встречи на уровнях глав государств и правительств, министров иностранных дел, межпарламентских консультаций. С 2002 г. на регулярной основе проводятся межгосударственные консультации с участием ключевых министров

¹ Зверева Т.В. Миграционный кризис: «тихий развал» Евросоюза или новый этап в развитии интеграции? // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2015. № 4 (6). С. 108.

² Гаврилова С.М. Современная политическая ситуация в Италии: взгляд из России // Международная жизнь. 2011. № 8. С. 151.

³ Гаврилова С.М. Российские ученые о внешней политике Италии на рубеже XX–XXI вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. —№ 1(9). С. 18.

⁴ Закаурцева Т.А., Гаврилова С.М. Культурно-социальная интеграция мигрантов в Европейском союзе // Международная жизнь. № 8. 2016. С. 113.

⁵ Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Международные отношения в XXI веке. М.: Восток-Запад, 2011. — 168 с.

двух стран¹. Встречи на высшем уровне также осуществляются постоянно в течение последних пятнадцати лет, регулярной практикой стали телефонные разговоры. В марте 2015 г. Маттео Ренци посетил Москву с официальным визитом, в ходе которого президентом Российской Федерации были обозначены общие характеристики российско-итальянских политических контактов, подчеркивался их положительный тон. Этот визит стал первой поездкой западного политического лидера в Россию после присоединения Крыма.

Знаковый визит на высшем уровне В.В. Путин нанес в Италию в июне 2015 г. в рамках выставки ЭКСПО 2015 в Милане, в ходе которого произошел ряд важных встреч с премьер-министром и президентом страны.

Следующий визит на высшем уровне состоялся в июне 2016 г.: Маттео Ренци принял участие в Санкт-Петербургском экономическом форуме. Его выступление выражало стремление к сотрудничеству с Россией в различных областях: инновационно-технологической, экономической, культурной. Одной из ключевых проблем международных отношений, разрешение которой возможно исключительно при участии Российской Федерации, Ренци назвал тогда участвовавшие проявления экстремизма.

Ситуация вокруг Крыма остается основной «кризисной точкой» во взаимоотношениях России со странами Запада. Однако в сентябре 2016 г. полуостров посетила итальянская делегация депутатов региональных советов и представителей делового сообщества. Участие в поездке представителей крупного бизнеса демонстрирует неослабевающий интерес со стороны итальянских компаний к торговому и инвестиционному сотрудничеству с Россией. По итогам визита было подписано совместное заявление о сотрудничестве в сферах производственных и торговых отношений, новых технологий, привлечения инвестиций, внедрения совместных научных проектов и проведения исследований. Подобное соглашение свидетельствует о положительной тенденции на сближение с Россией в официальных политических кругах Италии. Эта инициатива открывает новые перспективы российско-итальянскому экономическому сотрудничеству и активизации контактов бизнес-сообществ.

Стоит также отметить визиты в Республику Крым ряда итальянских политиков (Сильвио Берлускони, Маттео Сальвини), что также является показателем развития двустороннего политического диалога на различных уровнях.

Важным моментом для дальнейшего благоприятного развития отношений Италии и России стал тот факт, что ни один из участников прошедшего в октябре 2016 г. люксембургского заседания **глав МИД стран-членов ЕС** не предложил ввести новые санкции против Российской Федерации в связи с ситуацией в Сирии. Именно Маттео Ренци тогда заявил, что урегулирование ситуации в Сирии не должно включать санкции против России. Непосредственно в Италии за последние два года преимущественно раздавались голоса за снятие санкций, введенных против России. С призывом смягчить санкционный режим выступили парламенты Венето, Лигурии, Ломбардии и Тосканы.

Остается, однако, ряд конфликтогенных моментов во взаимоотношениях двух стран. Помимо некоторых несоответствий во взглядах на некоторые важные аспекты международной политики, это проявляется и в сфере социокультурных отношений². В итальянской прессе регулярно появляются статьи с довольно резкой критикой в адрес России и ее действий на международной арене. В целом позиция

¹ Гаврилова С.М. Россия и Италия сегодня: положительный опыт сотрудничества // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2015. № 4(6). С. 136.

² Зверева Т.В. Как дружить цивилизациями? // Международная жизнь. 2013. № 9. С. 189.

Италии как на официальном уровне, так и в сфере общественного мнения, достаточно ясна: снятии санкций с России необходимо, но возможно в случае реализации минских соглашений. Важно, что со стороны ряда итальянских общественных деятелей часто раздаются голоса в поддержку скорейшего отказа от санкций, как это сделал в начале 2017 г. бывший некогда премьер-министром Италии и Председателем Еврокомиссии Романо Проди.

Очевидно, что в настоящее время именно Италия стала для Российской Федерации тем «привилегированным» партнером в Европе¹, которым традиционно была Франция². Можно сказать, что Италия самопозиционируется в качестве посредника между Россией и Западом в условиях сегодняшней непростой ситуации в международных отношениях.

Важно, что данный статус подтверждается фактическими действиями: недавно состоялись переговоры госсекретаря США Рекса Тиллерсона с министром иностранных дел Итальянской Республики Анджелино Альфано в рамках встречи «Большой двадцатки» в Бонне. Как указано на сайте итальянского внешнеполитического ведомства, среди прочих вопросов на встрече обсуждалось «российско-украинское досье»³. Это говорит о том, что США расценивает Италию как важное звено в процессе ведения диалога с Российской Федерацией.

На сайте Фарнезины, помимо прочего, среди основных принципов российско-итальянского сотрудничества выделяется, что «Отношения между Италией и Россией остаются в интенсивной и даже позитивной, однако, «деликатной» фазе. Италия считает необходимым... поддерживать подход и конструктивный диалог с Российской Федерацией»⁴. При этом подчеркивается интенсивный характер межправительственных и межпарламентских переговоров и консультаций. Отношениям с Россией отведен специальный раздел в рамках блока «Европа».

Ключевые точки соприкосновения

Одним из ключевых вопросов взаимоотношений России и Италии в настоящее время стала проблема международного терроризма. Еще в 2001 г. было принято Совместное российско-итальянское заявление о сотрудничестве в области противодействия финансированию международного терроризма. Регулярной практикой стали встречи спецпредставителя президента Российской Федерации по Ближнему Востоку с послом Итальянской Республики в Москве. Регулярность и особый статус встреч говорят о приоритетности этого вектора в сфере проведения совместной внешнеполитической линии. Россия и Италия сейчас входят в Международную группу поддержки Сирии, и, как демонстрируют мнения министров иностранных дел обеих стран, придерживаются сходных позиций по урегулированию сирийского кризиса. Еще одной точкой соприкосновения являются позиции Италии и России по Ливии, что особенно важно в контексте особой значимости ливийского вопроса для Италии. Высокой степенью заинтересованности отличается внимание итальян-

¹ Гаврилова С.М. Российско-итальянские отношения на рубеже XX–XXI веков // Новая и Новейшая история. 2017. № 1. С. 208.

² Арзаканян М.Ц., Зверева Т.В. Перекрестный год России во Франции и Франции в России // Международная жизнь. 2010. № 12. С. 60.

³ Alfano: meeting with the U.S. Secretary of State Tillerson on the fringes of the G20 meeting / Farnesina. Режим доступа: http://www.esteri.it/mae/en/sala_stamp/archivionotizie/comunicati/2017/02/alfano-incontro-con-il-segretario_1.html

⁴ I rapporti tra Italia e Russia / Farnesina. Режим доступа: http://www.esteri.it/mae/it/politica_estera/aree_geografiche/europa/i_nuovi_rapporti.html.

ской стороны к точке зрения российских дипломатов на вопросы урегулирования конфликта в Сирии и борьбу с ИГИЛ¹.

Итальянская Республика стала одним из ключевых партнеров Российской Федерации и в области экономики и торговли, по объемам товарооборота занимая в настоящий момент шестое место в мире. **В 2016 году товарооборот России с Италией** составил около долл. США (4,2% общей стоимости товарообмена России)². Тем не менее, товарооборот между Россией и Италией в последние годы снизилась в 2,5 раза, и Италия потеряла около 4 млрд евро после введения антироссийских санкций³.

Сотрудничество, однако, продолжается. Так, 20–22 апреля 2017 г. состоялся III Ялтинский международный экономический форум, на котором присутствовала делегация их региона Венето – крупнейшая на мероприятии. Это было названо «знаком открытого диалога и возобновления обменов и сотрудничества с Россией».

Весьма интенсивными в настоящее время остаются дипломатические связи Российской Федерации и Итальянской Республики⁴. Значительно расширена в последние годы сеть консульских учреждений Италии в России⁵. Регулярно проводятся межмидовские консультации, на которых традиционно обсуждаются перспективы развития двусторонних контактов, производится обмен мнениями по актуальным международным темам, затрагиваются вопросы архитектуры европейской и международной безопасности, обсуждается возможность дальнейшего развития партнерского сотрудничества России с ЕС в различных областях. Часто осуществляются консультации и телефонные разговоры глав внешнеполитических ведомств, их заместителей и послов двух стран.

С изменением контекста международных отношений за последние три года, характер консультаций приобрел особую тональность, отражающую интенсивность российско-итальянского диалога по вопросам общеевропейской политики. Среди последних подобных мероприятий – встреча спецпредставителя Президента Российской Федерации по Ближнему Востоку и странам Африки, заместителя Министра иностранных дел России М.Л.Богданова с Послом Италии в Москве Ч.М. Рагальини – прошла в марте 2017 г. по запросу итальянской стороны и была второй за этот год.

Важной вехой отношений стал визит министра иностранных дел Итальянской Республики Анджелино Альфано в Москву в марте 2017 г. На пресс-конференции по итогам встречи и в международном блоке вопросов, обсуждавшихся на переговорах в МИД России, доминировала тема борьбы с терроризмом. Был подтвержден конструктивный тон двустороннего диалога. С.В. Лавров отметил стремление итальянских коллег к восстановлению доверия на европейском континенте. Был утвержден график осуществления контактов в политической области. Особая роль

---

¹ Интервью посла России в Италии С.С. Разова национальной радиостанции «Венето», 20 августа 2016 г. / МИД России. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/it/-/asset_publisher/y8qQ47DsHQYD/content/id/2406865. Дата обращения: 20.11.2016.

² Гладков И. С. Внешняя торговля Российской Федерации и санкции: предварительные итоги // *Международная жизнь*. № 5. 2015.

³ Итальянцы подсчитали потери от санкций против России / *Lenta.ru* Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2017/04/20/rusitaly/>

⁴ Гаврилова С.М. Современная Италия глазами российских ученых // *Диалог со временем*. 2010. № 33. С. 342–360.

⁵ Зонова Т.В. История внешней политики Италии. М., 2016. С. 317.

отводится межпарламентским контактам. Так же был рассмотрен ряд вопросов торгово-экономического характера. Как было отмечено, товарооборот сократился в 2 раза за последние годы, однако, перспективы развития сотрудничества в сфере экономики остаются позитивными. Главная роль в данном контексте отводится Российско-итальянскому Совету по экономическому, промышленному и валютно-финансовому сотрудничеству. Речь также велась о взаимодействии в сфере энергетики. По всем вопросам, как подчеркнул российский министр, было достигнуто полное согласие. Были отмечены гуманитарное сотрудничество (в частности – деятельность Форума-диалога гражданских обществ) и совместные культурные проекты. А. Альфано особо подчеркнул высокую важность культурной составляющей в рамках двусторонних отношений. Также был осуществлен обмен мнениями по ключевым международным проблемам, включая ситуацию в Сирии, Ливии, на Украине, обсуждено взаимодействие в СБ ООН, а также перспективы отношений России с Европейским союзом¹.

В апреле 2017 г. состоялся визит в Москву президента Италии Серджо Маттарелла. Примечательно, что в ходе визита Маттарелла назвал культурный аспект основополагающим элементом двусторонних отношений². Важность двусторонних культурных контактов подчеркивается широким научным интересом в России к истории, культуре, экономике, политической модели Итальянской Республики. Отечественная италянистика только последних десятилетий насчитывает сотни работ в различных областях исследований³.

* * *

В целом, отношения России и Италии на протяжении более чем двух последних десятилетий можно охарактеризовать как динамично развивающиеся, охватывающие контакты в различных областях межгосударственного сотрудничества. Несмотря на принадлежность к разным политическим блокам времен «холодной войны» и ряд возникших в первые послевоенные годы противоречий, связи двух государств традиционно оставались достаточно тесными. На современном этапе – как и на протяжении предшествующих нескольких десятилетий – особая роль отводится торговым и культурным отношениям. На политическом фронте позиция Италии состоит в том, что Россия должна быть вовлечена в решение крупнейших мировых вопросов и вызовов. В свою очередь, для Италии важно заручиться поддержкой России как постоянного члена СБ ООН (прежде всего по «ливийскому вопросу»).

Изменения международного контекста в связи с политическим кризисом на Украине в 2014 г. оказали огромное влияние на двусторонние контакты Российской Федерации и Итальянской Республики⁴. В свете охлаждения взаимоотношений России с рядом европейских партнеров, позитивный диалог с Италией выдвигает вопрос о его дальнейшем интенсивном развитии в различных направлениях. Важным фактором является позиция Италии о необходимости участия России в разрешении современных международных и региональных кризисов. Таким образом,

¹ О встрече Министра иностранных дел России С.В. Лаврова с Министром иностранных дел и международного сотрудничества Италии А. Альфано / МИД РФ. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/it/-/asset_publisher/y8qQ47DsHQYD/content/id/2706798

² Mattarella: «Tra Italia e Russia vi è un'amicizia solida» / Presidenza della Repubblica. Режим доступа: URL: <http://www.quirinale.it/elementi/Continua.aspx?tipo=Notizia&key=71826>

³ Гаврилова С.М. Политическая история современной Италии (1945–2011) в трудах российских ученых. М., 2013. С. 7–8.

⁴ Россия и современный мир / Отв. ред. М.А. Неймарк. М., «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2016. – 512 с.

Италия, являясь давним партнером Российской Федерации, в условиях стремления сохранить широкое продуктивное сотрудничество в различных областях, берет на себя роль «посредника» в диалоге между Россией и Западом.

В заключении необходимо подчеркнуть, что, по словам Министра иностранных дел России С.В. Лаврова, «Италия занимает особое место в системе внешнеполитических связей России, опираясь на прочные традиции двусторонних отношений, успешный опыт сотрудничества в самых разных областях». Как было подчеркнуто на пресс-конференции по итогам визита А. Альфано в Москву, контакты России и Италии развиваются в атмосфере абсолютного доверия. А это дает надежду на скорое восстановление конструктивного диалога России и Европы в целом.

Марина Михайловна ЛЕБЕДЕВА

доктор политических наук, профессор, зав. Кафедрой мировых политических процессов МГИМО

mmlebedeva@gmail.com

ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Аннотация: В статье анализируются особенности российской публичной дипломатии. Показывается, что Россия начинает активно обращаться к инструментам «мягкой силы» и публичной дипломатии в XXI веке, что обусловлено задачей восстановления российского влияния на международной арене. Отмечается, что наряду с наличием целого ряда шагов, направленных на реализацию публичной дипломатии, остаются параметры, которые требуют особого внимания и развития. К числу этих параметров относятся: 1) учёт особенностей региона и страны, где используется «мягкая сила» и публичная дипломатия; 2) выбор структур, через которые осуществляется публичная дипломатия (в частности, существует большой потенциал университетов); 3) внимание к тому, в каких условиях, а именно, в конфликтных отношениях, или в условиях стабильного развития общества, осуществляется публичная дипломатия.

Ключевые слова: публичная дипломатия, Россия, «мягкая сила», каналы и инструменты публичной дипломатии.

M. LEBEDEVA

Dr. of Sci (Political Sci), Professor, the Head of World Politics Department, MGIMO University

POTENTIAL OF RUSSIAN PUBLIC DIPLOMACY

Annotation: The article analyzes the peculiarities of Russian public diplomacy. It shows that Russia is actively beginning to apply the tools of soft power and public diplomacy in the twenty-first century, due to the task of restoring Russian influence in the international arena. It is noted that along with the presence of a number of steps aimed at the implementation of public diplomacy, there are parameters that require special attention and development. Among these parameters are: 1) the peculiarities of the region and country where soft power and public diplomacy are used; 2) selection of structures through which public diplomacy is carried out (in particular, there is a great potential of universities); 3) attention to the conditions in which conditions public diplomacy is carried out (in a conflictual situation or in a stable development of society).

Keywords: Public diplomacy, Russia, soft power, channels and tools of public diplomacy.

.....

Понятие «публичная дипломатия» имеет множество определений и интерпретаций. Однако изначально оно предполагает воздействие государства на общества других государств¹. Это воздействие может осуществляться как через официальные каналы, так и неофициальные. При этом публичная дипломатия является частью реализации инструмента «мягкой силы», который, согласно Дж. Наю предполагает, прежде всего, создание привлекательности².

Официальные каналы публичной дипломатии представляют собой выступление представителей государственных структур в средствах массовой информации. Это

¹ Snow N., Taylor Ph. M. (Eds.). Routledge Handbook of Public Diplomacy. N.Y.: Routledge, 2009.

² Nye J. S. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone, Oxford University Press, 2002. – P. 9.

могут быть, как СМИ, так и различные социальные сети. Неофициальные каналы предполагают воздействие через структуры НПО, бизнеса, академические структуры, СМИ, женские организации и т.п. Сочетание официального и общественного векторов публичной дипломатии дает несомненные преимущества при воздействии на общества зарубежных государств. Варианты подобных сочетаний могут быть весьма разнообразными.

Россия стала интенсивно обращаться к инструменту публичной дипломатии и к использованию «мягкой силы» в XXI веке. Мотивом послужила идея восстановления влияния России на мировой арене.

В последние годы Россия придает особое значение развитию публичной дипломатии, как и «мягкой силы» в целом. Понятие «мягкая сила» содержится в Концепции внешней политики Российской Федерации 2013 года¹ и Концепции внешней политики Российской Федерации 2016 года². Реализация «мягкой силы» и публичной дипломатии нашла отражение в создании различных фондов – «Русский мир», Фонд публичной дипломатии им. А. М. Горчакова и других, задачей которых стало поддержание и распространение русского языка, развитие публичной дипломатии и т.п. В 2008 году Указом Президента России создается Федеральное агентство Россотрудничество, задачей которого становится работа посредством использования инструментов «мягкой силы» и публичной дипломатии. Россия предпринимает целый ряд и других шагов в этой области. В целом в России эти инструменты воздействия активно развиваются.

Тем не менее, остаются области, которые требуют значительной детальной проработки. Прежде всего, встает вопрос о более «точечном» воздействии на общества других стран. Очевидно, что зарубежные общества неоднородны по многим параметрам. Если взять только постсоветское пространство, то, безусловно, общества Прибалтийских государств отличаются от обществ центрально-азиатских республик и, соответственно, требуют различных подходов. Другим примером может служить приоритетное использование официальных или неофициальных каналов публичной в различных регионах. Так, в азиатском регионе, по всей видимости, большим доверием пользуются официальные каналы (в частности, в Китае, в государствах Центральной Азии), в то время как в Европе и Северной Америке – неофициальные.

Таким образом, одним из *параметров* при определении воздействия являются *особенности региона и страны*. При этом очень важно ориентироваться на то, чтобы воздействие на общества других стран строилось в формате *диалога*, т.е. предполагало взаимное воздействие и взаимное влияние. В противном случае эффективность влияния резко снижается.

Другим параметром воздействия оказывается то, через какие *структуры* осуществляется публичная дипломатия. Россия сделала ставку в значительной степени на СМИ (прежде всего на канал RT), а также различные фонды, что во многих отношениях оправдано. В то же время, большой потенциал деятельности для публичной дипломатии имеют российские университеты. Пока их потенциал не в полной мере реализован. Это и привлечение иностранных студентов к обучению в российских

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.) (утратила силу). URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/122186

² Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248

вузах, и обмен преподавателями, и совместные научно-исследовательские проекты и т.п.

Бизнес-структуры также недостаточно используются в рамках публичной дипломатии. И это несмотря на то, что вопросы привлечения бизнеса для оказания влияния на общества других стран в мире хорошо разработаны. В частности, в ряде европейских университетов читаются курсы по экономической дипломатии, включающие вопросы публичной дипломатии.

Наконец, еще одним критерием для воздействия на общества других стран, являются условия, в которых осуществляется публичная дипломатия: происходит ли воздействие в условиях конфликтных отношений, или в *условиях стабильного развития общества*.

В ситуации конфликтных отношений оказание воздействия на общество другой страны становится более сложным. Во-первых, в этих условиях публичная дипломатия может быть ориентирована, как на поддержку одной из сторон конфликта, так и на урегулирование самого конфликта¹. Во-вторых, в условиях конфликта очень важна координация действий различных акторов. В противном случае действия могут быть не только не эффективны, но и породить новые конфликты в силу того, что акторы действуют разнонаправленно². В-третьих, в начальной стадии развития конфликта более значимыми обычно становятся краткосрочные цели по сравнению с долгосрочными. Поэтому при реализации публичной дипломатии на начальных стадиях развития конфликта больше внимания необходимо уделять, например, СМИ. Однако, если конфликт оказывается затяжным, долгосрочные цели становятся важными. Разворачиваются различного рода образовательные программы, направленные, как на овладение участниками конфликта навыками по его разрешению, так общеобразовательные, включая школьное образование. При этом показано, что конфликты в основном происходят в регионах с низким уровнем образования³.

При подведении итогов анализа потенциала российской публичной дипломатии представляется важным отметить, что в практическом плане необходимо прежде всего сосредоточиться на следующих вопросах: 1) более широко использовать различных негосударственных акторов для осуществления публичной дипломатии; 2) с учетом особенностей ситуации выбирать критерии воздействия; 3) разработать механизмы координации деятельности различных акторов при осуществлении ими публичной дипломатии; 4) развивать «новую публичную дипломатию», ориентированную *на диалог* с обществами зарубежных стран.

¹ Лебедева М.М. Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов / Международные процессы. – 2015. – Том 13. – № 4 (43). – С. 45–56. Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/forty-third/Lebedeva.pdf> DOI 10.17994/IT.2015.13.4.43.3

² Natsios A.S. An NGO Perspective / Peacemaking in International Conflicts: Methods and Techniques // Ed. by I.W. Zartman and J.L. Rasmussen. – Washington D.C.: United States Institute of Peace, 1997. P. 337–361.

³ Collier P. Economic Causes of Civil Conflict and Their Implications for Policy. The World Bank Development Research Group Report, 2000. P. 7. URL: <http://web.worldbank.org/archive/website01241/WEB/IMAGES/ECONONMI.PDF>

Юлия Александровна НИКИТИНА

*к.полит.н., доцент кафедры мировых политических процессов,
научный сотрудник Центра постсоветских исследований МГИМО*

y.nikitina@inno.mgimo.ru

Игорь Юрьевич ОКУНЕВ

к.полит.н., доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО

iokunev@mgimo.ru

АСИММЕТРИЧНЫЕ КОНФЛИКТЫ В ТЕОРИЯХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И ПРОБЛЕМА УРЕГУЛИРОВАНИЯ¹

Аннотация. Классические теории международных отношений анализировали конфликты между одинаковыми типами акторов — государствами — с сопоставимой мощностью. Однако, такие конфликты, как Вьетнамская война, показали, что более сильный противник в лице государства может проиграть предположительно более слабому противнику в лице партизанского сопротивления. С тех пор интерес к теме асимметричных конфликтов привел к изучению данного феномена, особенно на фоне операций в Афганистане, Ираке, Сирии. Обзор теоретических подходов к изучению асимметричных конфликтов с точки зрения географии и стратегий посредничества и урегулирования показал, что эта сфера по-прежнему остается недостаточно изученной и требует дополнительного внимания со стороны российских исследователей.

Ключевые слова: асимметричные конфликты, урегулирование, посредничество, геополитика, география

Yu. A. NIKITINA

*PhD in political science (kandidat nauk), Associate Professor of World Politics,
Research Fellow, Center for the post-Soviet Studies, Moscow State University of
International Affairs (MGIMO University)*

I. Yu. OKUNEV

*PhD in political science (kandidat nauk), Associate Professor of Comparative Politics,
Moscow State University of International Affairs (MGIMO University)*

ASYMMETRIC CONFLICTS IN IR THEORIES: GEOGRAPHIC FACTORS AND THE PROBLEM OF SETTLEMENT

Annotation: Asymmetric conflicts became more and more frequent after the end of the Cold war. IR theories, especially during the Cold war, concentrated mostly on symmetric conflicts of states with comparable power. However, the cases like the Vietnam war led to an understanding that a more powerful state actor can lose a war against a presumably weaker non-state insurgency. More it is true about the recent operations in Afghanistan, Iraq, Syria. The report studies the geographical aspects of the asymmetric conflicts and theoretical approaches to mediation in such types of conflicts. Both types of approaches remain underdeveloped.

¹ Исследование проведено в рамках гранта РФНФ № 15-37-01207 «Новая асимметричная война в теориях международных отношений: концептное моделирование, ивент-анализ, многомерный статистический и пространственный анализ конфликтов в Афганистане, Ливии и Украине».

Keywords: Asymmetric conflicts, settlement, mediation, geography, geopolitics

.....

После окончания «холодной войны» произошло значительное изменение в природе конфликтов, вызванное резким ростом количества гражданских войн по отношению к межгосударственным. В международно-политических исследованиях новый тип конфликта получил название «асимметричной войны» или «асимметричного конфликта». Существуют разные подходы к определению такой асимметрии:

- Асимметрия касается неравномерного распределения мощи между воюющими государствами¹;
- Асимметричная война приравнивается, по сути, к терроризму, когда негосударственные акторы используют неконвенциональное насилие против государств и их символов²;
- Новый тип войн, в которых повстанцы воюют с государством, либо же два негосударственных актора борются друг с другом.

В данной статье мы предпринимаем попытку выявления существующих теоретических и эмпирических направлений исследования войн и асимметричных конфликтов в рамках политической географии и геополитики, а также исследований переговорного процесса, так как эти два направления в рамках международно-политических исследований по-прежнему остаются малораспространенными в России.

Политгеография асимметричных конфликтов

Политическая география занимается изучением феноменов войны и насилия с давних времен. В середине XIX века исследования фокусировались на вопросах колониализма, империализма и распределения ресурсов³. В XX в. акцент в исследованиях сдвинулся в сторону ведения военных действий: при помощи картографических методов были составлены карты конфликтов (в частности, бомбардировок в ходе войны во Вьетнаме или Второй мировой войны⁴). Картографирование мест сосредоточения современных конфликтов показывают распределение насилия в мире⁵, зоны мира и зоны войны⁶. Географы прибегли к пространственному анализу конфликтов для того, чтобы понять сущность конфликтов и уметь их моделировать. Используя методы многомерного статистического анализа, они поставили перед собой задачу выявления факторов, определяющих то, почему одни регионы становятся более подвержены конфликтам, чем другие, и определили, что главной причиной является расположение страны по отношению к другим странам (сосед-

¹ Paul, T. V. *Asymmetric conflicts: War initiation by weaker powers*, Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

² Martin, G. *Understanding terrorism: Challenges, perspectives, and issues*, London: Sage, 2006.

³ O'Loughlin J., Heske H. From «Geopolitik» to «Géopolitique»: Converting a Discipline for War to a Discipline for Peace // *The Political Geography of War and Peace* / Ed. by N. Kliot, S. Waterman. – London: Belhaven Press, 1991. – Pp. 37–59; Mamadouh V. *Geography and War, Geographers and Peace* // *The Geography of War and Peace* / Ed. by C. Flint. – NY: Oxford University Press, 2004. – Pp. 26–60.

⁴ Lacoste Y. Enquête sur le bombardement des digues du fleuve rouge (Vietname, été 1972): méthode d'analyse et réflexions d'ensemble // *Hérodote*. – 1976. – No. 1. – Pp. 86–117; Hewitt K. Place Annihilation: Area Bombing and the Fate of Urban Places // *Annals of the Association of American Geographers*. – 1983. – Vol. 73. – No. 2. – Pp. 257–284.

⁵ Buhaug H., Gates S. *The Geography of Civil War* // *Journal of Peace Research*. – 2002. – Vol. 39. – No. 4. – Pp. 417–433; O'Loughlin J. *Spatial Analysis in Political Geography* // *A Companion to Political Geography* / Ed. by J.A. Agnew, K. Mitchell and G.Ó. Tuathail. – Oxford: Blackwell, 2003. – Pp. 30–46.

⁶ Boulding K.E. *Stable Peace*. – Austin: University of Texas Press, 1978. – 156 p.; Gleditsch K.S. *All International Politics is Local: The Diffusion of Conflict, Integration and Democratization*. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 2002. – 280 p.

ним, ближним, дальним, труднодоступным, тем, с которыми есть транспортные связи, общие этнические группы вблизи границ и т.д.)¹.

Обширные исследования посвящены началу, усилению и завершению конфликтов. Однако большая часть данных собрана на уровне государств как акторов конфликтов (национальный уровень) и игнорирует региональный, глобальный и локальный уровни анализа². При этом в анализе подчеркивается значение низких государственных доходов и этнического разнообразия. Растущий национальный доход снижает угрозу начала гражданской войны. В странах с низким ВВП, напротив, поддержание порядка становится приоритетом для государства, военные расходы государства увеличиваются, как правило, за счет социальных³. Дж. Фирон и Д. Лейтин пришли к выводу о том, что более высокий доход взаимосвязан с более развитой инфраструктурой и, следовательно, с лучшим контролем над населением и госаппаратом⁴. П. Кольер и А. Хоффлер отмечают, что конфликт в соседнем государстве оказывает сильное влияние на ВВП государства⁵, а низкий доход на душу населения и сильное социальное неравенство могут еще более затянуть конфликт⁶. Мнение исследователей относительно влияния этнического разнообразия на гражданские войны различается: одни (У. Коннор, Д. Хоровитц, Дж. Фокс, С. Гейтс, Т.Р. Гурр) утверждают, что этническое разнообразие может вызывать внутренние конфликты в силу того, что усиление фракционализации затрудняет создание единого национального сообщества⁷, вторые (П. Кольер и А. Хоффлер, Дж. Фирон и Д. Лейтин) считают, что оно не является статистически значимым для конфликта⁸, третьи (П. Кольер) полагают, что этническое разнообразие может положительно влиять на конфликты⁹. Отмечается также влияние религии (С. Хантингтон, Дж. Фокс) и элит этнических групп (Д. Лейк и Д. Ротсчайлд, М. Браун) на инициирование конфликта¹⁰. Кроме того, до-

¹ Agnew J.A. The Territorial Trap: The Geographical Assumptions of International Relations // Review of International Relations Economy. – 1994. – Vol. 1. – No. 1. – Pp. 53–80.

² Collier P. et al. Breaking the Conflict Trap: Civil War and Development Policy. – Washington, DC: World Bank, 2003. – 221 p. – Mode of access: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/13938/567930PUB0brea10Box353739B01PUBLIC1.pdf?sequence=1>; UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset Codebook. Version 4, 2003. – Mode of access: http://www.pcr.uu.se/digitalAssets/124/124920_1codebook_ucdp_prio-armed-conflict-dataset-v4_2013.pdf

³ Collier P. et al. Ibid; Fearon J.D., Laitin D.D. Ethnicity, Insurgency and Civil War // American Political Science Review. – 2003. – Vol. 97. – No. 1. – Pp. 75–90; Elbadawi I., Sambanis N. How Civil War Will We See? Estimating the Prevalence of Civil War in 161 Countries, 1960–1999 // Journal of Conflict Resolution. – 2002. – Vol. 46. – No. 3. – Pp. 304–334.

⁴ Fearon J.D., Laitin D.D. Ibid. – P. 80.

⁵ Collier P., Hoeffler A. Greed and Grievance in Civil Wars // Oxford Economic Papers. – 2004. – Vol. 56. – Iss. 4. – Pp. 563–595.

⁶ Collier P., Hoeffler A., Soderbom M. On the Duration of Civil War // Journal of Peace Research. – 2004. – Vol. 41. – No. 3. – Pp. 253–273.

⁷ Connor W. The Politics of Ethnonationalism // Journal of International Affairs. – 1973. – Vol. 27. – No. 1. – Pp. 1–21; Horowitz D.L. Ethnic Groups in Conflict. – Berkeley: University of California Press, 1985. – 707 p.; Fox J. The Rise of Religious Nationalism and Conflict: Ethnic Conflict and Revolutionary Wars, 1945–2001 // Journal of Peace Research. – 2004. – Vol. 41. – No. 6. – Pp. 715–731; Gates S. Empirically Assessing the Causes of Civil War // Paper presented at the ISA Annual Meeting. – New Orleans, LA, 2002; Gurr T.R. Minorities at Risk: A Global View of Ethnopolitical Conflict. – Washington, DC: US Institute of Peace Press, 1993. – 448 p.

⁸ Collier P., Hoeffler A. On Economic Causes of Civil Wars // Oxford Economic Papers. – 1998. – Vol. 50. – No. 4. – Pp. 563–573; Fearon J.D., Laitin D.D. Ibid.

⁹ Collier P. et al. Breaking the Conflict Trap: Civil War and Development Policy. – Washington, DC: World Bank, 2003. – 221 p. – Mode of access: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/13938/567930PUB0brea10Box353739B01PUBLIC1.pdf?sequence=1>

¹⁰ Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. – NY: Simon & Schuster, 1996. – 368 p.; Fox J. Ibid; The International Spread of Ethnic Conflict: Fear, Diffusion, and Escalation / Ed. by D.A. Lake, D. Rothschild. – Princeton: Princeton University Press, 1998. – 424 p.; Brown M. Ethnic and Internal Conflict: Causes and Implications // Turbulent Peace: The Challenges of Managing International Conflict / Ed. by C. Crocker, F.O. Hampson and P. Aall. – Washington, DC: US Institute of Peace Press, 2001. – Pp. 209–226.

минирование какого-либо этноса (45–90 % населения) увеличивает вероятность восстания¹. Помимо вышеупомянутых причин внутрисударственных конфликтов исследователи выделяют недоразвитие экономических и политических институтов².

Тем не менее, политгеографы сходятся во мнении, что именно географические факторы являются первостепенными для конфликтов. Место локализации конфликта внутри существенно влияет на динамику конфликта: войны на периферии более продолжительны, чем войны, которые ведутся ближе к столице государства³.

Процесс урегулирования асимметричных конфликтов

В России нет отдельного научного направления по изучению асимметричных конфликтов, тогда как за рубежом существует журнал *Dynamics of Asymmetric Conflict* («Динамика асимметричного конфликта»), издаваемый Taylor and Francis. Это междисциплинарный журнал, в котором публикуют статьи антропологии, специалисты по организационному управлению, географии, истории, экономике, психологии, политологии и т.д. Журнал издается 3 раза в год с 2008 года.

Урегулирование асимметричных конфликтов и посредничество в них изучается не только в рамках международно-политических исследований, но и в рамках изучения организационного поведения. Асимметрия, в таком случае, рассматривается как различие в отношении задействованных сторон к конфликту: это различие является важным фактором, так как посредничество в конфликте основано на предположении, что стороны одинаково заинтересованы в процессе урегулирования⁴. Если же одна сторона не воспринимает конфликт как конфликт, то это подрывает чувство справедливости при урегулировании, которое основано на равенстве сторон и их одинаковой заинтересованности в продолжении отношений в продуктивном русле после урегулирования. При этом в рамках организаций асимметричные конфликты являются скорее правилом, чем исключением.

В литературе, посвященной именно конфликтам между государствами или государствами и негосударственными акторами, асимметрия также рассматривается скорее как дополнительная проблема при посредничестве и переговорах, при этом повторяется идея относительно неравных ожиданий сторон конфликта от посредничества при урегулировании. Карин Аггестам выделяет четыре препятствия на пути к урегулированию такого типа конфликтов:

- продолжающиеся по времени односторонние действия;
- оспариваемое признание одного из игроков стороной конфликта или оспариваемый статус лидера;
- представление конфликта как угрожающего существованию (экзистенциального) или как основанного на идентичности;
- противоположные интерпретации того, как нужно применять достигнутые соглашения⁵.

В целом в литературе по переговорам и посредничеству считается, что урегулирование конфликта, в котором стороны имеют сопоставимую мощь, проходит

¹ Collier P., Hoeffler A. Greed and Grievance in Civil Wars // *Oxford Economic Papers*. – 2004. – Vol. 56. – Iss. 4. – Pp. 563–595.

² Elbadawi I., Sambanis N. Ibid.

³ Buhaug H., Gates S. Ibid.

⁴ Jehn, Karen A., Rupert, Joyce, Nauta, Aukje, and van den Bossche, Seth. Crooked Conflicts: The Effects of Conflict Asymmetry in Mediation // *Negotiation and Conflict Management Research*. – 2010. – Volume 3, Number 4, Pages 338–357.

⁵ Aggestam, Karin. Mediating Asymmetrical Conflict // *Mediterranean Politics*. – 2002. – Vol.7, No.1 (Spring), pp.69–91.

более успешно. В случае же асимметрии мощи сильная сторона не заинтересована в посредничестве и будет предпочитать действовать в одностороннем порядке. При этом в ситуации асимметрии сложнее добиться того, что в англоязычной литературе по переговорам называется «mutually hurting stalemate», то есть тупиковой ситуации в конфликте, которая вредит обеим сторонам, в результате чего они оказываются склонны к переговорам и заключению соглашения¹.

Несмотря на большое количество выделенных проблем, некоторые авторы все же предпринимают попытки предложить варианты урегулирования именно асимметричных конфликтов. Эксперт по палестинско-израильскому конфликту Надим Рухана предлагает различать урегулирование конфликта (settlement), разрешение конфликта (resolution) и примирение (reconciliation)². Если выбирать стратегию примирения, то она позволит избежать проблем, перечисленных выше — неравноправия сторон конфликта, их разного восприятия конфликта, асимметрии в целом. В отличие от примирения, в рамках стратегий урегулирования и разрешения конфликта правда о совершенных преступлениях и признание исторической ответственности за содеянное не являются необходимым условием завершения конфликта. Примирение предполагает, что обе стороны взаимно признают легитимность друг друга и идут на глубокую социальную и политическую реструктуризацию, чтобы конфликтующие общества могли признать свою историческую ответственность за конфликт.

Подводя итог краткому теоретическому обзору географических факторов и подходов к урегулированию и посредничеству в асимметричных конфликтах, можно отметить, что западные труды по изучению асимметричных конфликтов и их урегулированию все еще остаются достаточно фрагментарными, так как сфера является относительно новой, в связи с чем существуют значительные возможности по разработке данной тематики как в прикладном, так и теоретическом измерениях.

---

¹ Подробнее об этом см. Quinn, David, Wilkenfeld, Jonathan, Smarick, Kathleen & Asal, Victor. Power Play: Mediation in Symmetric and Asymmetric International Crises // *International Interactions*. – 2006. – 32:4, pp. 441–470.

² Rouhana, Nadim. Group Identity and Power Asymmetry in Reconciliation Processes: The Israeli–Palestinian Case // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. – 2004. – 10, pp. 33–52.

Юрий Владимирович СИНЧУК

*доктор политических наук, профессор кафедры политологии,
Институт международных отношений и социально-политических наук,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Московский государственный лингвистический университет»,*

E-mail: sinchukjv@mail.ru

УГРОЗЫ И ОПАСНОСТИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Аннотация. В статье дан анализ наиболее вероятных источников угроз и опасностей для России, который позволяет сделать вывод, что в начале XXI века они будут порождаться не одним каким-либо, даже очень весомым фактором, а сложным переплетением различных социально-политических, экономических, национальных и религиозных противоречий и причин. В современном мире «мягких угроз» невоенного характера становится всё больше: кибер-терроризм, бархатные государственные перевороты, «цветные» и «бесцветные» революции, «управляемый хаос», нелегальная миграция, торговля людьми, голод, которые угрожают интересам личности в первую очередь и приводят к нестабильности государства в целом.

Ключевые слова: «мягкая угроза», «мягкая сила», политика, политическая обстановка, геополитический статус, национальная безопасность, источники угроз, международный терроризм, «культурный империализм».

Yu. V. SINCHUK

Threats and dangers of «the soft force» to national security of Russia

Doctor of Political science

Professor

professor of political science department

Institute of International Relations and Social-political Studies

*Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Moscow State
Linguistic University»*

Annotation. In the article the most probable sources of threats and dangers for Russia are analyzed that allows to conclude that at the beginning of the 21st century they will be generated not by any single, even very weighty factor, but by a complex intertwining of various socio-political, economic, national and religious contradictions and causes. In the modern world «soft threats» of a non-military nature increase: cyber-terrorism, velvet coups, «color» and «colorless» revolutions, «controlled chaos», illegal migration, human traffic, famine that threaten the interests of the individual in the first place and lead to instability of the state on the whole.

Keywords: «soft threat», «soft power», politics, political situation, geopolitical status, national security, sources of threats, international terrorism, «cultural imperialism».

.....

В условиях многополярного мира одним из ключевых факторов необходимых для сохранения государственного суверенитета, территориальной целостности государства, консолидации общества, создания условий для успешного решения внутренних проблем, и соответственно, возникновения возможности для ведения государством активной внешней политики является необходимость формирования потенциалов «мягкой силы» как основного средства обеспечения национальной

и международной безопасности¹. В рамках контекста безопасность – это состояние, которое обеспечивается государственной внутренней и внешней политикой социально-ориентированной и направленной на обеспечение защищенности личности и общества от выявленных рисков и вызовов невоенного характера, напрямую угрожающих индивидуальным, общественным интересам, потребностям и ценностям, а также стабильности государства в целом.

Инструментами обеспечения национальной и международной безопасности становятся гуманитарно-информационные средства, неправительственные организации, СМИ, Интернет. Они помогают консолидироваться обществу вокруг национальной идеи, отечественной культуры, исторической памяти поколений, духовных ценностей православной религии².

В современном мире «мягких угроз» невоенного характера становится всё больше. Такие угрозы как киберуб7терроризм, бархатные государственные перевороты, «цветные» и «бесцветные» революции, «управляемый хаос», нелегальная миграция, торговля людьми, голод, которые угрожают интересам личности в первую очередь, приводят к нестабильности государства в целом.

Анализ наиболее вероятных источников угроз и опасностей для России позволяет сделать вывод, что в начале XXI века они будут порождаться не одним каким-либо, даже очень весомым фактором, а сложным переплетением различных социально-политических, экономических, национальных и религиозных противоречий и причин³.

Современный международный терроризм – одна из ведущих угроз национальной безопасности Российской Федерации и мировой цивилизации⁴.

Международные террористы продолжают совершать акты насилия и убийства мирных граждан, делают попытки спровоцировать хаос и дестабилизировать обстановку в различных регионах мира, в том числе и в России⁵, при этом ориентируются на массовость жертв и ожесточенность терактов с целью запугивания и поддержания населения в состоянии страха⁶.

В российском списке террористических организаций, которым запрещено осуществлять свою деятельность на территории государства, внесено более десяти группировок. Каждая из них несет в себе потенциальную угрозу для мирной жизни россиян. Наиболее актуальной и опасной террористической угрозой для всего мира является ИГИЛ («Исламское государство Ирака и Леванта»). Террористическая группировка ИГИЛ, в отличие от какого-либо государства, не структуриро-

¹ Синчук Ю.В., Синчук И.Ю. К вопросу об укреплении национальной безопасности государства в контексте «мягкой силы» // Роль технологий «мягкой силы» в информационном, ценностно-мировоззренческом и цивилизационном противоборстве / Академия военных наук, Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности, кафедра информационной аналитики и политических технологий МГТУ имени Н.Э. Баумана / Под общ. ред. И.В. Бочарникова. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016. – С.210–239.

² Зарянов Е.П. Мягкая сила как характерный признак политического влияния великой державы в условиях многополярного мира // ВВ: Международные отношения. – 2015. – № 1. – С.89–122. URL: http://e-notabene.ru/wi/article_12649.html (дата обращения: 11.10.2015).

³ Синчук Ю.В. Стратегия морально-психологического обеспечения военной безопасности Российской Федерации / Концептуал: сборник научных трудов кафедры Философии и истории // сост. А.В. Матюхин. – М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2015. – С.266–275.

⁴ Синчук Ю.В. Геополитические вызовы и угрозы современной России на постсоветском пространстве // Постсоветский материк. – М., 2014. № 1. – С.69–78.

⁵ См.: Послание Федеральному Собранию Российской Федерации / Российская газета. 2005. 27 апреля. – С. 4.

⁶ См.: Синчук Ю.В. Педагогические условия морально-психологического обеспечения в подразделениях Российской армии / Диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Новосибирск, 2002.

ванная организация, на неё нельзя наложить санкции, попытаться дипломатически договориться, призвать к выполнению международного законодательства. В ИГИЛ может состоять гражданин практически любого государства, что снимает с него многие ограничения, если он собирается проводить террористические акты внутри государства. А если это гражданин США или другой развитой страны, то ему открываются двери для большинства стран.

По информации Международной кризисной группы, из центральноазиатских стран, в ИГИЛ – 4000 человек. Сами эти страны, по понятным причинам, дают меньшие цифры. В любом случае, это достаточно большое число людей, сопоставимое с боевиками из стран региона, где на первом месте стоит Тунис. В Европе на первом месте – Австрия, по числу одной из самых жёстких и опытных группировок боевиков, которые приехали туда из Чечни и затем уже присоединились к ИГИЛ в Ираке и Сирии. «По официальным данным организаций, изучающих вопрос участия иностранных граждан в ИГИЛ, – 1700 человек из России воюют на стороне ИГИЛ. Многие эксперты считают, что число ещё больше. Стоит отметить, что выходцы из России в своей значительной части представляют диаспоры, то есть это не люди, которые уехали из Москвы, или Татарстана, или Северного Кавказа, что тоже имеет место¹.

Участие в действиях ИГИЛ боевиков иностранных граждан (в том числе, из России и стран СНГ) – факт, вызывающий огромное беспокойство. Члена ИГИЛ сложно вычислить при обычной проверке. Это создает дополнительные возможности для террористов и в то же время усложняют борьбу с террористами, требует активизировать работу в области безопасности мирового сообщества и отдельно каждого государства, совершенствовать формы и методы противодействия терроризму.

Угроза сложившейся ситуации для Российской Федерации усугубляется не только участием в действиях ИГИЛ выходцев из России и СНГ, их значительной численностью, но и опасностью «рекрутства» в ряды джихадистов ещё больше людей, в случае возвращения в Россию боевика (боевиков) (воевавшего там, научившегося и привыкшего убивать), окажется он (они) в свободном общении с населением государства, либо в местах заключения, как возможно раскаявшийся (раскаявшиеся) (часть таких людей может раскаяться), но изменятся ли они, отсидев срок? Достаточно велика вероятность того, что заключенный «рекрутирует» в ряды джихадистов ещё больше людей.

Долгое время террористы из ИГИЛ находились в стороне от России, однако, 23 июня 2015 года один из лидеров террористов, пресс-секретарь ИГИЛ Абу Мухаммада аль-Аднани сделал заявление, в котором сообщил о создании нового филиала террористов (административной единицы – вилайета) в России, который будет действовать на территории Северного Кавказа².

В связи с этим, необходимы новые методы и средства противостояния террористам. В этих условиях возрастает роль технологий «мягкой силы» в информационном, ценностно-мировоззренческом и культурно-цивилизационном противоборстве. Речь идет не о силовых, военных методах, а о «мягкой силе». Необходимо не допускать индоктринации, целенаправленного распространения, пропаганды идей джихадистов в обществе или общественном слое для формирования определенного общественного сознания, начиная от просто человека, приезжающего на место и вербуемого в ряды ИГИЛ до предотвращения индоктринации через

¹ Какую опасность «Исламское государство» несет России? пресс-конференция 1 июня 2015 год; «МК» <http://www.mk.ru/politics> (дата обращения: 10.12.2015).

² Сайт <http://24smi.org> (дата обращения: 26.06.2015).

интернет или другие способы, необходимо разработать схемы, методики проверки граждан (при свободном выезде и въезде за границу) выезжающих и въезжающих в Российскую Федерацию, необходима комплексная стратегия, охватывающая социально-экономические условия жизни таких людей.

Условиями, способствующими разрастанию терроризма, являются: наличие постоянного фактора нестабильности под влиянием растущей преступности; склонность к разрешению возникших противоречий и конфликтов силовым путем; низкая эффективность работы государственного аппарата и правоохранительных органов и т.д.

Мотивирующим фактором ухода в ИГИЛ, не всегда являются деньги — есть примеры, когда состоявшиеся и состоятельные люди продавали имущество и уезжали воевать. И не всегда воевать — некоторые просто хотят жить в подобном государстве. И угроза в том, что ИГИЛ представляет некую модель, привлекательность которой нами ещё не оценена. Опасность и в том, что аргументационная база противодействия ИГИЛ ещё слаба — и у нашего духовенства, и у учёных, экспертов, и людей нельзя винить в этом. Как отметил директор Института востоковедения РАН В.Наумкин, расплодилось число людей, говорящих не то, что следовало бы, и косвенно способствующих рекрутированию в ряды ИГИЛ людей, недовольных их речами¹.

Международное сообщество и отдельные государства оказались не готовыми к результативному противостоянию этим опасностям. «Наиболее эффективный отпор террористы получают именно там, где сталкиваются с мощью государства и с организованным, сплоченным гражданским обществом»².

Важную роль в борьбе против террористов и ИГИЛ играет Россия, которая через различные международные институты безопасности участвует в противостоянии терроризму, активно выступает на стороне стратегически важного союзника — Сирии в войне против «Исламского государства». Основными направлениями этой работы являются деятельность по совершенствованию правовой базы и координация деятельности с другими государствами по выявлению и ликвидации очагов терроризма по всему миру. В этой связи особый интерес вызывает опыт других государств, с которыми Россия активно сотрудничает в борьбе с терроризмом на современном этапе.

«Неотъемлемой составляющей современной международной политики по борьбе с терроризмом становится «мягкая сила» — комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии»³.

Современная внешнеполитическая обстановка не даёт оснований полагать, что эра разрешения межгосударственных противоречий путем вооруженной борьбы уже ушла в прошлое. Геополитическая уязвимость России ещё более возрастает и это особенно опасно в условиях «третьего передела мира», продвижения НАТО к границам Российской Федерации, войн НАТО в Европе. В результате ощутимыми для России стали три геополитических вызова: со стороны Запада, готового потеснить Россию с её европейских границ; со стороны Востока, стремящегося вовлечь в сферу своего влияния не только близкие ему республики Средней Азии,

¹ Какую опасность «Исламское государство» несет России? пресс-конференция 1 июня 2015 год; «МК» <http://www.mk.ru/politics/> (дата обращения: 11.11.2015).

² См.: Путин В. Интервенция: Обращение Президента России Владимира Путина // Российская газета. 2004. 6 сентября. — С. 1.

³ Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Президентом России В.В.Путиным 12 февраля 2013 г., п. 20 http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 10.01.2015).

Кавказа, но и соответствующие автономии, входящие в состав Российской Федерации; со стороны Китая и всего района Азиатско-Тихоокеанского региона – самого мощного и динамичного в мире, готового к «мирной колонизации» российского Дальнего Востока и Сибири. Что же касается Севера, по мнению учёных-североведов – кто владеет Арктикой, владеет всем миром¹. Запасы северных кладов России привлекают внимание соседних государств.

США и страны НАТО изоощренными способами поддерживают напряжённость военно-политических отношений с Россией, но при этом ставят избирательные цели – продолжать ослабление обороноспособности нашего государства, не допускать России в военные союзы, воспретить доступ к новым военным технологиям, закрыть для нее рынки вооружения², ограничить влияние России на страны ближнего зарубежья³.

В военной доктрине РФ⁴ отмечается, что основной внешней военной опасностью для России является «наращивание силового потенциала НАТО и наделение её глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, приближение военной инфраструктуры стран – членов НАТО к границам Российской Федерации, в том числе путём дальнейшего расширения блока», а также «дестабилизация обстановки в отдельных государствах и регионах и подрыв глобальной и региональной стабильности; развертывание воинских контингентов иностранных государств на территориях государств, сопредельных с Российской Федерацией и её союзниками, а также в прилегающих акваториях, в том числе для политического и военного давления на Российскую Федерацию»⁵.

НАТО, во главе с США, последовательно создает и развертывает системы стратегической противоракетной обороны, «подрывая глобальную стабильность» и нарушая «сложившееся соотношение сил в ракетно-ядерной сфере», покушаясь на территориальную целостность Российской Федерации и её союзников, вмешиваясь в их внутренние дела.

В последние годы в военной теории и практике подготовки войск США появился новейший геополитический инструмент невоенной составляющей войн и вооруженных конфликтов современности, получивший название «операция по стабилизации». Под гуманитарной интервенцией понимается вооруженное вторжение на территорию суверенного государства для предотвращения гуманитарной катастрофы или геноцида местного населения, осуществляемого с подачи или при попустительстве местных властей⁶.

¹ См.: Мамсуров Т.Д. Особенности региональной безопасности Российской Федерации // Безопасность Евразии. № 1–2001, январь – март. – С. 163–174.

² Торговля оружием стала монополией Вашингтона. В 2003 году американцы продавали оружие другим странам более чем на 21 млрд долл., русские – едва на 2,5 млрд долл. (см.: Нартов Н.А. Геополитика: Учебник для вузов / Под. Ред. Проф. В.И. Старовойтова. – 3-е изд., перераб. доп. – М.: ЮНИТИ – ДАНА, Единство, 2004. – С. 182).

³ См.: Евстафьев Д.Г. Современная американская военная политика // США в новом мире: пределы могущества. – М.: РИСИ, 1997. – С. 152.

⁴ Сайт <http://www.rg.ru/2014/12/29/doktrina.html> (дата обращения: 10.01.2015).

⁵ Белозёров В.К. Геополитические смыслы Военной доктрины Российской Федерации // Геополитика и безопасность № 1(29). – Санкт-Петербург, 2015. С.9–15; Белозёров В.К. Военная доктрина российской федерации о предсказуемости военных конфликтов. Электронный научный журнал проблемы безопасности. 2013. № 3 (21). С. 3–4; Михалёв Ю.А. Военная безопасность России в наследии А.Е. Снесарева. Вестник московского государственного лингвистического университета. 2014. № 2 (688). С. 122–126.

⁶ Глобальные вызовы XXI века – геополитический ответ России. *Ивашов Л.Г., Белозеров В.К., Касюк А.Я., Синчук Ю.В., Шершнёв И.Л., Яшкова Т.А.* монография / Л. Г. Ивашов, В. К. Белозёров, А. Я. Касюк, Ю. В. Синчук, И. Л. Шершнёв, Т. А. Яшкова; Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Московский государственный лингвистический университет. М., 2012.

Ещё один тип геополитических операций, используемых в качестве инструмента внешнеполитических ведомств ведущих мировых держав, миротворческие операции, координируемые Организацией Объединенных Наций. Миротворчество давно стало для ООН как для структуры, ответственной за мир и безопасность, важнейшим направлением деятельности. Вмешательство ООН во внутренние дела суверенных держав в виде миротворческих операций неизменно порождает и порождает ряд проблем.

Информационная экспансия США осуществляется с помощью активного влияния США на мировое и российское общественное мнение. В эпицентре глобальной информационно-психологической борьбы находится молодежь, российские силовые структуры и российские военнослужащие. Пользуясь абсолютным доминированием в средствах информационного воздействия (около 70% всех коммуникаторов мира – американские, объем выпускаемой информационными агентствами США информации более чем в 12 раз превосходит объем выпускаемой информации российскими агентствами), США умело воздействуют через общественное мнение на психику российских граждан. Основная цель информационно-психологической борьбы в начале XXI века – дезорганизовать психическую деятельность, заблаговременно подавить психику большинства граждан (т.е. разрушить их систему психической адаптации). Практически это первая фаза информационной войны.

Возникает опасность распространения в информационно-психологической среде российского общества идей насилия и нетерпимости, воздействия на психику разрушительных форм мифологизированного сознания тоталитарных сект («Белое братство», Хаббард-центр и т.д.). Внешняя информационная экспансия США в культурной и духовно-нравственной сфере, самым негативным образом влияет на психическое состояние российских граждан.

Активно выступая против России США, навязывают мировому сообществу негативный имидж России. Американцам удается навязывать свое видение ситуации и европейцам. Над созданием негативного имиджа России в Соединенных Штатах работают определенные группы, преследующие свои интересы, так лоббистские группы из Восточной Европы в Вашингтоне хотят отомстить СССР. Но настоящая опасность кроется в стремлении Вашингтона доминировать во всём мире. Государственный переворот на Украине – продукт экспорта, реализация стратегического плана США и его союзников по НАТО отрыва Украины от России.

На примере Украины можно рассмотреть методы и формы не силового, «мягкого» воздействия и захвата целого государства Украины Соединенными Штатами и их союзниками. Евромайдан был эффективным механизмом по захвату власти прозападной группой украинской элиты, а не народным форумом, где восторжествовала демократия. Оппозиция применила политтехнологии, сплотившие активное меньшинство при серьёзном абсентеизме большинства населения. За неагрессивные, мирные демонстрации высказывалась 78,5% украинских граждан, тогда как активные столкновения с властью поддерживало лишь меньшинство. Евромайдан – ярчайший пример того, как народное недовольство было направлено с помощью ловких политтехнологий в сторону деструктивных, далёких от интересов большинства граждан целей.

За годы независимости Украины, США и их западные партнёры на основе Соглашения между Правительством Украины и Правительством США о гуманитарном и технико-экономическом сотрудничестве, обусловившим их особый правовой статус, создали и профинансировали внутри Украины целые плацдармы – разнообразные западные фонды и институты, как правило «неправительственные» и «неза-

висимые». С этих плацдармов совершались вылазки, и вербовалось местное население – будущие лидеры общественных мнений. Особое внимание уделялось вербовке журналистов. Результаты социологических исследований показывают, что из всех общественных структур, действующих в Украине, люди больше всего доверяют именно СМИ. Это активно используют иностранные фонды. В данном случае вербовка – не результат прямой агитации, а влияние исподволь – это специальные стипендии и гранты (безвозмездные денежные пособия); организация конкурсов, стажировок, семинаров, программ обучения; вручение премий и наград; привитие прозападных, проамериканских ценностей и целей; воспитание лояльности к США и Западу и открытая антироссийская направленность, каковой придерживаются до сих пор (не стесняясь, передёргиваются факты, а порой не гнушаются даже методами откровенной манипуляции массовым сознанием); беспрецедентные обвинения в адрес России, которая якобы попыталась и пытается сорвать планы Украины, стремящейся преодолеть советское наследие, делающей шаги к вступлению в Европейский Союз. На фоне внешнеполитической активности США на Украине, хорошо понятны и видны цели Америки: тактическая – усиление влияния США на Украине, превращение её в плацдарм для нанесения удара по России, стратегическая – уничтожение РФ.

Главным иностранным инвестором во всякого рода местные проекты выступают США. Деньги распределяют органы федерального правительства – Агентство США по международному развитию (USAID) (United States Agency for International Development) с ежегодным бюджетом до 100 млн долл., Государственный департамент США, Корпус мира, NED (National Endowment for Democracy) и другие. На втором месте по размерам вложений – Европейский Союз. Далее идут частные доноры: Фонд Чарльза Стюарта Мотта и Международный фонд «Відродження», основанный как часть сети Института открытого общества, принадлежащего Джорджу Соросу, который работает в Украине с 1990 года и распоряжается ежегодным бюджетом до 7 млн долл.¹. На современном этапе сеть проамериканских, проевропейских журналистов и блогеров охватывает все регионы Украины, включая и Восток, и Юг, где этот процесс так же запущен, несмотря на доминирующие пророссийские настроения.

По информации украинских экспертов сотрудники USAID на Украине, используя партнёрскую неправительственную организацию из Нидерландов – Европейский центр журналистики (European Journalism Centre), активно продвигают проект медийный проект «MediaNet». В результате реализации проекта «MediaNet» была создана единая политическая сеть, объединившая независимых украинских журналистов, редакторов электронных СМИ, блогеров, активных участников социальных сетей, представителей общественных организаций и молодёжных лидеров, которая позволяет Вашингтону в нужный момент оказывать весьма эффективное не прямое влияние на политические процессы на Украине. За всё время проекта были обучены 3700 работников СМИ, запущено свыше 270 телевизионных и 1220 тематических радиопрограмм.

Другими спонсорами подрывных медиапроектов были Государственный департамент США, Корпус мира, Национальный фонд демократии и т.п.

Такие действия позволили захватить информационные потоки в государстве и провести новую «цветную революцию». Это своего рода предупреждение для России. Интерес США и Запада в «украинском кризисе» в значительной степени ставят эти государства в геополитическую оппозицию по отношению к России.

Осознание значительных гуманитарных последствий событий на Украине явилось определяющим в политической позиции российского руководства. Тщатель-

¹ Сайт <http://voprosik.net/kto-stoit-za-majdanom> (дата обращения: 01.06.2014).

ное выявление, изучение политтехнологий, применённых на Украине, позволят исключить риск использования подобных подрывных приёмов для дестабилизации обстановки в России.

Геополитическая цель США и Запада ещё со времён СССР направлена на расчленение безбрежного евразийского монолита — России, а в конечном итоге на уничтожение своего главного и непримиримого стратегического противника России. События на Украине продолжение антироссийской политики США и Запада в целом, а Украина как государство и украинский народ это всего лишь, одновременно, и орудие и игрушка в руках заокеанских политиков и кукловодов, будущее которых также мало беспокоит США и Запад¹.

В США вышла новая национальная военная стратегия, которую за подписью председателя Комитета начальников штабов (КНШ) американских вооруженных сил генерала Мартина Демпси обнародовал Пентагон. Как отмечается в документе, новая национальная военная стратегия выработана в связи с «необходимостью противодействовать ревизионистски настроенным государствам, которые бросают вызов международным нормам, а также использующим насилие экстремистским группировкам, подрывающим трансрегиональную безопасность»². При этом относительно РФ утверждается, что Россия, «хотя и вносила (конструктивный) вклад в отдельные области в сфере безопасности, такие как борьба с наркотиками и терроризмом, также неоднократно демонстрировала, что она не уважает суверенитет своих соседей и готова применять силу для достижения своих целей».

Авторы стратегии обвинили вооруженные силы РФ в том, что они «подрывают региональную безопасность напрямую и через третьи силы». Эти шаги «нарушают многочисленные договоренности, которые подписала Россия и в которых она обязалась действовать в соответствии с международными нормами, включая устав ООН, хельсинские соглашения, основополагающий акт Россия — НАТО, будапештский меморандум и договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности», считает министерство обороны США. С точки зрения Пентагона, Иран представляет собой «стратегические вызовы для международного сообщества», КНДР «напрямую угрожает соседям, особенно Республике Корея и Японии», а действия Китая «добавляют напряженности в Азиатско-Тихоокеанском регионе». КНР, в частности, по оценке Пентагона, действует в нарушение норм международного права в Южно-Китайском море. По оценке американского военного ведомства, США «поддерживают рост Китая» и призывают его «стать партнером для обеспечения большей международной безопасности»³.

Серьезную угрозу национальной безопасности России на современном этапе представляют операции стратегического и оперативного масштаба в информационном, ценностно-мировоззренческом и культурно-цивилизационном направлениях, проводимые силами и средствами вооруженных сил государств НАТО, во главе с США — на всей территории России и в Западном регионе; США и Японии — на территории Дальневосточного округа; Китая — в Восточном регионе. Наполеон высоко оценивал возможности средств идеологического воздействия, говоря, что «три враждебные газеты опаснее 100 тысяч вражеского войска»⁴.

¹ Круглый стол: причины и последствия украинского кризиса 2013–2014 гг. Электронный журнал «Вестник МГОУ» / www.evestnik-mgou.ru. – 2014. – № 1. 2012.

² Синчук Ю.В. Россия и основные геополитические силы в современном мире // Геополитика и безопасность. № 3 (19). 2012. С. 60–65.

³ Сайт: <http://top.rbc.ru/politics/01/07/2015/55941b999a7947e2d1660470> (дата обращения 20.12.2015).

⁴ См.: Соловьев В.С. Сочинения в 2 томах. 2-е изд. Т. 2 / Общ. Ред. сост. А.В. Гульки, А.Ф.Лосева. – М.: Мысль, 1990. – С. 8–13.

Сложные процессы внутреннего характера, протекающие в обществе на пути его демократизации и трудного, протекающий экономический кризис¹, негативно влияют на морально-психологическое состояние граждан России, значительно снижают престиж профессии военнослужащего – защитника Отечества².

Россия на современном этапе не имеет четких целевых установок развития общества и экономики, общенациональной идеи, скрепляющей общество³. Духовный, моральный, нравственный, идейный и мировоззренческий кризис, переживаемый в современных условиях государством – это реальная опасность будущему России, её государственности, положению в мире и роли в мировой цивилизации.

На этапе смены духовных ценностей и ориентиров в последние годы произошло резкое снижение уровня социально-политической составляющей жизнедеятельности населения⁴.

Деидеологизация общества, размытость идеалов, переориентация ценностей и мировоззренческих позиций, стремительная моральная деградация общества, отсутствие общей и ясной цели, четкого представления о задачах военной службы, снижение социального статуса военнослужащего в российском обществе⁵, падение престижа воинских профессий в общественном мнении⁶, всеобщая деинтеллектуализация России

¹ По данным экспертов Института стратегического анализа ФБК Grant Thornton, сопоставившим динамику ВВП и объёма внешнего долга корпоративного сектора, год действия санкций будет стоить России почти 950 млрд руб. Эксперты ВШЭ, основываясь на прогнозах Центрального банка, в начале ноября заключили, что ЦБ оценивает суммарные издержки от санкций для российской экономики в \$170 млрд за 2015–2017 годы (3 % совокупного ВВП за этот период) (см.: РБК: <http://www.rbc.ru/economics/12/01/2015/54b3bd569a794771dde188f6> (дата обращения: 10.12.2015).

² По данным комитета Совета Федерации по обороне и безопасности, до 30 процентов выпускников военных вузов в России увольняются из Вооруженных сил в первый год службы. Основная причина увольнения – низкий уровень социальной защищенности военнослужащих (см.: Уфимцева О. Служить бы рад, и даже добровольно / Акция: тема номера Защитники Отечества. 2006. – 27 февраля – 12 марта. – С. 4–5.)

³ Идеология является существенным фактором, оказывающим принципиальное влияние на укрепление морально-психологического состояния нации. Она обеспечивает своим содержанием преемственность исторического опыта, сочетание реальностей настоящего и перспектив будущего в развитии нации, определяет конкретный путь, который либо выводит общество на уровень гармоничного, динамичного развития, позволяя преодолеть наиболее острые внутренние противоречия на базе гражданского согласия, либо ведет страну в тупик, к конфликту, к деградации. Для того чтобы побеждать, в сердце и уме воина должна жить простая и ясная идея, понятная каждому, кто идет за нее на смерть, во имя защиты Отечества, обеспечения суверенитета своей Родины. В современной российской действительности проблема морально-психологического состояния войск приобретает особую остроту. Проводя коренные преобразования в российских Вооруженных Силах главной основой должен стать ответ на вопросы: «Какая армия и для чего нам нужна?», «Во имя чего служить?», «Во имя чего солдаты служат (и погибают)?» Ответы на эти вопросы надо искать в идеологии, которая основывается на национальной идее государства (см.: Зеленков М.Ю. Об идеологических основах морально-психологического обеспечения Вооруженных Сил // Военная мысль. № 4. 2001, – С. 47–57).

⁴ *Образцов И.В.* Социологическое обеспечение деятельности высших органов управления вооруженными силами: исторический опыт, современное состояние и перспективы. – М.: ВАГШ, 1999. – 415с.

⁵ Согласно данным Росстата (Федеральная служба государственной статистики), за первую половину 2014 года количество военных преступлений, таких как дезертирство, уклонение от службы или издевательства, увеличилось на 17% (1409 уголовных дел) (см.: Российская армия: возможно ли дальнейшее развитие при условии сохранения срочной службы? <http://www.army-hr.ru/article/12930.html> (дата обращения: 10.11.2015).

⁶ Важными обстоятельствами, влияющими на морально-психологическое состояние в Российских Вооруженных Силах, выступают военно-социальные факторы. Они связаны с трудностями военной реформы, непосредственным участием личного состава в разрешении военных конфликтов, в том числе и на территории собственной страны, резким сокращением армии и флота, отсутствием надёжного механизма социальной защиты военнослужащих и членов их семей (по данным Министерства обороны 35% семей офицеров находятся за чертой бедности (см.: Третьяков Ю. Амазонки по-российски // Труд № 37(24719). 4 марта. 2005. – С. 3.) и, как следствие, – негативное отношение к армии, падение престижа военной службы, воинских профессий в общественном мнении, снижение социального статуса военнослужащего в российском обществе.

привели к нравственной дезориентации молодых людей, к девальвации (обесцениванию) ценностей, которые всегда, независимо от политической конъюнктуры, являлись цементирующими в обществе – чувства патриотизма, воинской доблести, долга, чести, служение Отечеству, высокой духовности, гордости за принадлежность к Вооруженным Силам, уважительного отношения к геральдике и т.п., составляющими основу мотивации воинской службы, готовности служить Отечеству.

Социально-экономическая и общественно-политическая нестабильность создали напряженность в обществе, сложную криминальную обстановку¹, опасность возникновения внутренних конфликтов и их перерастания в различные формы вооруженной борьбы. Среди значительной части населения, особенно молодёжи, растут экстремистские², националистические, антиармейские и пацифистские настроения. Духовная сфера населения государства подвержена влиянию противоречивых и негативных внешних и внутренних процессов, способствующих духовному разложению общества.

В таких условиях открывается широкий диапазон для ведения информационной войны противником. На заседании «круглого стола» по теме: «Средство защиты мира и безопасности?» отмечалось, что информационное оружие применяется успешно против людей в психологической сфере тогда, когда у человека нет убеждений, нет гордости, когда человека можно легко обмануть.

Серьёзную опасность для российского общества представляет «западнизация» в форме «культурного империализма». Это так же один из методов технологии «мягкой силы» в информационном, ценностно-мировоззренческом и культурно-цивилизационном пространстве. Термин «культурный империализм» взят из французских исследований, и, в частности, было определено таким образом в 1982 году Жаком Лонгом. Запад захватывает большие территории теперь уже тем, что подчиняет себе сознание, образ мышления, образ жизни. Культурный империализм убеждает, что один набор ценностей лучше другого. Между тем, самым унижительным видом поражения является культурное поражение. Это единственное поражение, которое никогда нельзя забыть, потому что вину за него нельзя возложить на невезение или варварство врага. Оно влечет за собой не только признание собственной слабости, но и унижение из-за необходимости спасать себя, учась у победителя, которому при-

¹ В России в экономически тяжелый 2015 год выросло количество преступлений, особенно террористической и экстремистской направленности. Кроме того, люди стали больше воровать, проводить махинации с финансами и запасаться нелегальным оружием. Эксперты отмечают, что причина – в кризисном периоде, а также в сокращении количества полицейских. МВД России в январе 2016 года обнародовало статистику по преступлениям за 2015 год. Цифры настораживают: количество противозаконных деяний выросло на 8,6%. Всего в прошлом году жители России решили нарушить закон 2,35 млн раз. Таким образом, было совершено на 202,1 тыс. преступлений больше, чем в 2014 году. «Почти половину всех зарегистрированных преступлений (46%) составляют хищения чужого имущества: кражи – 996,5 тыс., грабежи – 71,1 тыс., разбой – 13,4 тыс.», – говорится в сообщении МВД России. По статистике, количество краж выросло почти на 12%, но при этом сократилось число грабежей (7%) и разбоев (5%). Также выросло на 4% количество преступлений экономической направленности. Жители России стали чаще запасаться нелегальным оружием (26,9 тыс. преступлений). Преступлений, в которых фигурирует оружие, как и в предыдущие годы, больше всего в Дагестане, Краснодарском крае, Свердловской области, а также в Москве и Подмосковье (см.: Ветров И. Кризис толкает на преступления // Статистика МВД России за 2015 год. Сайт: <http://www.gazeta.ru/social/2016/01/22/8036075.shtml> (дата обращения: 23.01.2016).

² По данным МВД РФ за 2015 год на треть возросло количество преступлений террористического характера – 1531, это на 35% больше, чем в 2014 г.; на 27% выросло число деяний экстремистской направленности – 1308. (см.: Ветров И. Кризис толкает на преступления // Статистика МВД России за 2015 год. Сайт: <http://www.gazeta.ru/social/2016/01/22/8036075.shtml> (дата обращения: 23.01.2016).

ходится подражать, ненавидя его¹. Американский ученый С. Хантингтон, проводя анализ ста сравнительных исследований ценностей различных стран, заключил, что «западные ценности имеют самый низкий статус во всем остальном мире»². Ценности фиксируют то, что сложилось в жизни, в менталитете народа и провозглашено как норма. Меняются ценности – меняются нормы – меняются цели воспитания³.

Существующая теория и практика информационно-воспитательной и психологической работы по повышению уровня морально-психологического состояния населения государства не полностью отвечают требованиям обеспечения национальной безопасности государства и не позволяют разработать научно обоснованные рекомендации по повышению эффективности этой деятельности, в том числе и ее организации со стороны руководства России. До сих пор не создан государственный орган управления духовными процессами, протекающими в обществе. В существующих официальных документах и теоретических работах по проблемам национальной (в том числе военной) безопасности понятие безопасность определяют как защищенность интересов личности, общества, государства от внутренних и внешних угроз. В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации под информационной безопасностью понимается состояние защищенности национальных интересов в информационной сфере. Определение безопасности через защищенность интересов противоречиво по смыслу. Защиту даже жизненно важных интересов далеко не всегда можно относить к обеспечению безопасности. Особенно это касается соперничества заинтересованных субъектов за ограниченные объемы жизненно важных для них ресурсов, ценностей, если последние законно принадлежат другим собственникам.

В современных условиях для России актуальным является поиск путей поддержания и постоянного наращивания мощи государства, его составляющего – морально-психологического состояния населения, когда противник активно использует новые методы войны, в частности технологии «мягкой силы»; создание противодействия этим методам (противоборство).

Современная Россия нуждается в здравомыслящих личностях, социально активных, духовно богатых, нравственно здоровых, готовых и способных защищать Родину. Воспитание патриотов – одна из главных государственных задач. Основой сплочения нации, возрождения духовно-нравственных устоев, издревле присущих российскому обществу должна стать общенациональная идея, с выстроенной системой духовных ценностей.

Основной и приоритетной целью воспитания население является формирование и развитие у них качеств и отношений гражданина-патриота, военного профессионала и высоконравственной личности. Реализация данной цели призвана ориентировать деятельность по формированию и укреплению духовно-нравственного аспекта морально-психологического фактора на всесторонний и комплексный подход в работе с гражданами. Формирование и развитие, духовных ценностей как фундамента процесса морально-психологической деятельности должны осуществляться с учетом новых реалий в мире, изменившихся военно-доктринальных взглядов на роль и место Вооруженных Сил в обществе, их социальное назначение, функции и задачи⁴.

¹ См.: Рубанов В.А. Средство защиты мира и безопасности? (Материалы «круглого стола») // Безопасность Евразии № 1–2001, янв. – март. – С.230.

² Хантингтон С. The clash of civilization, s // Foreign affair, s. 1993. V. 72. № 3. – P.29.

³ Никандров Н.Д. Ценности как основа воспитания // Педагогика. – М., 1997. – С.59.

⁴ См.: Синчук Ю.В. Основные направления совершенствования военной безопасности России (политологический аспект) // Вестник МГЛУ (604) – М.: Рема, 2010. – С.119–122; Синчук Ю.В. Геополитические вызовы и угрозы современной России // Безопасность Евразии. 2011. № 1. – С. 305–310.

Четкое определение обозначившихся в начале XXI века общих идей, ценностей, ценностей, объединяющих подавляющее большинство граждан России.

Право иметь собственность и без ограничений распоряжаться ею, право на личную инициативу и предпринимательство в глазах миллионов россиян, бесспорно, преобладает над узкими групповыми, этническими, классовыми интересами.

Объединение российских граждан на почве стремления к устойчивому, поступательному, динамичному развитию общества, которое позволило бы каждому, полагаясь на нерушимую силу закона, творчески и продуктивно трудиться, используя те богатые возможности, которые открывают гражданские и экономические свободы. Люди желают планировать собственное будущее и будущее своих детей на годы и десятилетия вперед — они устали от неопределенности.

Переживаемое сегодня Россией трудное, богатое изменениями время — сложная международная политическая обстановка, тяжелая экономическая ситуация в стране, накладывает существенный отпечаток на все сферы жизнедеятельности нашего общества. Нынешняя духовная ситуация в обществе крайне сложна и противоречива. Поэтому в данной обстановке остро стоит проблема духовной, идейной, политической консолидации общества.

Общенациональная идеология — это идеология государства, народа, вобравшая в себя основные идеи, теории классов и наиболее значимых социальных групп прогрессивной направленности, отражающая в общественном сознании общественное бытие через призму общенациональных государственных достояний, ценностей в виде официально признанных в обществе, либо государственно оформленных идеологических установок.

В американском обществе общенациональная «великая американская мечта» символизирует принцип изначальных равных возможностей человека и неумную страсть к наживе. Широко известен традиционализм японского общества и «немецкий порядок». В России общенациональной объединяющей идеи не сформулировано, проблема заключается в трудности сбалансирования слишком разных интересов общественных классов и социальных групп из-за чрезмерного социального расслоения общества (трудно совместить идеологию выживания низов с идеологией безудержной жадной наживы торгово-финансового капитала, контролирующего в пределах Москвы более 80 % капитала в России).

Но поиски общенациональной идеи ведутся. Российская национальная идея должна стать идейно-теоретической основой концепции развития российского общества, привлекательной для большинства населения Российской Федерации.

России нужны не пустые слова о патриотизме¹, а глубокое чувство любви к Родине, постоянная готовность к её защите, уважение к историческому прошлому народа, сохранение славных боевых традиций, заботливое отношение к человеку в военной форме, создание экономической, политической и правовой базы социальной защиты военнослужащих, забота о высоком престиже Вооружённых Сил.

Правосознание является одним из важнейших составляющих в системе обеспечения национальной безопасности современной России, т.к. законность — основа безопасности и стабильности. Правовая защита граждан — система норм, содержащаяся в законах государства, провозглашающая основные права и свободы граждан,

¹ Патриотизм как фактор развития российской государственности / Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Ассамблея народов России, Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности, Московский дом национальностей; [под общ. ред. И.В. Бочарникова]. — М.: Московский дом национальностей, 2015. — 368 с.; Яновский Р.Г., Патрушев В.И. Идеология патриотизма // Безопасность Евразии. 2004. № 2. — С.413.

наличие в государстве социальной защиты населения. Социальная защищенность тесно связана с наличием надежно функционирующего механизма реализации законодательства о социальной защите и гарантий (закрепленных в законе) правового положения граждан. Социальная защита граждан является центральной проблемой государства и характеризует государство, его реальную деятельность, политику, которую оно проводит в целях обеспечения достойной жизни и свободного развития своих граждан.

Процесс фундаментальных перемен в мире, самым непосредственным образом, связан с обеспечением национальной, военной безопасности России, понимаемой как безопасность личности, общества и государства. В начале XXI века увеличивается количество, объём и массивность негативных информационно-психологических воздействий на психику граждан Российской Федерации. В современной обстановке, очень важное значение имеют изучение и учёт психического состояния, политических настроений народных масс. Необходимо создание многоуровневой системы обеспечения психологической безопасности российских граждан.

Геополитически Россия достаточно уязвима, и это представляется особенно опасным в условиях, когда происходит очередной передел мира, а ряд глобальных субъектов проводит эгоистическую политику, направленную на удовлетворение своих потребностей за счёт других. В результате названного, а также других обстоятельств для России актуализируется ряд геополитических вызовов и угроз, наличие которых требует взвешенного и адекватного реагирования.

Несмотря на серьезные потери последних десятилетий и существенное ослабление по ряду позиций, современная Российская Федерация сохраняет необходимые возможности по оказанию влияния на развитие мира в выгодном для неё отношении. Геополитический потенциал, которым располагает Россия, выступает в качестве основы для повышения её геополитического статуса.

Список литературы:

1. *Белозёров В.К.* Геополитические смыслы Военной доктрины Российской Федерации // Геополитика и безопасность № 1(29). – Санкт-Петербург, 2015. С.9–15
2. *Белозёров В.К.* Военная доктрина российской федерации о предсказуемости военных конфликтов. Электронный научный журнал проблемы безопасности. 2013. № 3 (21). С. 3–4.
3. *Ветров И.* Кризис толкает на преступления // Статистика МВД России за 2015 год. Сайт: <http://www.gazeta.ru/social/2016/01/22/8036075.shtml> (дата обращения: 23.01.2016).
4. Глобальные вызовы XXI века – геополитический ответ России. Ивашов Л.Г., Белозеров В.К., Касюк А.Я., Синчук Ю.В., Шершнев И.Л., Яшкова Т.А. монография / Л.Г. Ивашов, В.К. Белозёров, А.Я. Касюк, Ю.В. Синчук, И.Л. Шершнёв, Т.А. Яшкова; Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Московский государственный лингвистический университет. М., 2012.
5. *Гулин В.П.* Безопасность России в условиях нового миропорядка. <http://geopolitika.narod.ru> (дата обращения: 22.03.2016).
6. *Евстафьев Д.Г.* Современная американская военная политика // США в новом мире: пределы могущества. – М.: РИСИ, 1997. – С. 152.
7. *Зарянов Е.П.* Мягкая сила как характерный признак политического влияния великой державы в условиях многополярного мира // *ВВ: Международные отношения.* – 2015. – № 1. – С.89–122. URL: http://e-notabene.ru/wi/article_12649.html (дата обращения: 11.10.2015).
8. *Зеленков М.Ю.* Об идеологических основах морально-психологического обеспечения Вооруженных Сил // *Военная мысль.* № 4. 2001, – С. 47–57.
9. *Зеленков М.Ю.* Система морально-психологического обеспечения Вооруженных Сил как фактор военной безопасности государства: Монография. – М.: ВАГШ, 2001.
10. *Димлевич Н.* Россия: геополитические вызовы и угрозы XXI века. <http://www.truenet.info/ekstremizm/rossiya-geopoliticheskie-vyzovy-i-ugrozy-xxi-veka.html> (дата обращения: 26.03.2016).

11. Колосов В.А., Туровский Р.Ф. Геополитическое положение России на пороге XXI века: реалии и перспективы. / Полис, 2000, № 3. С 231–233.
12. Хантингтон С. The clash of civilization, s // Foreign affair, s. 2009. V. 72. № 3. С. 29.
13. Какую опасность «Исламское государство» несет России? пресс-конференция 1 июня 2015 год; «МК» <http://www.mk.ru/politics> (дата обращения: 10.12.2015).
14. Круглый стол: причины и последствия украинского кризиса 2013–2014 гг. Электронный журнал «Вестник МГОУ» / www.evestnik-mgou.ru. – 2014. – № 1. 2012.
15. Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Президентом России В.В.Путиным 12 февраля 2013 г., п. 20 http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 10. 01.2015).
16. Мамсуров Т.Д. Особенности региональной безопасности Российской Федерации // Безопасность Евразии. № 1–2001, январь – март. – С. 163–174.
17. Михалёв Ю.А. Военная безопасность России в наследии А.Е. Снесарева. Вестник московского государственного лингвистического университета. 2014. № 2 (688). С. 122–126.
18. Нартов Н.А. Геополитика: Учебник для вузов / Под. ред. проф. В.И.Старовойтова. – 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ – ДАНА, Единство, 2004.
19. Никандров Н.Д. Ценности как основа воспитания // Педагогика. – М., 1997. – С.59.
20. Образцов И.В. Социологическое обеспечение деятельности высших органов управления вооруженными силами: исторический опыт, современное состояние и перспективы. – М.: ВАГШ, 1999. – 415с.
21. Патриотизм как фактор развития российской государственности / Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Ассамблея народов России, Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности, Московский дом национальностей; под общ. ред. И.В. Бочарникова. – М.: Московский дом национальностей, 2015. – 368 с.
22. Поздняков А.И. Информационная безопасность страны и вооруженных сил: сущность, структура, актуальные проблемы обеспечения./ Национальная безопасность: актуальные проблемы. Рук. авт. кол, отв. ред. Шаваев А.Х. – М.: ВАГШ ВС РФ, 1999. С. 29–33.
23. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации / Российская газета. 2005. 27 апреля. – С. 4.
24. Путин В.В. Интервенция: Обращение Президента России Владимира Путина // Российская газета. 2004. 6 сентября. – С. 1.
25. Российская армия: возможно ли дальнейшее развитие при условии сохранения срочной службы? <http://www.army-hr.ru/article/12930.html> (дата обращения: 10.11.2015).
26. Рубанов В.А. Средство защиты мира и безопасности? (Материалы «круглого стола») //Безопасность Евразии № 1–2001, янв. – март. – С.230.
27. Сайт <http://www.rg.ru/2014/12/29/doktrina.html> (дата обращения: 10.01.2015).
28. Сайт <http://24smi.org> (дата обращения: 26.06.2015).
29. Сайт <http://voprosik.net/kto-stoit-za-majdanom> (дата обращения: 01.06.2014).
30. Сайт: <http://top.rbc.ru/politics/01/07/2015/55941b999a7947e2d1660470> (дата обращения 20.12.2015).
31. Синчук Ю.В. Россия в мировом политическом процессе: вызовы и угрозы // Трансформация международных отношений в XXI веке / Отв. ред. М.В. Грановская, О.А. Тимакова – М.: Дипломатическая академия МИД России, 2017. – С. 305–302.
32. Синчук Ю.В. Синчук И.Ю. К вопросу об укреплении национальной безопасности государства в контексте «мягкой силы» // Роль технологий «мягкой силы» в информационном, ценностно-мировоззренческом и цивилизационном противоборстве / Академия военных наук, Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности, кафедра информационной аналитики и политических технологий МГТУ имени Н.Э. Баумана / Под общ. ред. И.В. Бочарникова. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016. – С.210–239.
33. Синчук Ю.В. Стратегия морально-психологического обеспечения военной безопасности Российской Федерации / Концептуал: сборник научных трудов кафедры Философии и истории // сост. А.В. Матюхин. – М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2015. – С.266–275.
34. Синчук Ю.В. Геополитические вызовы и угрозы современной России на постсоветском пространстве // Постсоветский материк. – М., 2014. № 1. – С.69–78.
35. Синчук Ю.В. Международный терроризм – угроза национальной безопасности Российской Федерации // Политическая наука и современное общество: сб. науч. тр. Вып.4 / под ред. В.Г. Егорова. – М.: ИИУ МГОУ, 2013. – С. 84–102.
36. Синчук Ю.В. Россия и основные геополитические силы в современном мире // Геополитика и безопасность. № 3 (19). 2012. С. 60–65.

37. Синчук Ю.В., Синчук И.Ю. К вопросу о безопасности российского государства // Вестник МГОУ.2012. № 5.
38. Синчук Ю.В. Геополитические вызовы и угрозы современной России // Безопасность Евразии. 2011. № 1. – С. 305–310.
39. Синчук Ю.В. Основные направления совершенствования военной безопасности России (политологический аспект) // Вестник МГЛУ (604) – М.: Рема, 2010. – С.119–122.
40. Соловьев В.С. Сочинения в 2 томах. 2-е изд. Т. 2 / Общ. Ред. сост. А.В.Гульки, А.Ф.Лосева. – М.: Мысль, 1990. – С. 8–13.
41. Торговля оружием стала монополией Вашингтона. В 2003 году американцы продавали оружие другим странам более чем на 21 млрд долл., русские – едва на 2,5 млрд долл. (см.: Нартов Н.А. Геополитика: Учебник для вузов / Под. Ред. Проф. В.И. Старовойтова. – 3-е изд., перераб. доп. – М.: ЮНИТИ – ДАНА, Единство, 2004. – С. 182).
42. Третьяков Ю. Амазонки по-российски // Труд № 37(24719). 4 марта. 2005. – С. 3.
43. Хантингтон С. The clash of civilization, s // Foreign affair, s. 1993. V. 72. № 3. – P.29.
44. Яновский Р.Г., Патрушев В.И. Идеология патриотизма // Безопасность Евразии. 2004. № 2. – С.413.

Павел Петрович ТИМОФЕЕВ

кандидат политических наук,
научный сотрудник Национального исследовательского института мировой
экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (ИМЭМО РАН)
p.timofeyev@gmail.com

РОССИЯ В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТАХ ФРАНЦИИ ПОСЛЕ 2014 ГОДА

Аннотация. В работе рассматривается место России в стратегических приоритетах Франции в 2014–2017 гг. Показаны факторы, вызывающие трения в современных российско-французских отношениях, а также проанализированы события, повлиявшие на корректировку российской политики Франции в указанный период. Сделан вывод о том, что к 2017 г. появляются условия, которые могли бы благоприятствовать налаживанию российско-французского диалога на будущее.

Ключевые слова: Россия, Франция, российско-французские отношения, НАТО, ИГИЛ, Сирия, санкции

P. TIMOFEYEV

Ph.D in Pol.Science
Research fellow
Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO)

RUSSIA'S PLACE AMONG STRATEGIC PRIORITIES OF FRANCE AFTER 2014

Abstract. The article deals with the place of Russia among the strategic priorities of France in 2014–2017. The factors causing frictions in contemporary Russian–French relations are shown; the events that affected the adjustment of France's policy toward Russia in the given period are analyzed. The author concludes that by 2017 the conditions that could play in favor of developing of Russian–French dialogue seem to be appeared.

Key words: Russia, France, Russian–French relations, NATO, ISIS, Syria, sanctions

.....

Украинский кризис 2014 г. продемонстрировал кардинальные расхождения в видении Россией и странами ЕС/НАТО европейской ситуации в сфере безопасности, в связи с чем западные страны существенно изменили свои подходы к политике на российском направлении. В этом смысле полезно проследить, как в 2014–2017 гг. Франция, одна из ключевых стран-лидеров ЕС и НАТО, воспринимала Россию: на уровне политического истеблишмента и на народном. Данный вопрос особо актуален в контексте президентских выборов во Франции, которые состоялись 23 апреля и 7 мая. Избранный президент будет определять политику Франции в отношении России на следующие 5 лет.

Победа на выборах в 2012 г. Франсуа Олланда и Французской социалистической партии (ФСП) привела к обновлению французской политической элиты и к корректировке внешней политики Парижа. По сравнению с неоголлистами, находившимися у власти при Ж. Шираке (1995–2007 гг.) и Н. Саркози (2007–2012 гг.), с которыми у России в целом были налажены партнерские политические

и экономические отношения, позиция ФСП по России всегда отличалась большей критичностью по причине повышенного внимания к демократическим ценностям и проблематике прав человека. Если при Н. Саркози Франция активно участвовала в урегулировании российско-грузинского кризиса 2008 г. на условиях, благоприятных России, а 2011 г. впервые в истории российско-натовских отношений подписала с Москвой контракт на поставку вертолетоносцев типа «Мистраль», то с 2012 г. ничего подобного, напоминавшего «особые» отношения, не наблюдалось. Например, Е.О. Обичкина отмечала, что «послания» Олланда Москве не выходят за рамки привычного противоречивого взаимодействия между Россией и Францией, и отношения в паре Путин-Олланд не отмечены тем личным взаимопониманием, которое помогало сгладить политические расхождения между Путиным и Саркози»¹. Отсюда делался логичный вывод о том, что в отношениях России и Франции в 2012–2017 гг. должны будут царить прагматизм и экономические интересы.

В 2013 г. министерство обороны Франции издало «Белую книгу по безопасности и обороне-2013», которая позволяла увидеть и место России во внешней политике Франции. Авторы книги указывали на ряд аспектов внешней политики РФ, беспокоивших Париж, в частности: 1) рост военного бюджета России и модернизация вооружённых сил; 2) зависимость европейских стран, включая Францию, от поставок российского энергетического сырья; 3) трения между Россией и Западом, включая сирийский кризис. В то же время Франция в 2013 г. рассматривала Россию в первую очередь как партнера, пусть и не самого приоритетного. «Отношения с Россией должны постоянно поддерживаться и укрепляться в том контексте, когда логика могущества и взаимозависимости смешивается», — писали авторы «Белой книги», — «укрепление стабильности на восточных границах Европы на основе сотрудничества с Россией в рамках принципов Парижской хартии — важная задача для безопасности Европы, и, следовательно, Франции»².

В этом контексте показательна оценка Парижем действий России в Украинском кризисе в 2014–2016 гг. Эту оценку Ф. Олланд высказывал, например, на ежегодных встречах с посольским корпусом страны.

Как известно, Ф. Олланд критически воспринял позицию России в данном кризисе: одной из самых резких её реакций стал разрыв контракта по «Мистралям» и участие во всех коллективных санкциях ЕС в отношении Москвы. В 2014 г. Олланд, назвав среди трёх угроз для Европы Украинский конфликт, действия террористической группировки ИГИЛ и лихорадку Эбола, подчеркнул, что Россия должна уважать суверенитет Украины, прекратить поддержку ополченцев и привести воюющие стороны к миру. «Присутствие российских солдат на украинской земле (если это будет доказано) — не терпимо и недопустимо», — заявил Олланд 28 августа 2014 г. Он предупредил, что в случае эскалации кризиса ЕС наложит на РФ новые санкции, хотя оговорился, что не хотел бы этого. «Россия не может стремиться стать признанной державой 21 века и в то же время не соблюдать правила», — заметил он. В то же время Олланд подчеркнул, что Франция желает углубления отношений ЕС с Россией как с великой страной, соседом по Европе и как с историческим, культурным и экономическим партнером Парижа³.

¹ Обичкина Е.О. Российско-французские отношения из прошлого в будущее// Россия в глобальной политике, 2013, Т. 11. С.39.

² Livre Blanc: défense et sécurité nationale – 2013. P.54. URL: http://www.livreblancdefenseetsecurite.gouv.fr/pdf/le_livre_blanc_de_la_defense_2013.pdf (дата обращения: 15.05.2017)

³ Discours d'ouverture de la Conférence des Ambassadeurs prononcé par le Président François Hollande (Palais de l'Élysée – Jeudi 28 août 2014)/ La France en Israël. Ambassade de France à Tel-Aviv. URL: <https://il.ambafrance.org/Discours-d-ouverture-de-la> (дата обращения: 15.05.2017)

Год спустя, после того как Франция и Россия (наряду с ФРГ и Украиной) приняли участие в подписании Минских соглашений 12 февраля 2015 г. и конфликт на Донбассе перетек в вялотекущую фазу, Олланд на очередной конференции заметил, что отношения между Россией и ЕС заморожены в экономическом плане из-за обоюдных санкций. Он признал, что последствия санкций в аграрной сфере и в гуманитарной области ощущают на себе не только россияне, но и граждане стран ЕС, хотя и не привел конкретные цифры. Объяснив, почему Франция остановила сделку по «Мистральям», Олланд подчеркнул, что завершение сделки было урегулировано обеими сторонами ответственно и со взаимным уважением друг к другу (французская сторона выплатила неустойку за разрыв контракта, и вопрос был закрыт). Он снова добавил, что Франция желает поддерживать с Россией искренний диалог, напомнив об общих интересах в мире, например, в рамках действий ближневосточного квартета по Палестине¹.

В 2016 г. Ф. Олланд выступил в последний раз перед дипкорпусом в ранге президента страны. К этому времени в международной ситуации произошли изменения, важные для российско-французского диалога. Во-первых, Франция стала жертвой ряда терактов (7 января и 13 ноября 2015 г. в Париже, 14 июля 2016 г. в Ницце), в которых в совокупности погибло не менее 228 человек. Реакция не заставила себя ждать. В ноябре 2015 г. Олланд, прибыв в Россию, впервые поставил в один ряд взрыв российского самолета над Синаем (31 октября 2015) и теракт в парижском концертном зале «Батаклан» (13 ноября 2015), ответственность за которые взяла ИГИЛ, и выступил с идеей формирования общей антитеррористической коалиции с участием РФ, а президент РФ В. Путин в свою очередь отдал приказ российским морякам взаимодействовать с французскими авианосцем в регионе «как с союзником»². Во-вторых, обе палаты французского парламента по инициативе оппозиционной партии «Республиканцев» приняли первые в ЕС резолюции, призывающие к отмене антироссийских санкций (резолюция Национального собрания № 721 от 28 апреля 2016 г. и резолюция Сената № 154 от 8 июня 2016 г.)³. Это говорило о том, что как минимум часть французского истеблишмента официально признала негативную роль санкций для двусторонних отношений. В-третьих, произошла фактическая заморозка ситуации на Донбассе (хотя непрекращающиеся обстрелы и локальные стычки продолжают уносить человеческие жизни).

Всё это, несмотря на российско-французские трения по Сирийскому кризису способствовало корректировке французского курса на российском направлении. В своей речи 30 августа 2016 г. Ф. Олланд уже подчеркнул, что Франция регулярно обменивается данными с Россией в борьбе с джихадистами. Одновременно он посетовал на то, что Украинский кризис до сих пор сказывается на отношениях Россия-ЕС, что является «в высшей степени достойным сожаления». По его словам, «все

¹ Discours d'ouverture du président de la République à l'occasion de la Semaine des Ambassadeurs. Elysée – Mardi 25 août 2015/ France Diplomatie. URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/25_08_discours_ouverture_semaine_des_ambassadeurs_cle8732e3.pdf (дата обращения: 15.05.2017)

² Заявления для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам встречи с Президентом Франции Франсуа Олландом / Президент России. 26 ноября 2015 года/ Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/50792> (дата обращения: 15.05.2017).

³ Texte n° 721. Résolution invitant le gouvernement à ne pas renouveler les mesures restrictives et les sanctions économiques imposées par l'Union Européenne à la Fédération de Russie. 28.04.2016/ Assemblée Nationale. URL: [http://www2.assemblee-nationale.fr/documents/notice/14/ta/ta0721/\(index\)/ta](http://www2.assemblee-nationale.fr/documents/notice/14/ta/ta0721/(index)/ta) (дата обращения: 15.05.2017); Résolution européenne № 154 relative au régime de sanctions de l'Union européenne à l'encontre de la Fédération de Russie. 08.06.2016/ Senat. URL: <http://www.senat.fr/dossier-legislatif/ppr15-643.html> (дата обращения: 15.05.2017).

мы заинтересованы в том, чтобы как можно быстрее и лучше выйти из этой ситуации». Говоря о российско-французских отношениях, Олланд вновь напомнил, что они являются «историческими, крепкими, но требовательными» и пожелал от имени Франции поддерживать с Россией «высокий уровень сотрудничества». Для этого, по его словам, как Париж, так и Москва, должны предпринять определённые шаги как на Украине, так и в Сирии¹.

Таким образом, несмотря на то, что официальный Париж по-прежнему поддерживает политику санкций против России, изменение международной ситуации на Донбассе, в Сирии и в самой Франции способствовало более спокойному восприятию российских позиций. Россия остаётся источником беспокойства для официального Парижа, но в то же время вышеуказанные факторы смягчают жесткую оппозицию позиций РФ и Франции в Украинском кризисе. К 2016 г. Париж уже не был склонен выступать с алармистскими речами. Даже после того, как страны НАТО приняли в июле 2016 г. решение направить вооруженный контингент (Enhanced Forward Presence) в страны Балтии и в Польшу, Франция не проявила активности на данном направлении, ограничившись отправкой символического подразделения в 300 морских пехотинцев, 5 танков и 13 боевых машин пехоты (для сравнения: Великобритания направила в восточную Европу 800 чел., не говоря о США, ФРГ или Канаде, чьи контингенты достигают 1000 чел.). 20 марта 2017 г. первая группа французских военных прибыла в Эстонию, где через полгода их сменят датчане. Другая группа французских военных должна прибыть в 2018 г. в Литву — также на полгода. Разумеется, даже такое участие Франции в действиях НАТО не может не беспокоить Москву. Но при этом стоит учитывать: гораздо более многочисленные силы Франции расположены в более приоритетных для них регионах — в Африке (7600 чел.) и на Ближнем Востоке (5600 чел.).

При этом Париж не принял участия в крупнейших маневрах НАТО за последние 25 лет «Анаконда-2016» (совокупное участие — более 25 000 чел.), в которых были задействованы войска 24 стран альянса. Франция также продолжает подчёркивать, что ПРО НАТО не несет антироссийской направленности, а французский ядерный арсенал находится в распоряжении прежде всего президента Республики, а не военных НАТО. Наконец, несмотря на санкционное давление, ни одна из французских компаний не ушла с 2014 г. с российского рынка, хотя многим из них пришлось провести оптимизацию персонала. В мае 2016 г. представители французских деловых кругов заявили на встрече М. Фёклем, госсекретарем Франции по внешней торговле, прибывшим в Москву, о своём недовольстве санкциями и высказали пожелание поскорее отменить их. В июле 2016 г. президент Ф. Олланд заявил, что Россия не является противником или угрозой для Франции, а, напротив, партнёром, несмотря на существующие разногласия по украинскому и другим вопросам². Очевидно, что с учётом этого участие Франции в прибалтийском вооруженном контингенте НАТО имеет целью обозначить присутствие, но не допускать провокаций в отношении России.

По данным соцопроса января 2015 г., проведённого социологической службой IFOP, большинство французских (80 %) заявили, что с Россией — важным экономи-

¹ Discours du Président à l'occasion de la Semaine des Ambassadeurs. 30 Août 2016/ France Diplomatie. URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/30_08_f_hollande_discours_ambassadeurs_cle81c44c.pdf (дата обращения: 15.05.2017).

² L'Otan envoie quatre bataillons en Europe de l'Est. 09.07.2016/ France24. URL: <http://www.france24.com/fr/20160708-pologne-otan-etats-unis-russie-sommet-deploiement-1000-soldats-poutine> (дата обращения: 15.05.2017).

ческим партнером Франции, следует иметь позитивные отношения. 76 % отметили, что в вопросе санкций Франция просто равняется на позицию США, и только 48 % видят в них эффективное средство урегулировать российско-украинский конфликт¹.

Почти все основные участники президентской избирательной кампании, прошедшей весной 2017 г., заявили о необходимости вести с Россией диалог. Различались лишь их подходы: от прагматичного и конструктивного (Ф. Фийон, М. Ле Пен, Ж-Л. Меланшон) до «жесткого» и «требовательного» с учетом позиции единого Запада (Э. Макрон, Б. Амон). Очевидно, избранный президент (им стал Э. Макрон) будет вынужден учитывать эти настроения.

***

Место России в стратегических приоритетах Франции после 2014 г. определяют несколько факторов: это зависимость страны от евроатлантических институтов, вопросы национальной безопасности, а также экономические интересы. Несомненно, сегодня ни о каких «особых отношениях» между Москвой и Парижем говорить невозможно. Существует ряд серьезных источников для трений двух сторон: Франция серьезно расходится с Россией в оценках событий на Украине и в Сирии, и соблюдает «евроатлантическую дисциплину» в рядах ЕС и НАТО. Никуда не исчезла традиционная критика Парижа по правозащитной тематике. Всё это сегодня ограничивает поле российско-французского взаимодействия.

В то же время Франция вряд ли может считаться сторонником жесткой линии в отношениях Запада с Москвой. С точки зрения национальной безопасности Париж гораздо сильнее заботят вопросы террористической угрозы, нелегальной миграции и экстремизма, имеющее африканское либо ближневосточное происхождение. Более того, на Ближнем Востоке Франция, как и Россия, объективно заинтересована в ликвидации террористического образования ИГИЛ, что создаёт условия для координации усилий в данном вопросе. Париж не может не отдавать себе отчет в том, что вне зависимости от отношения к фигуре президента Сирии Б. Асада Россия является одним из основных действующих лиц сирийского конфликта, и её позицию необходимо принимать в расчёт. Наконец, с точки зрения экономики Париж франко-российские деловые отношения продолжают развиваться (агропром, космос, ритейл и т.д.). Всё это будет учитывать будущий французский президент при выработке инициатив на российском направлении начиная с лета 2017 г.

¹ Les Français, la perception du conflit ukraino-russe et la livraison de navires de guerre à la Russie. Sondage Ifop pour La Tribune. Janvier 2015. URL: http://www.ifop.com/media/poll/2912-1-study_file.pdf (дата обращения: 15.05.2017).

Сергей Владимирович ВОРОБЬЕВ

*профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры
Международных отношений Дипломатической академии МИД РФ (г. Москва)*

E-mail: 352147@gmail.com

Татьяна Владиславовна КАШИРИНА

*профессор, доктор исторических наук, заведующая кафедрой
Международных отношений Дипломатической академии МИД РФ (г. Москва)*

E-mail: kahirina73@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье представлено авторское видение проблемы использования при факторном анализе формирующейся полицентрической системы международных отношений такого фактора, как историческая память. Приведены примеры эволюционного развития этого фактора с 19 века по настоящее время и представлены некоторые аспекты влияния этого фактора на международные отношения.

Ключевые слова: историческая память, операционализация, система международных отношений, полицентрическая система международных отношений, Ялтинская Конференция глав государств, геноцид армян, фултонская речь, города-побратимы.

S.V. VOROBYEV

Professor, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of International Relations of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow)

T.V. KASHIRINA

Professor, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of International Relations of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow)

HISTORICAL MEMORY AS A FACTOR IN THE FORMATION OF A MODERN SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS

Annotation. The article presents the author's vision of the problem of using factor analysis of the emerging polycentric system of international relations such a factor as historical memory. Examples of the evolutionary development of this factor from the 19th century to the present are given and some aspects of the influence of this factor on international relations are presented.

Keywords: historical memory, operationalization, system of international relations, polycentric system of international relations, Yalta Conference of Heads of State, Armenian Genocide, Fulton speech, twin cities.

.....

По оценке большинства специалистов-экспертов в современных международных отношениях присутствует не только состояние неопределенности и разновекторности развития, но и субъективистский подход к их оценке. Указанное

состояние формируется под воздействием до сегодняшнего дня не используемых факторов влияния. К таковым следовало бы отнести: искаженность или двойственность получаемой информации, усиление влияния на принимаемые решения высшим политическим руководством государств таких источников как социальные сети, несоответствие интересов политических элит и интересов большинства населения государств, недостоверность информации о состоянии международных отношений и их возможном развитии, невозможность получения такой информации и некоторых других факторов.

Сложившая практика оценки формирующейся ныне полицентрической системы международных отношений позволяет создавать ее образ через оценку сил, средств и ресурсов в ней участвующих.

Если с силами и средствами более чем все понятно и определено, то ресурсная составляющая находится в постоянной эволюции. Это и требование времени и насущная необходимость сегодняшнего дня по отстаиванию своих интересов в международной среде.

Одним из факторов (материализованных предпосылок), не учтенных современными исследователями и сложно поддающимся операционализации при проведении анализа международных отношений, является историческая память. Этот фактор не активно изучается научным сообществом и практически не используется большинством лиц, принимающих решения в международных отношениях. Историческая память как фактор является неким собирательным образом взаимоотношения государств в международной среде и становится базовой ресурсной составляющей всех без исключения участников международных отношений. Это объясняется его изменяющимся форматом в течение определенного отрезка времени. Он может охватывать состояние как одной системы международных отношений, так и сразу нескольких.

Пояснение такой точки зрения следует начинать именно с исторического экскурса.

Большинство из нас слышали крылатое выражение, часто используемое и в наши дни, которое принадлежит российскому императору Александру III, о том, что у России «только два верных союзника — ... наша армия и флот»¹. Не многие, однако, знают продолжение этого крылатого выражения. А оно звучит как: «все остальные, при первой возможности, сами ополчатся против нас»². В своем завещании сыну Николаю II он эту закономерность еще раз подтвердил: «Помни, — у России нет друзей. Нашей огромности боятся»³.

История нашего государства подтвердила не раз эти слова. Всегда, когда Россия принимала участие, к примеру, в каких-либо европейских коалициях, ей приходилось впоследствии лишь горько об этом сожалеть. Так Александр I спас Европу от Наполеона I, и следствием этого явилось создание на западных границах Российской империи фактически могучих противников — Германии и Австро-Венгрии. Николай I послал русскую армию в Венгрию для подавления революции 1848 г. и восстановления Габсбургов на венгерском престоле, и в благодарность за эту услугу император Франц-Иосиф потребовал себе политических компенса-

¹ Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. — М.: «Локид-Пресс». Вадим Серов. 2003. [Электронный ресурс] URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/2782/%D0%A3 (дата обращения 03.04.2017).

² См. там же.

³ Завещание Государя Императора Александра III Александровича наследнику: [Электронный ресурс] URL: <http://ricolor.org/history/mn/ap/zaveshanie/> (дата обращения 08.04.2017)

ций за свое невмешательство во время Крымской войны. Император Александр II остался в 1870 году нейтральным, сдержав, таким образом, слово, данное императору Вильгельму I, а уже восемь лет спустя на Берлинском конгрессе Бисмарк практически лишил Россию плодов ее побед над турками¹.

Большинство европейских политических элит: французы, англичане, немцы, австрийцы — все в разной степени и достаточно часто делали Россию орудием для достижения своих эгоистических целей в международных отношениях.

Уроком для нашей страны могут служить и события, которые происходили не многим более 70 лет назад. Когда на ялтинской встрече глав государств антигитлеровской коалиции (СССР, США и Великобритании) был выработан совместный план последующих постпобедных совместных действий. Этот план был оформлен в совместном заявлении и закреплен подписями У. Черчилля, Ф.Д. Рузвельта и И. Сталина. А в разделе V Заявления страны участники подтвердили «верность Декларации Объединенных Наций и ... решимость создать, в сотрудничестве с другими миролюбивыми нациями, построенный на принципах права международный порядок, посвященный миру, безопасности, свободе и всеобщему благосостоянию человечества»².

При этом, участниками Конференции одинаково понимались и обсуждаемые в течение восьми дней «совместность, верность и решимость», когда не раскрывались планы совместных действий окончательного разгрома нацистской Германии. И «сотрудничество и верность», когда речь шла о создании ООН, судьбе Европы в целом и результатах победного территориального раздела Германии с участием Франции и Китая. Однозначно воспринимались и «международный порядок, посвященный миру и построенный на принципах права», и «безопасность», и «свобода и всеобщее благосостояние человечества».

Парадоксально то, что на Конференции странами-участницами было установлено «единство в организации мира, как и в ведении войны»³. Где подтверждались обязательства всех в реализации высших устремлений человечества — прочного и длительного мира. А обязательства эти определялись как «священные перед своими народами и народами мира»⁴.

Но, уже не многим более чем через год, в марте 1946 года в фултонской речи Черчилля была подвергнута сомнению эта однозначность и священность понимания норм международных отношений, подтвержденная подписями руководителей стран-участников Конференции в Ялте. Оказалось, что появилась «опасность коммунистического влияния», а наша страна стала вообще, и не только в глазах союзников по антигитлеровской коалиции, «причиной «международных трудностей»»⁵ на долгие годы холодной войны. Историческая память наших союзников в борьбе с фашизмом оказалась такой короткой в масштабе жизни даже одного поколения, что ее можно воспринимать уровнем статистической погрешности. А ее отсутствие позволило западным государствам уже в конце XX — начале XXI века реализовывать свою концепцию «смены режимов», вмешиваться во внутренние дела суверенных

¹ Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. — М.: «Локид-Пресс». Вадим Серов. 2003. [Электронный ресурс] URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/2782/%D0%A3

² «Правда» 13 февраля 1945, № 38 (0009) С.1

³ Заявление по результатам Конференции руководителей трех союзных держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании в Крыму. Раздел IX//«Правда» 13 февраля 1945, № 38 (0009) С.2

⁴ См. Там же.

⁵ [Электронный ресурс] URL: http://www.sociodinamika.com/lib/churchill_fulton.html (дата обращения 16.04.2017)

государств, бомбить Югославию без санкции ООН, устанавливать сферу своих интересов там, где, к примеру, «укажет президент Соединенных Штатов Америки».

В изменении современного формата системы международных отношений от биполярности к многополярности значительную роль стали играть так называемые «двойные стандарты», когда собственный образ в международной среде и образы иных участников международных отношений представляются исключительно в интересах политической элиты в зависимости от конкретной международной ситуации. Так, США обвиняя Россию о нарушении прав человека в плане воспрепятствования самоопределению нации в 90-е годы на территории Чечни, видимо, напрочь забывают свою историю в период гражданской войны 1861–1865 годов. А ведь это у них «мочили» там, где находили 11 южных рабовладельческих штатов и прямое президентское правление на этих же территориях после окончания военных действий тоже было у них. Очень сомнительно, что эти события самими американцами забыты. И тем не менее, при оценке действий других государств, они могут себе позволить подобные высказывания на межгосударственном уровне и определить подобные события, как противоречащие интересам человека¹.

Если историческая память политической элиты — это особый разговор, то, что же с исторической памятью нации, народа?

Анализ современной системы международных отношений свидетельствует о том, что и в этом аспекте историческая память не всегда подтверждается позитивными примерами. Так массовое уничтожение и депортация армянского населения Западной Армении, Киликии и других провинций Османской империи, которые осуществлялись правящими кругами Турции в 1915–1923 гг. стали причиной сегодняшнего негативного отношения армянского и турецкого народов. Неоднозначна роль в геноциде армянского народа и курдов. Сегодня к курдам приходит понимание того, что совершили их предки с армянами. И уже не удивительно, когда слышим, как депутат турецкого парламента от курдской партии «Мир и демократия» говорит о том, что «в геноциде армян, совершенном в 1915-м году в Османской империи, значительную роль сыграли курды»². А от местных курдов в Диарбекире, где столетиями соседствуют армянские и курдские семьи, можно услышать признание: «Здесь не только курдские земли, но и армянские...»³.

Представляя позитивную составляющую такого фактора как «историческая память» народов следует обратиться к историческим и сегодняшним связям на уровне человеческого общения. Так в 1944 году жители города Ковентри в Великобритании подготовили для жителей Сталинграда скатерть, на которой были вышиты имена 830 женщин Ковентри и Леди Майорессы госпожи Эмили Смит. И слова «Лучше маленькая помощь, чем большое сожаление». Скатерть Ковентри вместе с собранными деньгами (около 20 000 фунтов стерлингов) через посольство СССР в Лондоне была передана в разрушенный войной Сталинград. Сегодня эта коventрийская скатерть хранится в музее-заповеднике «Сталинградская битва»⁴. В 2008 году жители Волгограда создали «Сталинградскую скатерть» и в 2009 году передали её в Ковентри в честь 65-летия побратимских отношений между двумя городами. На ней были вышиты подписи выдающихся волгоградцев: почетных граждан го-

¹ Воробьев С.В. Каширина Т.В. Лекция № 1 «Современные международные отношения» из сборника фондовых лекций кафедры Дипломатической академии МИД РФ. 2016, С.9.

² [Электронный ресурс] URL: <http://armedia.am/rus/news/16520/kurdiy-i-genocid-armyan-v-osmanskojy-imperii.htm> (дата обращения 19.04.2017)

³ См. там же.

⁴ [Электронный ресурс] URL: <http://www.webcitation.org/617DjFcOq> (дата обращения 22.04.2017)

рода, героев России, заслуженных деятелей, спортсменов, политиков, мэров и глав правительств городов-побратимов Волгограда¹.

Народы разных стран в период военного лихолетья, помогая друг другу, сформировали такой фактор международного влияния и международного сотрудничества, как историческая память, который можно отнести к ресурсной составляющей «мягкой силы».

В 1957 году представители городов-побратимов создали Всемирную организацию породненных городов, которых в мире сейчас более 3,5 тысяч. Участниками этой международной организации являются сейчас 180 городов² России с общей численностью населения более 30 млн чел.

Обращение к этому аспекту международных отношений показывает, что с 1964 по 1991 год функционировала Ассоциация по связям советских и зарубежных городов, при содействии которой 289 городов и регионов бывшего Советского Союза породнились с 530 городами и регионами в 71 стране мира. В декабре 1991 года на отчетно-выборном собрании в г. Тверь было принято решение об учреждении Международной ассоциации «Породнённые города» (МАПГ) как международной неправительственной организации-правопреемника Ассоциации по связям советских и зарубежных городов, что сняло формальные политические преграды и сделало её открытой для городов и регионов всех государств постсоветского пространства. Среди породненных городов России есть лидеры. Так Санкт-Петербург породнился с 78 городами из 55 государств, Волгоград – с 48 из 23 государств и Москва породнилась с 41 городом из 33 государств³.

Что же дает международным отношениям статусность породненности городов. Она не только поддерживает сохранение такого фактора в международной жизни как историческая память народов, но и «в целом статус побратимства означает признание и высокое доверие к городу со стороны зарубежных партнёров. При этом ...возрастает престиж и города, и страны. ...Помогает налаживать культурные и туристические связи и является юридической основой взаимодействия официальных органов власти и бизнес-сообществ». Во всех соглашениях, заключаемых в этой сфере социальных коммуникаций всегда «есть положения о поддержке распространения русского языка на территории города-побратима»⁴, что является достаточно важными аспектами достижения не только национального интереса, но общенародных устремлений к установлению дружественных отношений между народами разных стран.

Предлагаемому в статье фактору ресурсной составляющей может быть присвоено значение переменной как в группе «культура» для внутренних независимых переменных, так и в группе «общие ресурсы пользования» для внешних независимых переменных, наряду с такими ресурсами, как нормы права ООН и т.д.

Таким образом, формируя разноплановый спектр взглядов на возможность и необходимость использования такого конкретного фактора, как историческая память, при факторном анализе современной формирующейся системы международных отношений, можно утверждать следующее. Историческая память как один из возможных факторов оценки современных международных отношений может

¹ [Электронный ресурс] URL: <http://news.vdv-s.ru/society/?news=24437> (дата обращения 21.04.2017)

² [Электронный ресурс] URL: <http://goroda-pobratimy.ru/> (дата обращения 21.04.2017)

³ [Электронный ресурс] URL: <http://goroda-pobratimy.ru/> (дата обращения 21.04.2017)

⁴ Ватаняр Я. – зав. кафедрой мировой политики факультета международных отношений СПбГУ. [Электронный ресурс] URL: <http://www.the-village.ru/village/city/asking-question/123003-est-vopros-goroda-pobratimy> (дата обращения 21.04.2017)

быть использован исследователями наряду с такими, как экономическая, демографическая или военная мощь, информационное или финансовое влияние и др.

Кроме этого, возможно и необходимо изучение вопроса использования этого фактора в рамках проводимых исследований трансформации современной системы международных отношений как научными, так и образовательными учреждениями Российской Федерации. О чем следует говорить не только на научных конференциях, а и в практических предложениях органам государственной власти, принимающим решения в сфере международных отношений – главе государства Президенту Российской Федерации или Министерству иностранных дел.

Список литературы:

1. Воробьев С.В. Каширина Т.В. Лекция № 1 «Современные международные отношения» из сборника фондовых лекций кафедры Дипломатической академии МИД РФ. 2016, С.9.
2. Заявление по результатам Конференции руководителей трех союзных держав – Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании в Крыму. Раздел IX//«Правда» 13 февраля 1945, № 38 (0009) С.2
3. «Правда» 13 февраля 1945, № 38 (0009) С.1
4. [Электронный ресурс] URL: <http://armedia.am/rus/news/16520/kurdiy-i-genocid-armyan-v-osmanskoiy-imperii.htm> 1 (дата обращения 19.04.2017)
5. [Электронный ресурс] URL: <http://goroda-pobratimy.ru/> (дата обращения 21.04.2017)
6. [Электронный ресурс] URL: <http://news.vdv-s.ru/society/?news=24437> (дата обращения 21.04.2017)
7. [Электронный ресурс] URL: http://www.sociodinamika.com/lib/churchill_fulton.html (дата обращения 16.04.2017)
8. [Электронный ресурс] URL: <http://www.webcitation.org/617DjFcOq> (дата обращения 22.04.2017)
9. Ватаняр Я. – зав. кафедрой мировой политики факультета международных отношений СПГУ. [Электронный ресурс] URL: <http://www.the-village.ru/village/city/asking-question/123003-est-vopros-goroda-pobratimy>(дата обращения 21.04.2017)
10. Завещание Государя Императора Александра III Александровича наследнику: [Электронный ресурс] URL: <http://gicolor.org/history/mn/ap/zaveshanie/> (дата обращения 08.04.2017)
11. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. – М.: «Локид-Пресс». Вадим Серов. 2003. [Электронный ресурс] URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/2782/%D0%A3 (дата обращения 03.04.2017).
12. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. – М.: «Локид-Пресс». Вадим Серов. 2003. [Электронный ресурс] URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/2782/%D0%A3

Наталья Владимировна УШАКОВА

*кандидат политических наук, преподаватель кафедры
государственного управления и национальной безопасности
Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации
ushakovanathalia@mail.ru*

ВЛИЯНИЕ СТАТУСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ЕЕ ВОЕННУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

Аннотация. В статье показана динамика изменения статуса Российской Федерации в системе международных отношений в период с конца 90-х годов XX века по 2016 год. Показана зависимость военной безопасности, опасностей и угроз военной безопасности от статуса России в системе международных отношений.

Ключевые слова: военная безопасность, опасности и угрозы военной безопасности, статус государства в системе международных отношений, Российская Федерация, средняя, региональная и мировая державы.

N.USHAKOVA

*PhD (Political Science), lecturer of the Department of public administration
and national security Military Academy of the General staff of the Armed Forces of
the Russian Federation*

INFLUENCE OF THE STATUS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS FOR ITS MILITARY SAFETY

Annotation. The article shows the dynamics of changes in the status of the Russian Federation in the system of international relations in the period from the end of the 1990s to the year 2016. Dependence of military security, dangers and threats to military security on the status of Russia in the system of international relations is shown

Keywords: military security, the dangers and threats to military security, the status of the state in the system of international relations, the Russian Federation, the average, regional and world powers.

.....

В современных условиях количество и разнообразие опасностей и угроз военной безопасности Российской Федерации постоянно увеличивается. Это обусловлено сложившимся противоречием, которое демонстрирует неспособность мирового сообщества, с одной стороны и, в первую очередь, ведущих мировых держав решать проблемы мирового развития без Российской Федерации (например, международного терроризма); с другой, их нежелание признавать национальные интересы России и право на их защиту. При этом, чем сильнее позиции России в системе международных отношений, тем более заинтересованы государства мира в сотрудничестве с ней по ряду геополитических, ресурсных, исторических причин и тем с большим количеством опасностей и угроз она сталкивается при обеспечении своей военной безопасности.

Анализ концептуальных документов Российской Федерации, обзоров внешнеполитической и дипломатической деятельности выявил определенную закономерность: за последние двадцать лет Россия значительно укрепила свой статус в систе-

ме международных отношений, пройдя путь от средней к региональной, а затем ведущей мировой державе, что явилось причиной увеличения и разнообразия опасностей и угроз ее военной безопасности.

С начала 90-х годов XX века по 2000 год в мировом сообществе говорят о «мире без России». В этот период на военную безопасность Российской Федерации влияют следующие опасности и угрозы:

- межнациональные, экономические и иные конфликты по периметру границ России;
- разрушение международных отношений с участниками СНГ, выстраивание партнерских и союзнических отношений («стратегического курса») с демократическими государствами;
- отказ от военных средств и акцент на политических средствах в обеспечении военной и иных видов безопасности, включая суверенитет, независимость и территориальную целостность.

В период с 2001 по 2008 годы наступает новый период в системе международных отношений. Намечился переход от «мира без России» к «Российской Федерации – средней державе», обусловленный изменением расстановки экономических, цивилизационных и военно-политических сил в мире и роли США, Великобритании, России, Франции, ФРГ после сентября 2001 года.

Этому способствовало наличие исторического, геополитического и военного потенциалов Российской Федерации.

Во-первых, исторический потенциал – «крупнейшая страна мира с многовековой историей и богатыми культурными традициями»; наличие развитых отношений со многими странами и интеграционными объединениями, прежде всего с государствами – участниками Содружества Независимых Государств, частью государств бывшего социалистического лагеря, а также Ближнего Востока, Латинской Америки¹.

Помимо этого, с Россией нельзя было не считаться, так как, являясь постоянным членом Совета Безопасности ООН, участвовала в принятии решений по важнейшим вопросам мировой политики и оказывала влияние на формирование нового мироустройства.

Во-вторых, геополитический потенциал – уникальное стратегическое положение на Евразийском континенте, позволяющее самостоятельно организовывать интеграционные процессы в Европе, Азиатско-Тихоокеанском регионе, Африке и Латинской Америке. Создание системы регионально хозяйства на постсоветском пространстве, в первую очередь, с государствами – членами СНГ, путем использование российской собственности за рубежом; возврата денежных средств в счет кредитов иностранным государствам и т.д.².

В-третьих, военный потенциал – уровень развития вооруженных сил, их количественный и качественный состав, как важный показатель геополитических возможностей страны; поддержание на достаточно высоком уровне российского потенциала ядерного сдерживания.

Вместе с тем, в этот период наряду с существовавшими опасностями и угрозами военной безопасности России появляются и новые:

- применение силовых методов при решении проблем международной безопасности, в обход действующих международно-правовых механизмов;

¹ Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Указ Президента Российской Федерации № 24 от 10.01.2000 г. / <http://www.kremlin.ru/acts/bank/14927> [обращение к ресурсу 20.02.2015]

² Военная доктрина Российской Федерации / Утверждена Указом Президента Российской Федерации № 706 от 21.04.2000 г. // Российская газета. – 25 апреля 2000 г. – № 80.

- неурегулированные или потенциальные региональные и локальные вооруженные конфликты;
- военно-политическое соперничество региональных держав;
- международный терроризм, транснациональная организованная преступность, а также незаконный оборот наркотиков и оружия.

В этот период национальные интересы РФ стали связываться с необходимостью «формирования пояса добрососедства по периметру российских границ и предотвращения возникновения потенциальных очагов напряженности и конфликтов в прилегающих к Российской Федерации регионах»¹.

Переход России от «средней» к крупнейшей Евразийской (региональной) державе, связующему звену между Европой и Азиатско-Тихоокеанском регионом, «способной принимать и проводить в жизнь суверенные решения в сфере национальной безопасности...»² и влиять на формирование международных отношений, в первую очередь, на региональном уровне был реализован в 2008 году³.

Урегулирование грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов оказали значительное влияние на статус и роль Российской Федерации в мире. Проявленные Россией способности в принятии решений в своих национальных интересах, инициировании подходов к решению региональных проблем и влиянии на региональную безопасность (План Медведева-Саркози 12 августа 2008 года) сделали Россию «младшим партнером США»⁴ и региональной державой.

Следует отметить, что опасности и угрозы, влияющие на военную безопасность Российской Федерации – «средней державы» значительно отличаются от факторов, воздействующих на «региональную державу». В первом случае, в сферу национальных интересов России входит способность взаимодействовать со странами ближайшего окружения и предвидение угроз, исходящих от них. В связи с этим основные угрозы вызваны: потерей статуса «средней державы», территориальной целостности, суверенитета, а также действиями соседних государств, поддерживаемых ведущими мировыми державами: США, ЕС. Например, экстерриториальное применение американского законодательства, экономическое и силовое доминирование США и стран Западной Европы, принимаемые ими военно-силовые решения ключевых проблем на постсоветском пространстве. Одним из следствий подобного подхода явилось формирование конфликтного потенциала на территории государств членов СНГ, по причине, например, реализации программы ЕС «Восточное партнерство», проведение политики «беспокоящих действий»⁵ администрацией Дж.Буша на всем пространстве СНГ.

Для России – «региональной державы» – основные угрозы исходят не только от соседних от государств, но различных регионов, которые реализуют стратегии

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации 28 июня 2000 года // mid.ru / archive [обращение к ресурсу 20.02.2015].

² Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2008 году // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации / http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2255624 [обращение к ресурсу 20.06.2016].

³ Концепция внешней политики Российской Федерации / Утверждена Указом Президента Российской Федерации 15.07.2008 г. // mid.ru/ archive [обращение к ресурсу 20.02.2015].

⁴ Совместная пресс-конференция с Президентом Франции, Председателем Совета Евросоюза Николя Саркози и Председателем Комиссии Европейских сообществ Жозе Мануэлом Баррозу по итогам 22-го саммита Россия–ЕС // Сайт Президента Российской Федерации / <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/2082> (обращение к ресурсу 20.01.2015).

⁵ Обзор внешнеполитической и дипломатической деятельности МИД РФ 2008–2015 гг. // <http://www.mid.ru/activity/review> [обращение к ресурсу 20.06.2016].

односторонних действий или «применяют военную силу вблизи границ РФ и границ ее союзников»¹.

Следует отметить, что региональные державы имеют возможность участвовать в решении международных проблем, формировании международной повестки дня, но исключительно в качестве экспертов в какой либо сфере (например, реагирование на стихийные бедствия и крупные техногенные катастрофы или содействие реформам в Египте и Тунисе в рамках «Группы двадцати»); рамках международных организаций как представители определенного региона.

При этом попытки России – «региональной державы» решать проблемы других регионов предотвращаются действиями ведущих государств мира: невозможность повлиять на Косовский кризис и предотвратить военные действия НАТО в Югославии в 1999 году; израильско-палестинский конфликт, финансово-экономический кризис в Греции (Еврозона). Зато как региональная держава, успешно решает вопросы внутри региональной безопасности: урегулирование грузино-абхазского, грузино-осетинского, нагорно-карабахского, и приднестровского конфликтов; блокировка попыток Украины внести в повестку дня Генеральной Ассамблеи ООН пункт по «голодомору»; участие в оказании экономической помощи государствам Центрально-Азиатского региона в рамках специальной программы ООН (СПЕКА).

Начиная с 2014 года и по настоящее время, Российская Федерация официально закрепляет за собой статус «одной из ведущих мировых держав», подтверждаемый не только ее концептуальными документами, но и конкретными действиями в системе международных отношений и мировой политике².

Подобный статус подтверждается, во-первых, последовательным достижением целей, поставленных военно-политическим руководством в первом десятилетии XXI века, которые постепенно реализовывались и превращали страну из средней державы, взаимодействующей со странами исключительно ближайшего окружения в ведущую мировую державу, оказывающую влияние на мировую политику и современную систему международных отношений. Так, в первом десятилетии Россия позиционировала себя как «одно из государств мира» – средняя держава, «фундаментальным приоритетом которого является формирование благоприятных внешних условий для поступательного внутреннего развития страны»³, в настоящее время усилия России сконцентрированы «на укреплении максимально широкого многостороннего взаимодействия в целях выработки подлинно коллективных подходов к решению глобальных проблем...»⁴. Во-вторых, востребованностью российских подходов в разрешении глобальных проблем; увеличивающимся количеством стран, поддерживаемых позицию Российской Федерации при решении проблем международной безопасности; способностью мобилизовать коллективные действия стран мира по противодействию угрозам международной стабильности (создание широкого антитеррористического фронта под эгидой ООН); российского подхода к формированию системы международных отношений в противовес американско-центристской.

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации // Утверждена Указом Президента Российской Федерации 15.07.2008 г. // [mid.ru/ archive](http://mid.ru/archive) [обращение к ресурсу 20.02.2015].

² Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2015 году (от 26.04.2016) // http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2255624 [обращение к ресурсу 20.06.2016].

³ Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2008 году // <http://www.mid.ru/ru/activity/review> [обращение к ресурсу 20.06.2016].

⁴ Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2015 году (от 26.04.2016) // http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2255624 [обращение к ресурсу 20.06.2016].

В-третьих, изменениями в военно-политической обстановке в мире — воссоединение Крыма с Россией (событие не регионального, а мирового масштаба); ролью Российской Федерации в борьбе с международным терроризмом (оказание помощи Сирийской Арабской Республике) повлекшей за собой серьезные изменения в статусе и роли ведущих мировых держав.

Следует отметить, что для ведущей мировой державы востребованным является сохранение своего статуса, а значит заинтересованность в конструировании системы международных отношений, учитывающей ее национальные интересы. Основные опасности и угрозы, влияющие на военную безопасность России — «великой державы» охватывают действия государств со схожим статусом (США, Великобритания) и малых стран (Украина, Грузия), международных организаций, военно-политического руководства зарубежных стран при защите ими своих национальных интересов; помимо этого и различные сферы жизнедеятельности: экономическую (санкции), культурную (запрет на участие в Евровидении), политической (отказ в участии Группы восьми G 8).

Необходимо отметить, что подобная цель стоит не только перед Российской Федерацией, но и другими ведущими мировыми державами: страны Западной Европы стремятся сохранить доминирование на международной арене, США пытаются удержать глобальное лидерство, доминирование.

Поэтому, в соответствии с концептуальными документами, Российская Федерация стремится к новой системе международных отношений, отличной от американо-центристской, которая опирается на коллективные принципы обеспечения безопасности, равноправие всех государств мира; взаимодействие в рамках международного права и при ведущей роли ООН. При этом значительное количество опасностей и угроз военной безопасности, если их не учитывать, способны затруднить данную задачу; снизить статус Российской Федерации — «одной из великих держав» до «средней державы».

Вячеслав Петрович ЗИМОНИН

доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, директор Института проблем безопасности и развития Евразии, профессор Военного университета МО РФ, советник Российской академии ракетных и артиллерийских наук

О СИСТЕМЕ БЕЗОПАСНОСТИ И СОРАЗВИТИЯ ЕВРАЗИИ КАК ОСНОВЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ И РОССИЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В условиях усложняющейся военно-политической ситуации в мире первостепенное значение имеет формирование системы безопасности и соразвития в Евразии как основы международной безопасности. Центральное место в этом процессе может и должна занять крупнейшая евразийская держава – Россия.

Ключевые слова: Россия, Евразия, США, система, безопасность, соразвитие, ЕАСБС.

Vyacheslav Zimonin

Professor, honored science worker of the Russian Federation, Director of the Institute of security and development of Eurasia, Professor of the Military University of defense of the Russian Federation, counselor of Russian Academy of missile and artillery Sciences

ON THE SYSTEM OF SECURITY AND CO-DEVELOPMENT OF EURASIA AS THE BASIS FOR INTERNATIONAL AND RUSSIAN SECURITY

Annotation. In the context of the increasingly complicated military and political situation in the world, the formation of a system of security and co-development in Eurasia as the basis of international security is of paramount importance. Central to this process can and should take the largest Eurasian power – Russia.

Keywords: Russia, Eurasia, USA, system, security, co-development, EABCD.

.....

Идеи российского евразийства имеют глубокие исторические, философские и геополитические корни и основания. Их формировали разные по происхождению и положению в обществе корифеи: географ П.Н. Савицкий, филолог князь К.С. Трубецкой, философ В.С. Соловьев, историк Г.В. Вернадский, богослов Г.В. Флоровский, которые не могли не опираться на авторитет военной элиты, к которой, безусловно, относился и Д.А. Милютин, который был не только выдающимся военным реформатором, ученым-географом, но и евразийцем по духу.

Основной геополитический тезис евразийцев: Россия – уникальная страна. Это не Европа и не Азия, а отдельный, своеобразный, но органичный мир, представляющий собой синтез европейского и азиатского начал, базирующийся на целостной евразийской нации, развивавшейся на почве объединяющей идеи православия. Это – самодостаточный мир, именуемый Россия-Евразия. Во всем этом, на мой взгляд, проявляются и миротворящая сила российского евразийства, и истоки необоснованной подозрительности, непонимания консолидирующей роли нашего государства на пространстве Евразии и в мире в целом со стороны некоторых соседей.

Многократно безопасность и целостность России подвергались в связи с этим внешним угрозам со стороны недругов, не приемлющих ее «самоность», однако

силой сплоченности, героизма и удивительной моральной стойкости своих народов Россия на протяжении столетий не только сохраняла свою независимость и суверенитет, но и многократно спасала на евразийском пространстве другие народы от порабощения претендентами на мировое господство, стремившимися выйти или к Тихому, или, наоборот, к Атлантическому океану: от крестоносцев и золотоордынцев до Наполеона, Гитлера и японской военщины. Достигалось это, к сожалению, ценой собственных огромных человеческих жертв и опустошений.

Мир, только в прошлом столетии переживший две мировые войны, очаги которых формировались именно в Евразии, к сожалению, не стал лучше. В канун проведения в феврале 2016 г. 52-й международной конференции по безопасности в Мюнхене – крупнейшего форума для обсуждения проблем в этой сфере – ее организаторы выпустили аналитический доклад авторитетных экспертов о положении в мире. Это был второй обзор такого рода. Первый, вышедший за год до этого, был озаглавлен «Разрушающийся миропорядок: **бездействующие защитники**». **Название второго – «Трансграничные кризисы, безрассудные деструктивные силы и беспомощные защитники» – свидетельствует о том, что, по их оценке, ситуация в мире только за один год критически ухудшилась, а те, кто призван укреплять международную безопасность, превратились из и без того ранее «бездействовавших» в ныне уже «беспомощных».** Авторы доклада, которых особенно беспокоила ситуации в Европе, с горечью констатировали, что цель, поставленная в ныне действующей «Стратегии по безопасности Европейского союза – 2003» – «добиться образования *кольца хорошо управляемых стран к востоку от Евросоюза и со стороны Средиземного моря*», не достигнута, а «вместо этого образовался *огненный круг. Безопасность Европы вновь под угрозой*» (выделено мной. – В.З.). В документе описана удручающая, хотя и далеко не полная картина «достигнутого»: «На Украине продолжается война. Война в Сирии ввергла в кризис целый регион и может поставить под вопрос существующие государственные границы на Ближнем Востоке. Она стала основной причиной самого масштабного со Второй мировой войны исхода беженцев. В Европе за 2015 г. появилось 15 новых «стен», что ставит под сомнение дальнейшее существование шенгенской зоны. При этом крушение государств как таковых наблюдается от Ливии до Ирака, от Мали до Афганистана ... Брюссель парализован сразу несколькими серьезными вызовами: шаткими договоренностями о необходимости поддерживать санкции в отношении России; продолжающимися спорами о Греции и судьбе евро; угрозой выхода Великобритании из ЕС и восстановлением границ; и, что... опаснее всего, растущей популярностью правой и националистической идеологии» [Коммерсантъ. 2016. 30 января; ВФМ.RU. 2016. 30 января].

Все это говорит о росте понимания опасности попыток строить систему международной безопасности на евразийском пространстве и в мире в целом лишь для отдельной группы стран (членов ЕС, НАТО...) в отрыве от интересов безопасности других государств (не только России, хотя главная цель, конечно – она, ее окружение и удушение). Это явилось следствием безропотной отдачи ими, как отметил в апреле 2016 г. наш президент В.В. Путин, «части суверенитета... лидеру НАТО – Соединенным Штатам» [Редакционная статья], ввергающими мир в новый хаос и использующим в этих целях все средства, включая глобальную систему ПРО, санкции и блокады, вскармливание международного терроризма, «мягкую силу» и т.д.

Складывающаяся ситуация вынуждает еще раз возвратиться к проблеме евразийства, формирования широкой Евразийской системы безопасности, способной не только удержать остальной мир от опасностей новой мировой войны, но и заложить основы для соразвития и процветания, и роли в ней России и других стран

[см. работы автора: Зимонин 1997; Новая 2006; Россия 2003: 81–113]. Тем более, что в условиях роста внутренних противоречий в Евросоюзе и дистанцирования от европейских проблем администрации США во главе с президентом Д. Трампом многие европейские лидеры начинают понимать важность выстраивания конструктивных отношений с Россией. Канцлер ФРГ А. Меркель заявила на пленарном заседании в рамках 53-й мюнхенской международной конференции по безопасности, что будет «неустанно работать» над установлением «хороших» отношений с Москвой, несмотря на существующие между Европой и Россией разногласия, и указала на важность для укрепления безопасности контактов между НАТО и Россией.

Министр иностранных дел России С.В. Лавров также заявил о необходимости сотрудничества с НАТО, хотя и отметил, что расширение НАТО привело к «небывалому за последние 30 лет уровню напряженности в Европе» и что, «если судить по некоторым выступлениям на Мюнхенской конференции», «холодная война» так и не закончилась. Министр представил на конференции свое видение нового «пост-западного» мирового порядка, суть которого заключается в том, что страны, опираясь на свой суверенитет, должны стремиться к достижению баланса «между своими национальными интересами и национальными интересами партнеров при уважении культурно-исторической и цивилизационной самобытности каждого из них».

На мой взгляд, для нашего государства вновь пришло время взять на себя благородную миссию спасения мира, но на этот раз путем недопущения новой мировой катастрофы, сыграть на опережение, а для этого вернуться к идее российского евразийства, но не в старом, изолированном от иного мира и невольно пугающем его, статичном варианте *Россия-Евразия*, а в облике *России в Евразии*. России активной, несущей в себе все достижения евразийской цивилизации и стремящейся к строительству мира и безопасности на нашем многострадальном континенте как основе всеобщего мира. У России полтора десятка непосредственных соседей – больше, чем у любой другой державы континента и мира. В этом и большой вызов, и огромная возможность конструктивного влияния на международную ситуацию, особенно с учетом кризиса в ЕС, признаков самоизоляции США и противоречий в НАТО.

Почему важно повышать роль России как инициатора и основы системы безопасности на континенте? Дело в том, что, во-первых, Россия является государством, кровно заинтересованным на опыте длительного, порой сурового, исторического прошлого в создании устойчивой системы безопасности на Евразийском континенте, где зарождались и в основном бушевали мировые войны, а, во-вторых – без России или вопреки ее интересам выстроить действенную систему безопасности невозможно.

Почему я говорю «вновь вернуться» к идее российского евразийства в этом новом качестве? Прошу поверить мне на слово (в своих публикациях я ссылаюсь на конкретные факты): как ни странно, но до буквально 22 и 23 июня 2016 г., когда президент России В.В. Путин в Госдуме и на форуме ШОС в Ташкенте с участием лидеров 18 государств призвал к «созданию **внеблоковой системы общей безопасности**» и формированию «**большого евразийского партнерства**» в интересах мира, безопасности и экономического сотрудничества на евразийском пространстве, общеконтинентальный **евразийский** подход к обеспечению собственной и международной безопасности в руководстве России напрочь отсутствовал. Ни в одном заявлении российских руководителей и ни в одном основополагающем документе Российской Федерации – ни в «Концепции национальной безопасности», ни в «Стратегии национальной безопасности» в разных их редакциях – нет упоминания о Евразии как о целостном объекте усилий нашего государства в области российской и международной безопа-

ности. Так, в утвержденном 31 декабря 2015 г. Указом Президента России документе «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» в пункте 97 вновь проявился «европейско-ориентированный флюс», выражающийся в том, что «Российская Федерация выступает за укрепление взаимовыгодного сотрудничества с европейскими государствами, Европейским союзом, за гармонизацию интеграционных процессов в Европе и на постсоветском пространстве, формирование в Евро-Атлантическом (непонятно, как и что может Россия «формировать» в зоне ответственности НАТО? – В.З.) регионе открытой системы коллективной безопасности на четкой договорно-правовой основе» [*Указ Президента*]. Но нет такой же четкой «установки» для Азиатско-Тихоокеанского региона и вовсе отсутствует нацеленность на формирование именно *единой, евразийской системы* безопасности, без чего вся, действительно очень важная, работа по названным направлениям не может обеспечить создание эффективной системы безопасности России.

Ни в одном нашем государственном органе – ни в МИДе, ни в Совете Безопасности, ни в Администрации Президента РФ – в отличие, например, от отделенных от Евразии океанскими просторами США, нет подразделения или хотя бы отдельного чиновника, в задачи которого входили бы предметный анализ, разработка теоретических основ и координация политики на евразийском пространстве в целом. Вместо этого предлагается реагировать на угрозы безопасности «в Европе, на Ближнем Востоке, в Закавказье, Центральной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе» [*Указ Президента*], то есть в важных для безопасности России регионах, но как бы разрывающих тело российской безопасности на части, при этом нет постановки задач, формирующих это тело применительно к Евразии в целом.

На мой взгляд, интересам нашего государства отвечало бы использование благоприятного момента, связанного с растущим авторитетом России, признанием конструктивности нашей принципиальной позиции в вопросе борьбы с международным терроризмом, о растущей угрозе которого также говорилось на 53-й конференции в Мюнхене, и возрождением национал-фашизма, для аккуратного, ненавязчивого и вместе с тем очень четкого выдвигания и последовательного отстаивания с позиции единственной крупной континентальной державы, занимающей огромные территории и в Европе, и в Азии и граничащей с самым большим числом государств Евразии, новой, действительно судьбоносной идеи. Идеи создания действенной **Евразийской системы безопасности и соразвития (ЕАСБС)** как основы российской, континентальной и глобальной безопасности, гарантии мирного соразвития и процветания народов, **независимой от разрушительного влияния на дела в Евразии со стороны внешних сил**, в первую очередь – вездесущих США. Что касается Соединенных Штатов, то, как заявил во время июньского 2016 г. Петербургского экономического форума президент РФ В.В. Путин, «миру нужна такая мощная страна, как США... Но нам не нужно, чтобы они постоянно вмешивались в наши дела, указывали, как нам жить, мешали Европе строить с нами отношения» [*Российская газета*].

Конечно же в одиночку такую систему безопасности создать невозможно. В отличие от США конструктивную роль в формировании ЕАСБС призван сыграть многомиллионный Китай. Многоплановое сотрудничество наших стран все более превращается в стабилизирующую ось на Евразийском материке. Для Китая актуален «российский фактор» в его отношениях со странами Евросоюза и Центральной Азии. Прежде всего, это касается сферы торгово-экономических связей и проблем военно-политической стабильности. Китай остается одним из немногих государств, заинтересованных в том, чтобы Россия сохранила и упрочила статус великой державы, что служило бы гарантией принятия ею независимых решений в различных

сферах [Кузык 2006: С. 527]. Для России же в долгосрочном плане выгоден такой вариант развития отношений Китая с Евросоюзом и Центрально-Азиатским регионом, который бы учитывал ее интересы и преимущества как крупнейшей страны в центре Евразии, готовой к быстрому развитию. Новые возможности в этом способна дать реализация на евразийском пространстве колоссального по масштабам китайского проекта «Один пояс – один путь». Активное подключение России к проекту «Шелкового пути», приведшее к эволюции формата проекта от «пути» к «поясу», способно придать и уже придает ему не только экономическую направленность, в чем силен Китай, но и надежную политическую, в том числе военно-политическую, устойчивость.

К формированию ЕАСБС необходимо привлечь действующие в настоящее время на внеблоковой основе многочисленные институциональные и негосударственные организации, форумы и режимы безопасности, в которых присутствует Россия (Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе /ОБСЕ/, активно развивающиеся Шанхайскую организацию сотрудничества /ШОС/ и Евразийский экономический союз (ЕАЭС), форум «Россия – Индия – Китай» /РИК/, механизм встреч лидеров более пяти десятков стран Азии и Европы /АЗЕМ/, Асеановский региональный форум /АРФ/ и другие /n/ субъекты), а также полномочное участие в ней **всех стран Евразии**. В наиболее общем виде это объединение стран и народов, представляющих более половины населения Земли, можно выразить в следующей формуле:

$$ОБСЕ + ШОС + ЕАЭС + АРФ + РИК + АЗЕМ + n - США = ЕАСБС$$

При этом $n = ОДКБ + ЗЕС + ЕС + ГУАМ + \dots$

Россия могла бы выступить с предложением об аккредитации в Москве международного оргядра для детальной проработки концептуальных и организационных вопросов, связанных с созданием ЕАСБС, вокруг которого могла бы развернуться достойная Третьего тысячелетия благородная работа по созданию эффективной системы комплексного обеспечения безопасности, всестороннего сотрудничества и соразвития в Евразии. Очень важно здесь слово «соразвитие» – оно дает перспективу не только мира, но и сопроцветания, а оно в условия войны невозможно.

Означает ли это, что не нужно уделять внимания укреплению европейской или азиатской систем безопасности? Отнюдь нет. Но и то, и другое – должно быть частью единого целого – формирования евразийской коллективной комплексной системы безопасности и соразвития. Иначе, как свидетельствует опыт кануна Второй мировой войны, мирный процесс может потерпеть неудачу.

Литература

1. Зимонин В.П. Новая Россия в новой Евразии: проблемы комплексного обеспечения безопасности. М.: Клуб «Реалисты», 1997. – 87 с.
2. Коммерсантъ. 2016. 30 января.
3. Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай – Россия-2050: стратегия соразвития. М.: ИЭС РАН, 2006.
4. Новая конфигурация силы в Азии и глобальные последствия: Отчет о ситуационном анализе, проведенном в апреле 2006 г. Научным советом при Совете безопасности РФ. М.: СБ РФ, 2006.
5. Редакционная статья // Независимая газета. 2016. 27 апреля.
6. Российская газета. 2016. 23 июня.
7. Россия и АТР: безопасность, сотрудничество, развитие. М.: ИДВ РАН, 2003.
8. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».
9. ВФМ.RU. 2016. 30 января [Электронный ресурс] (дата обращения: 23.02.16).

By Marco Ricceri

*Eurispes, Secretary general
Rome-Italy*

A STRATEGIC COMMUNICATION AT THE SERVICE OF A SHARED DEVELOPMENT PROJECT BETWEEN THE EU AND RUSSIA. UTOPIA OR REALITY?

1-Strategic communication: recent EU acts towards Russia

The starting point for an adequate reflection on the role of strategic communication in the relationship system between the European Union and Russia as well as on a possible contribution to improving cooperation between the two worlds lies in the analysis of the important acts approved on the matter by the European Council, the Commission and the Parliament in 2015 and 2016.

1.1-European Council: East StratCom Task Force

It is known that, on 20 March 2015, the European Council promoted the establishment of a specific body, the *East StratCom Task Force*, a new operational structure composed of a team of experts in strategic communication with the specific aim of tackling the misinformation campaigns organized by external actors in Europe, in particular by Russia, and instructed the High Representative of European Foreign Policy and its EEAS service to set up an action plan on this subject.

This plan has been elaborated and formally presented in June 2015: it pursues three specific objectives: (i) communicate and promote effectively the EU's policies and values between the countries of the Eastern Partnership (Armenia, Azerbaijan, Belarus, Georgia, Moldova, Ukraine), underlining the positive aspects as well as the concrete benefits that the European action can have on people's daily lives and their communities; (ii) strengthening the support to independent media in the countries of the Eastern Partnership and in the same EU member states; (iii) strengthening the EU's ability to foresee, face and respond to external misinformation campaigns. The counter-propaganda initiative is excluded.

The concrete actions envisaged by the plan and carried out by the team of experts, which became operational in September 2015, are mainly the following: the organization of proactive communication campaigns on the most important political issues for the EU; analysis and assessment of the trends that characterize the disinformation campaigns organized from outside, with weekly collection and publication of the misinformation elements in a special *Disinformation Review* (commentary on facts and news, not on opinions); support to the media system in the countries of the Eastern Partnership and the promotion of a new, specific regional communication program called *OPEN*. The team of experts consists of more than 400 members, has diverse competences and extensive knowledge of foreign languages, including Russian, and works with reference to the budget provided by the European program for strategic communication. To inform the millions of people who speak Russian, in the world and in Europe, EEAS has organized a dedicated website, *EEAS Russian language website*. The EEAS action plan also urges EU member states to strengthen the support to media independence in the Eastern Partnership» countries in connection with the *Organization of Security and Cooperation in Europe – OSCE* and the *Council of Europe*.

Obviously, all this activity program, like other similar initiatives of active EU promotion, was decided after the explosion of tensions for the Ukraine crisis and the annexation of the Crimea by the Russian Federation in 2014.

1.2-European Parliament: the Landsbergis Report

In support of the initiative taken by the European Council and the Commission, the Committee for Foreign Affairs of the European Parliament adopted on 13 May 2015 the *Report (2015/2001 (INI)*, presented by *Gabrielius Landsbergis* (Lithuania, member of the parliament). The document highlights the many violations made by Russia of international law and international security, of human rights and fundamental freedoms, in a blend of denunciations ranging from Russia's direct or indirect participation in numerous conflicts in the bordering states to the media control, with the limitation of freedom of expression, the repression of homosexual organizations, specifically the LGBTI League, on the basis of Russian law that criminalizes the so-called «homosexual propaganda» and the criminalization of civil society organizations through the «Foreign Agents Act». The document welcomes the decision of the European Council to promote an action plan to counter Russian propaganda and denounces the dangers of Russian support initiatives, including financial ones, to populist, radical and extremist movements in Europe.

The European Union – this is a first comment that comes spontaneously – has relations in all major geopolitical areas in the world; therefore also with regional realities and nation-states with dictatorial systems characterized by forms of particular repressive violence; but it does not result that none of these realities or nation-states have ever been subjected to such strong political denunciation, extended to the various areas of collective life, such as this EU document dealing with EU-Russia relations; a clear signal of the severity of the deterioration in the situation created between the two systems.

The long document also sets out the conditions for recovery of the EU's cooperation with Russia, which will be possible only on the basis of shared values and principles, concerning democracy, the rule of law and common interests. These are the aspects that we are interested in for the purpose of our reflection aiming at the search for the elements useful to recreate a possible convergence lines between the two realities, both Russian and European.

In this regard, the European Parliament's report is very clear and straightforward: as long as Russia continues to pursue an aggressive policy towards the neighboring countries, a return to normal relations, to the «business as usual,» as it is commonly said, it is not imaginable; as well as it is not even conceivable that the EU will re-launch with Russia the «strategic partnership» system, that was in force in the recent past. Under the current conditions, the document states, a constructive relationship between the EU and Russia can be thought in the interest of both parties only in the long run and in relation to the need to address «common global challenges such as climate change, new technological developments, the fight against terrorism, extremism and organized crime». Other areas of intervention where it is desirable to act with mutual benefits, always in a long-term perspective, are indicated in trade, transport, energy, contacts and exchanges between people, through *Erasmus Plus* programs and *Common Steps* on visa for short travel, cross-border cooperation. The report also recognizes that EU-Russia cooperation has «positive outcomes in some fields such as Northern dimension and cross-border cooperation; whereas Russia has been constructive in the recent Iran negotiations».

1.3-European Eastern Partnership: the Riga declaration

Also in the *Joint Declaration* adopted at the Eastern Partnership Summit, held in Riga on 21–22 May 2015, incidentally a document in which Russia is never quoted, the European

Union has confirmed, inter alia, the commitment to support «territorial integrity, independence and sovereignty of all partners». «The actions against Ukraine and events in Georgia since 2014 – the final text states – have shown that the fundamental principles of sovereignty and territorial integrity within internationally recognized borders cannot be considered as guaranteed in the 21st century on the European continent». In the commentary on the Summit's work, the President of the European Council Donald Tusk confirmed the value of this approach: «The main message of this summit is our strong, constant and consistent commitment to the Eastern Partnership and each of our partner countries. And it is a necessary message in the light of the tumults, the aggressions, the intimidation and even the war that in recent years have hit this part of Europe». Finally, the Summit document supports the above mentioned initiatives undertaken in Europe in the area of strategic communication.

1.4-European Parliament: the Fotyga Resolution

A year later, on November 23, 2016, the European Parliament approved a *Resolution on «Strategic EU communication to counteract propaganda against it by third parties»* (2016/2030 (INI)). The final vote of the document – approved by 304 votes to 179 with 208 abstentions – is indicative of the significant contrasts on the value and merit of such initiative. Also in this case, the premise of the Resolution concerns the complaint that «the EU, its Member States and citizens are under growing, systematic pressure to tackle information, disinformation and misinformation campaigns and propaganda from countries and non-state actors, such as transnational terrorist and criminal organisations in its neighbourhood, which are intended to undermine the very notion of objective information or ethical journalism, casting all information as biased or as an instrument of political power, and which also target democratic values and interests». In this context, Russia is explicitly accused of promoting a true information war, a kind of initiative that has been widely used by the Soviet Union at the time of the Cold War, defined as «a combination of military and non-military measures of a covert and overt nature, deployed to destabilise the political, economic and social situation of a country under attack, without a formal declaration of war». An aggression that is «targeting not only partners of the EU, but also the EU itself, its institutions and all Member States and citizens irrespective of their nationality and religion».

This first complaint adds another: «the propaganda and the intrusion of Russian media is particularly strong and often unmatched in the countries of the Eastern neighbourhood; whereas national media in these countries are often weak and not able to cope with the strength and the power of Russian media». In this situation, the EU institutions are invited «to recognise that strategic communication and information warfare is not only an external EU issue but also an internal one, and ... concern ... the number of hostile propaganda multipliers existing within the Union». An entire paragraph of the Resolution (points 7–15) is devoted to a specific denunciation of the aggressiveness of the Russian government in this field and the title clearly illustrates the content of the articles:» Recognizing and exposing Russian disinformation and propaganda warfare».

The subsequent paragraph – which has raised many objections – is dedicated to the «information warfare, disinformation and radicalization methods of the ISIS / Daesh», as if the two realities were comparable. According to a minority official opinion (expressed by the parliamentary group GUE/NGL, European Left-Nordic Green Left) this sequence is simply «irresponsible».

Among the main proposals to contrast and protect the integrity of the European system, the document presents those relating to the strengthening of EU-NATO cooperation on strategic communication; the coordination of existing instruments, including the ENP (European Neighborhood Policy), the European Fund for Democracy (EED), the Euro-

pean Instrument for Democracy and Human Rights (EIDHR), the Media Freedom Watch (the instrument for monitoring the freedom of the media); the promotion of cultural and social exchanges between local communities as key platforms for combating the prejudices of populations; media education (Media Literacy), the training of a quality journalism. Finally, the document concludes that one of the most effective measures against Russia's misinformation campaigns would be the existence of independent and free media within Russia itself; and, accordingly, stresses that achieving such a result should be the EU's goal.

The President's Putin comment to the document approved by the European Parliament is known: «We are witness to a political degradation of democracy in Western countries». But also in Europe widespread have been criticism and perplexity about this Resolution. As an example, we can call the statement by the European Journalism Federation (EFJ) who denounced «the confusion and the lack of consistency» of this act which «equates the Russian media with terrorist organizations as the Isis; does not distinguish between independent Russian media and those controlled by the Kremlin; confuses strategic communication, state propaganda, terrorist propaganda, counter-propaganda and independent information». In Italy, several commentators have highlighted the risk that behind the «support to the independent press' the European Union would arrange for a European censorship service to hinder the circulation of free information. According to some other comments, «the Resolution is a concentration of the neo-maccartism of fifties and ignorance of the media functioning, especially of social networks' (Il Giornale, Dec. 1, 2016); for others, such as the daily newspaper La Repubblica, «the document approved in Strasbourg obviously marks a point in favor of those who advocate for the hard line against the Kremlin».

1.5-European Parliament: the Global Trendometer

As an appendix and complement to the illustration made so far as well as a further confirmation of the key to reading the EU approach to relations with Russia, even in the next future, in term of strong opposition, we can mention the study «*Global Trendometer. Essays on medium and long-term global trends*» elaborated by the European Parliament's Research Service in the autumn 2016. The study presents the possible scenarios of the major challenges that the European system will face in the 2030–2040 projection: world tensions caused by water scarcity, increasing economic inequality among world population, questions about the primacy of US military power, the economic growth of the Asian continent, the ITC and technology revolution. Concerning the changes in the international relations system, a fundamental reference is made to the possible evolution of the current rapprochement and cooperation between Russia and China; and in this regard it is interesting to note that this possible, future alliance is defined in very restrictive and summary terms as an «authoritarian alliance» followed by the statement that all «global and regional actors will be forced to adapt to this situation». Among the elements of uncertainty, the European Parliament's study highlights the fact that «Russia's aggressive foreign policy endeavors could endanger the future partnership with China. Neither the willingness of China to support Russia in this, nor the level of Chinese leverage over Russian foreign policy, is clear». In essence, the messages and communications of the studies prepared by the European Parliament's services in support of the decisions of the EP members and disseminated to the general public do not hesitate to define the Russian system and its initiatives at international stage in terms of authoritarianism, anti-democracy, aggression, even in a mid- and long-term evaluation.

2-Rationality – Irrationality in the EU' acts

In order to contribute to change this kind of approach and building desirable synergies in strategic communication between the EU and Russia, the key-elements of the two

political acts approved by the European Parliament should be carefully considered. That because, unlike the above-mentioned Landsbergis Report, approved by the Committee for Foreign Affairs on May 13 2015, the Fotyga Resolution approved by the Assembly on November 23 2016 is a political act that does not offer any element to link any possible common EU-Russia verifications, a step that is indispensable for starting to rebuild – given that there is a real political will by the parties – a climate of mutual trust and cooperation between two systems that are complementary in many respects and which, however, both play a fundamental role on the international scene.

Hence the fundamental question: how many elements in the approval of this important European political act, the Fotyga Resolution on 2016, as well as of other similar acts, we may find as logical and rational or, on the contrary, illogical or irrational? How much the emotional, rhetorical, mythological elements have influenced the decision of European parliamentarians? The issue is not at all out of place, because for many years now many scholars, experts and protagonists of European life, facing the current system crisis – defined as a «existential crisis» by the same Commission's president Juncker in his report on the state of the Union in 2016 – have raised the following question: to what extent the rhetoric and mythology of Europe, practiced by its protagonists, prevented the promotion of concrete and realistic policies that could really respond to the true interests and needs of European peoples .

Moreover, also the report accompanying the Resolution on Strategic Communication and presented by the EP rapporteur Anna E. Fotyga, a member of the Parliamentary Group «Conservatives and Reformists», educated in USA, former Minister of Foreign Affairs of Poland, makes legitimate such a question. «Allow me first to strike a very personal note – she stated in this way at the beginning of her presentation – because this issue is also important for me personally. My whole public life – a large part of it under communist rule and afterwards – has been dedicated to countering the narrative exerted first by the Soviet Union and then by the Russian Federation of its special traditional sphere of influence. I always considered it very dangerous for our joint sovereignty because this same issue refers to many nations of Central and Eastern Europe; so I am very privileged to present it here today before Parliament».

These words call for precise objective facts: the feelings, emotions, vicissitudes experienced by the rapporteur of the Resolution are a real fact, as a real fact are his security needs, which become needs of the whole European system. But to what extent these real facts prevent the entire European system from identifying possible way out and from working in building more positive scenarios? In essence, we are facing with the central, not yet untied knot, which has been blocking the Union for years, since the time of great enlargement to the East. An enlargement by which the new member states have brought visions, stories, needs, very different from those of other member states, starting with the idea of sovereignty and national security. And it is no a coincidence that the entry into the EU's political and economic system for many of these countries went hand in hand with NATO membership.

This is an unprecedented situation of different visions, experiences, feelings and needs that the European Union has not yet been able to harmonize with the consequence of constantly finding obstacles and difficulties in building effective and positive external relations. It is with respect to this not recomposed situation that, for instance, the constant remind made in recent years to the need for «more Europe», or for a «political Europe», proved to be a rhetorical recall, to the myth of a united Europe more than to its concrete reality, which is still today characterized by very different fundamental needs. And the makeshift solution linked to the political hypothesis of a European Union that will proceed at different speeds in its integration's process between member states in the near future – a hypothesis also

confirmed by the commitments made by European leaders at the recent 60th anniversary summit of the Treaties of Rome (March 25, 2017) – is the confirmation of the mythological more than realistic character that has so far been followed by European authorities in the fundamental choices.

Undoubtedly, the decision of the great enlargement to 27 member states in 2004 and 2007 was a positive thing that the Union's protagonists experienced as a «historical duty», according to the words that a sincere European as the President of the Italian Republic, Carlo Azeglio Ciampi, addressed to the Italian Parliament in July 2005; a duty above all to those peoples «who saw in their accession to the EU the guarantee of their renewed freedom, the crowning of a half-century wait». «The costs of enlargement will be enormous,» stated European Commission President Romano Prodi on the eve of the new states' accession to the Union – but they are nothing compared to the cost of not proceeding to enlargement». In general, we can add that the choice of enlargement was taken by European leaders on the basis of unanimous consensus. However, for completeness, it should also be reminded that after around ten years from those events, in the midst of the crisis of the European system, many authoritative exponents have expressed strong rethinks on those choices. We can recall, for example, the words of former German chancellor Helmut Schmidt, expressed in an interview with the Italian daily newspaper, *Il Corriere della Sera*, shortly before his death. According to Schmidt all the problems of today (2013) «sank in 1991–1992 when enlargement overlaps with the rise of the euro. Then we made the double ridiculous mistake of inviting everyone to be part of the Union and at the same time to adopt the euro».

In the same interview, former German chancellor Helmut Schmidt invited European leaders to find a way out by recovering what he called the «European rationality», with a new institutional set-up to ensure the efficiency and real democracy of the Community system, in order to address also the problems of national sovereignty, worsened by the enlargement process, beyond the generic character of Europe's formula as a union of states and peoples. Indeed, as the current crisis of the European system demonstrates, still open today is what another former German chancellor, Konrad Adenauer, one of the founding fathers of the Union, identified as the main problem: building a common horizon for all people of the continent: «we all are living under the same sky – he stated – but we do not have the same horizon».

The problem has long been open. «Now the clash begins between reality and myths»: this was the comment by the British premier Tony Blair at the end of the European Council that in June 2004 approved the draft Treaty for the European Constitution, afterwards rejected in 2005 by the popular referendums of France and The Netherlands. This comment hit the target: it is also valid in the current situation, about thirteen years later, and brings us to the center of the tangle of many still open issues that prevent the European Union from acting promptly, transparently, effectively and consistently. In 2007, Antony Giddens, in his reflections on Europe in the global era, had no hesitation in denouncing the «bad faith» of political leaders who continued to promote the traditional project, refusing to address the reality of the great transformations of the contemporary world. «In the light of these changes – the scholar pointed out – we are forced to rethink the purpose and the identity of the European Union», realistically considering that peace in Europe is «more thanks to the presence of NATO than to the role of the EEC / EU» as demonstrated by the wars in the Balkans in the nineties; that in the global age «sovereignty has changed nature»; that «security issues come from weak states»; that in all continents there is «a revival of the nation state»; finally, that we must operate on the basis of an adequate understanding of the «nature of the contemporary world».

If the main open problem in the European system is to recover European rationality in order to act with realism and real chance of success both in the internal integration process and in the relationship system that the EU has with the outside world, therefore how is possible to link to this European rationality the choices to do in the field of strategic communication?

3-For a strategic communication between EU-Russia inspired by the principle of rationality

Strategic communication is, essentially, a top decision which gather around itself the whole activity of an institution, authority, association, company, including the objectives that such institution or entity is pursuing; and the choice of goals, rather than the methodology to be followed as well as the tools to use, is the real key step of any action to be taken. To what vision of the future, to what values and ultimate purposes, to what historical and political sense should the goals of strategic communication between the EU and Russia be linked? Is it possible that the confrontation between two geopolitical and geo-economic realities that are so important, close to each other, with so many common histories, can not find elements on which to converge and build a situation useful to verify the real targets and meaning of their respective initiatives in the field of strategic communication? It is just the principle of rationality that rejects any idea of closure and impossibility to operate in this direction; also because there are areas and situations where this cooperation between the EU and Russia is a living, continuous, constructive fact. For example, the common commitment to the definition and approval of United Nations Agenda 2030 for Sustainable Development and the building of a new global growth model, the shared commitment in G20 Summits for new world governance, the promotion of fundamental human rights within the Council of Europe.

In this respect, we must recognize that while the Resolution of the European Parliament approved in 2016 objectively does not provide useful indications for identifying areas of possible renewal of EU-Russia co-operation, being entirely oriented towards the harsh and rigid contraposition, on the contrary, the Report approved by the Committee for Foreign Affairs in 2015, despite its equally rigid and strong denunciation and logic of contrast, however does provide positive indications on which to start a constructive confrontation. Where the document indicates that both the EU and Russia are committed to providing a long-term response to the great challenges of the contemporary world, from climate and demographic change to the technological revolution, in fact it opens up a door to a cross-check: what future EU and Russia want to build? What idea do they both have of a possible future?

In both systems, laws and programs are trying to overcome the current crisis and create conditions for the recovery of a steady and balanced progress. But as one of the leading promoters of strategic planning stated, the Turkish-American scientist Hazan Ozbekhan (1968), co-founder and first director of the famous Club of Rome, «planning a truly sustainable economic and social progress is not to project the present in a future that we wish to build, but, conversely, to trigger in the present time an idea of the future that we imagine as possible and worth living ... the main subject of planning is the willed future». Hence the question: what ideas of the future express the initiative in the field of strategic communication promoted so far by the EU and Russia? And again, what idea of alternative direction, what idea about the recovery of a positive historical sense of such activities might emerge with the launch of common comparisons and checks on the ultimate goals of strategic communication organized in the two realities? It is sure that a check of the goals pursued in this area of communication could bring important positive elements of novelty because the two systems, the European one and the Russian one, certainly do not represent alterna-

tive models: we are, therefore, facing two genuinely capitalist models, even though each of them practices democracy and organizes the functioning of the institutional system and the rules of internal cohesion on the basis of constraints stemming from numerous factors such as, for example, historical experience, geographic size and location, ethnic diversity of the population. In short, Russia of today is no longer an ideological alternative model to that of the European Union. And it is precisely starting from this consideration that the application of the principle of rationality to the goals of strategic communication» activities could bring the two realities into finding convergent paths on shared goals.

After all, more and more frequent and widespread are the questions about the value of the real aims that contemporary man is pursuing with his actions. These are questions that concern, of course, politics but also economic and social progress. In this sense, the trinomial Information – Communication – Knowledge should be integrated with a fourth factor: Wisdom. And that's just to try to give a valid answer to the basic questions: where are we going? Where can we go? What is the real meaning of things we're doing? The things we are doing make any sense?

With the EU and Russia, we are facing with two complex systems, two decisive players of world progress: as a result, the fundamental moment in defining the goals of strategic communication can not fail to take up this kind of questions as well. And it is precisely with reference to these questions that it becomes possible to overcome the limits of an emotional and irrational approach and replace it with a more proper and valid: that is, the rational approach, with clear benefit for both.

We have come to a crossroads, stated recently a great international communications expert, the Finnish Tapio Varis, who cooperates with UNESCO: building a new world order requires among other things «to block the temptation to militarize our mind and use the language of war; on the contrary, we have to seriously propose to create a mentality of peace and to promote educational programs in this direction «(2017).

4-F.E.S. (Germany): an example of a rational approach

An example of recovery a rational approach in the definition of the strategic communication goals is offered by an important initiative set up by a German foundation, the Friedrich Ebert Stiftung, promoted in 2013–2015 for «A Shared European Home» between EU, Eastern Partnership countries (EaP) and Russia.

In 2014, the German foundation organized a team of experts with the task of drawing up scenarios on the future of relations between these three systems by 2030. In 2015, these scenarios were presented and discussed in thirteen capitals in Europe and North America with the involvement of over than nine hundred researchers, experts, diplomats, politicians, journalists, and students. Scenarios propose four different types of «common home»:

«1) a *Shared Home*, in which pragmatic cooperation characterizes relations between the EU, Russia and the six countries «in between». A commonality of interests, but not of values, leads to a gradual rapprochement among all concerned after the deep crisis of 2013–16; 2) a *Common Home*, characterized by interest-driven cooperation and a communality of values; 3) a *Broken Home*, where a European Home as such no longer exists, instead by 2030 Europe is back to a Cold War-like situation with confrontation instead of cooperation, without common interests, and clearly without common values; 4) a *Divided Home*, also called Cold Peace, where the current status quo continues, with a few common interests, some conflict and increasing divergence in values».

The result of this verification is very interesting because offers important suggestions also on the matter of possible tests and common actions in strategic communication, particularly with reference to the definition of its goals.

According to the final report, «one consensus that emerged from all these debates was that – against the backdrop of the deep crisis in EU-Russia relations – the Common Home scenario was unlikely to materialize by 2030. It could, however, serve as a vision to guide policymakers in the EU in their long-term strategy. As one participant in the Bucharest debate remarked: «the Common Home is like the North Star – it can show us the way, but at the same time we know we will never reach it».

Many interlocutors expressed the view that the current status of EU-Russia relations may be related to the scenario described as Divided Home, with real risks that the open crises, such as the Ukraine crisis and the crisis in Syria, by their nature and their characteristics may over time further deteriorate the relationship between the two realities and recreate a Cold War situation, already lived in the past, with very serious risks for the peace.

In any case, the conclusion of all debates on possible future scenarios is as follows: «if the Common Home seems out of reach for the moment, then the EU should avoid the Broken Home, stabilize the Divided Home we currently seem to be heading for, and try to achieve the Shared Home as a medium-term policy goal».

Once identified for the European Union the medium-term strategic objective in building a scenario defined by a Shared Home, the German foundation's report defines the conditions to be met to achieve it. «The aim for the next five to ten years would be the return to pragmatic cooperation not only with Russia, but also with all the countries of the Eastern Partnership (EaP), based primarily on shared interests».

The hypothesis of a pragmatic cooperation to stabilize relations, make them more predictable and address them on a path that can produce widespread benefits, does not hide the big differences between the systems both in domestic and international politics; but in any case it creates a platform to start a cooperation surely from somewhat limited boundaries but able to start a constructive process of positive future evolutions.

This requires the European Union, for example, to clarify well and communicate in full transparency, what are its objectives and priorities to be pursued in the medium and long term, with regard to border security, but also to economic and social development. In particular, the economic interdependence, currently existing between the EU, the countries of the Eastern Partnership and Russia, must be strengthened to the utmost in order to avoid the possibility of a further deterioration in the political relations between the three systems. It is precisely this economic interdependence – the report emphasizes – which has so far prevented the explosion of even more serious conflicts than the present ones.

In addition, the EU is required to carefully assess its own initiatives and to take into account the sensitivities and requests of the countries involved, including Russia; in particular to consider the requests from local communities and civil society organizations. Finally, the German foundation's report presents some concrete proposals to advance this pragmatic cooperation, such as: correcting the asymmetries that exist in the economic interdependence between the three systems, the EU, the EaP, Russia; to establish an economic cooperation plan linked to the implementation of the Minsk agreements, inspired by a post-Minsk vision, in which also a shared reconstruction plan for the Donbas region must be included; the institutionalization of a forum for the dialogue between the EU and the Eurasian Economic Union (EEU). In conclusion the report recommends that the formula «let us agree to disagree on some issues, but still try to find common grounds on others' should be the guiding principle for EU policy vis-à-vis Russia, also when confronting global policy challenges». «This principle – the report states – should be the cornerstone of the attempt to build the Shared European Home. It would prove its value especially if the EU and Russia were able to create – smaller or bigger – success stories of cooperation despite the current, deep disagreement over Crimea and eastern Ukraine».

A final comment

Strategic communication is a constituent, essential factor to the success or failure of this political hypothesis aimed at promoting cooperation that privileges a system of «pragmatic interest-driven relationships». The form of cooperation deemed to be the most appropriate way of reconstructing an effective dialogue between the EU, EaP and Russia. The rational approach on which this hypothesis is based requires coherent actions; consequently, that even the strategic communication» initiatives leave aside every emotional and mythological element to concentrate, conversely, on actions defined, namely, by rational goals and developed on logical paths; on elements, in short, that is difficult to find in the documents approved so far by the European Union.

Appendix

The last EU enlargement: the historical profile of some new member states

Croatia, 28th EU member state since July 2013, is an independent state since June 25, 1991, that is only a little more than twenty years, a goal achieved at the cost of a war. In 2009 it joined NATO. Throughout its history, Croatia has never had a true independence. From 1102 to 1918 it was member: first of the Kingdom of Hungary; then, from 1603, of the Habsburg Empire. After the World War I, in 1918, was incorporated into the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, which became the Kingdom of Yugoslavia in 1929 and then, after the World War II, Republic of Yugoslavia in 1947, until 1991.

Slovenia became a member of EU and NATO in the same year, 2004. Slovenia also, such as Croatia, achieved its independence in 1991, that is only a little more than twenty years; and, as Croatia was part of the Kingdom of Hungary, the Habsburg Empire, the Kingdom of Yugoslavia, the Republic of Yugoslavia.

Slovakia, a member of the EU since 2004, is an independent state since 1993, exactly since twenty years. Throughout its history, it has never had a full independence only for a few days in 1918, at the end of World War I. Annexed to Czechoslovakia, it was a satellite state – Slovak Republic – in the German area of influence from 1939 to 1945, before being re-absorbed into Czechoslovakia. Even the **Czech Republic** has shared the same experience of Slovakia: member state of the EU since 2004, it is independent only since January 1, 1993. For centuries, under the Habsburgs, was considered a personal property of the emperor. As Czechoslovakia had a short period of independence after the World War I from 1918 to 1938 (1st republic), as German satellite state from 1938 to 1945 (2nd republic), again as an independent state from 1945 to 1948 (3rd republic) again as a satellite state of the USSR. Only in June 1990 was able to perform free elections. A special witness of the sensitivity of this population regarding the protection of national sovereignty has occurred in 2007, when Parliament has asked the Supreme Court to establish a ruling and clarify if the Lisbon Treaty violates national sovereignty or less; and only after a positive ruling by the Court and the overcoming of the strong resistance from the President of the Czech Republic, Vaclav Klaus, it was possible to achieve the approval of the treaty.

Fully independent since 1989, with President Lech Walesa, **Poland** joined first NATO in 1999 and then the European Union in 2004. Independent kingdom in the fifteenth century, the history of Poland is characterized by a series of annexations (the Polish Lithuanian Confederation was promoted in 1569), divisions (in 1772 and in 1793 between Prussia, Russia and Austria; in 1939 between Germany and Russia) as deletions as sovereign state (in 1795, followed by the French protectorate of the Napoleon over the reduced Dukedom of Warsaw). As republic was independent only about twenty years after the World War I, in

the period from 1918 to 1939, then under the control of the USSR after the World War II, for more forty years.

Lithuania also, like other states of Eastern Europe, joined in the same year 2004 both NATO and the European Union. Independent Grand Dukedom in the Middle Ages, for centuries was united to Poland, in the first instance with the personal union of the sovereign, then, from the fourteenth century, in the form of Polish Lithuanian confederation and again, in 1569, as Republic of the two peoples. Lithuania has achieved full independence only after the World War I, on April 4, 1919, before being annexed by the USSR in 1940. It was the first Baltic republic to regain the independence on March 11, 1990.

References

10. BLAIR TONY, *Interview*, La Repubblica, Roma, July 1 2004
1. CIAMPI CARLO AZEGLIO, *Speech to the Italian Parliament*, Roma, July 6 2005
2. CIAMPI CARLO AZEGLIO: *Dall'Europa all'Euro, dall'Euro all'Europa*, a cura di F. Galimerti, Treves, Roma, 2004
3. EPRS-EUROPEAN PARLIAMENTARY RESEARCH SERVICE: *Global Trendometer. Essays on medium and long-term global trends*, Study, October 2016, Brussels, 2016
4. EASTERN PARTNERSHIP SUMMIT: *Joint Declaration*, Riga May 21–22 2015
5. EUROPEAN COMMISSION: *Action Plan on Strategic Communication*, Brussels, June 2015
6. EUROPEAN COUNCIL: *European Council Meeting (19 and 20 March 2015). Conclusions*, Brussels, March 20 2015
7. EUROPEAN PARLIAMENT: *Resolution on Strategic Communication*,(2016/2030(INI), Brussels, November 23 2016
8. EUROPEAN PARLIAMENT: *Report on the state of EU-Russia relations*, Committee of Foreign Affairs, (2015/2001(INI), Brussels, May 13 2015
9. FES – FRIEDRICH EBERT STIFTUNG: *Germany and Russia in 2030. Scenarios for a Bilateral Relationship*, Berlin, 2030
10. FES – FRIEDRICH EBERT STIFTUNG: *A Shared European Home. The European Union, Russia and the Eastern Partnership*, Berlin, 2015
11. GIDDENS ANTHONY: *L'Europa nell'età globale, (Europe in the global age)*, Ed. Laterza, Bari 2007
12. PRODI ROMANO, *Interview*, La Nazione, Firenze, October 10 2002
13. SCHMIDT HELMUT, *Interview*, Il Corriere della Sera, Milano, February 17 2013
14. VARIS TAPIO: *Interview*, Newsletter n. 1, Gabinete de Comunication, Barcelona, 2017

Zlatan LUKIĆ

MA in political science, international relations and diplomacy, PhD Security and Peace Studies, Faculty of Political Science, University of Sarajevo, Bosnia and Herzegovina.

e-mail: zlatan.lukic@hotmail.com

POLITICAL AND ECONOMIC CRISIS OF EUROPE

There is a growing economic crisis at the old continent, caused by political relationship, there is the decline in most national economies in the countries of the European Union. And as such, affect the spread of discontent and rising unemployment, and all the expressive divide between «richer north and poorer south,» as well as the very center of Europe, in a general noticeable insecurity, thus creating conditions for the radicalization of the political scene in the European Union. Ie, shaking the foundations of European contributed to the refugee crisis, which has engulfed the European Union, and threaten the security threats of terrorist attacks. This had a considerable impact on the economic, financial and monetary stability of the European Union, bringing into question the relationship of mutual policies. Deepening crisis of neo-liberalism has opened a new chapter in the class struggle, which excludes politically and socially degraded sacrificed wider layers of the population. Europe is in trouble, and to cope with them, it can only be mutual support and harmonization of political attitudes, without which not even the smallest possible social consensus, which can seriously disrupt the democratic process and the protection of human rights, looking at the problem as a serious symptom crisis of democracy.

Keywords: political, economic and democratic crisis, radicalization, security.

.....

INTRODUCTION

It is not disputed that Europe has problems, but these problems are caused by instability of political uniformity and penetration of the capitalist model in imposing economic trends, to the west and the east of Europe. Looking at the current Europe, it is clear that it is not unique, that argument is, therefore, are a major economic risks are present primarily due to inequalities within the political expression of the most influential countries in Europe, eg., Withdrawal of Great Britain from the EU. On the other hand Germany is no longer such a dominant economic force, it indicates a lack of manpower, which is reflected in the political crisis, caused by great migrations from the Middle East. On the other hand we have a security breach, France is the biggest target of threats of terrorist attacks, which further brings unrest, and the deepening crisis both political and economic. Getting back to the emergence of economic weakening Europe which began in 2008, and lasting, it was impossible not to understand, that this crisis is reflected in the political parties within the EU and by their behavior cause a political collapse, ie., The collapse in trust policy institutions.

As long as a particular model of capitalism successfully functioning, political pressures are offset by material progress. But if the economy starts losing momentum – and it turns out that this is not just a passing phase, but a symptom of deeper contradictions – the devastating effects of capitalism on society become politically toxic. This happened 2008. When a failure of free trade, deregulation and monetarism in ensuring further growth interpreted as an announcement of the «new normality» of endless budget cuts and reduced expectations, and not as a passing banking crisis, inequality, unemployment and cultural dislocation from the period which is preceded the crisis could no longer be justified – such as high tax rates from the 50s and 60s of the last century have lost legitimacy in the era of stagflation 70s. If you really love about that transformation, moderate reformers who are working to

solve individual problems such as migration, trade or income inequality necessarily losing the battle with the politicians who question the system itself. In a way, the radicals are in this case right¹.

1. POLITICAL CRISIS OF EUROPE

The idea is pushed to the margin of the combined forces of denial, rebellion and erroneous beliefs. Denying the establishment of the EU that economic architecture Union simply was not prepared for the crisis of 2008 produced a deflationary trends that delegitimize the European project. Predictable response to the deflation was a rebellion anti-European parties across the continent. Most of all concerned misconception establishment that the nationalist tide can stop «soft federation»². It is obvious that the political structure (system) of the European Union, since its foundation falls into the worst political crisis. Large shot EU is fully set itself the United Kingdom, its withdrawal from still unknown reasons from the EU. We can assume that there is a possibility of the disintegration of the United Kingdom, where Scotland advocating independence in one of the new the referendum and gain support for the idea. Then the growing presence of the parties the right orientation and its attack to power in Germany and France, which advocates and promised that France would withdraw from the EU. And an additional blow to the shaky political structure within the European Union, is the arrival of the new US administration and its new the president, who does not inspire safety and certainty in the financial markets.

In the opinion of the Director of the Foundation Think Tank Fund, Open Society Goran Buldioski indicates that the current crisis in Europe is not no refugee is not financial, but political crisis whose overcoming missing agreement. «This is a crisis of the system that can not or does not know how well it works and answers to all the challenges that the biggest problem. This is a political crisis in which the government can not agree, the European Commission, and what should be a European government, they do not have enough seats. This problem is an agreement, not so much what happens³. « That lack of a political agreement when Europe is concerned and its internal structure, I'm sure it does, and that is less of a unified position, which without doubt, a problem for the survival of the EU. It is true that there is a danger of over-generalization.

According to the British activist and journalist Kevin Ovenden, should we keep in mind the national specifics. But even with them in mind, there are fundamental processes that take place on the European continent, as well as the existence of the European Union, which does not replace national policies but allow their harmonization. Processes that are in očljivi, as the first: the alienation of people from the old political order, especially since neoliberalizovane policy center. It was the policy of the mid-nineties of the last century onwards, showing the center-left in the form of, for example .: Bill Clinton in the United States, and Tony Blair, Lionel Jospin, Gerhard Schroeder, Kostas Simitrisa, Romano Prodi ... All of them are switching not only as a right Social Democrats, but also in the form and content of this policy to the neoliberal course. Privacy has become a technique to win over a small number of people. Indicating alienation from politics. It precedes the beginning of the crisis after the bankruptcy of «Brace Liman», or will it be fast, because the response of

¹ *Kaletsky, A.* The crisis of market fundamentalism: We need even more comprehensive intellectual revolution, accessed: 24/01/2017 URL: <http://thebosniatimes.ba/clanak/7136>.

² *Varoufakis, Y.* New Deal for Europe, Copyright: Project Syndicate 2017 A new deal to save Europe, Social Europe, 01.25.2017. Translated by Djordje Tomic, Accessed: 30/01/2017 URL: <http://www.6yka.com/novost/120093/yanis-varoufakis-nju-dil-za-evropu->

³ «There is no refugee is not economic, but political crisis,» Accessed: 19/02/2017 URL: http://www.b92.net/info/vesti/index.php?yyyy=2015&mm=10&dd=02&nav_category=1262&nav_id=1046433

the left and center-right in terms of the austerity policies was, with minor variations, virtually identical. There have been attempts by the city to themselves support, given that in some countries people at first said, «Well, maybe saving is the only alternative,» because of the huge national debt, but, according to opinion polls, more is not a single place, including Great Britain, where people accept the austerity measures. The government is unpopular, and its policy. The government is increasingly turning racially based, nationalist and chauvinist policy. This started from the center, but paved the way for the growth of far-right. Far right, especially extreme fascist right, has not experienced an increase in fighting against the state. The state and its policies have focused their time far right or to the left there are big variracije, the fact that political force manages to take advantage of this mood. As in the UK, surprisingly, Jeremy Corbyn, who is in his policy, in essence, a radical leftist seized the opportunity and so worked out that in the process similar to the preliminary elections in the United States is elected as leader of the Labor Party. In Greece it is Syriza, which has already existed as a party; in Spain Podemos, completely new creation ... There are many variations, but these are the basic processes¹.

Looking back on 2016, Europe is shaking more crisis events. I will try to briefly analyze significant events, firstly: 2016 began as the previous ended, the focus of migrant crisis. Many refugee columns of people were strolling through the Balkans, the Hungarians were against passing through their territories, so they built a fence, Austria has closed its border, in Greece, thousands of people remain trapped, as well as in Serbia, where he spent several thousand refugees. Further, in the first month of 2016, the European Commission promises to lead the fight against tax avoidance by big companies. The affair known as Lux-leaks «proudly» shows that countries such as Luxembourg, Ireland, the Netherlands and the other completely legal attracted big companies ridiculous tax rates. Initiate proceedings against the Polish where conservative government ties the hands of the Constitutional Court. Official Warsaw is opposed to «interference in internal affairs». As things continue to take place in the deepening political crisis of the EU, and that the United Kingdom is increasingly advocated leaving the EU, announcing the referendum and which is carried out, the outcome is known. The refugee crisis is still current, but the agreement between Brussels and Ankara followed, in which Turkey is obliged to receive back all refugees, who from its territory illegally lands on the Greek Islands. the chancellor of Germany Angela Merkel, after the criticism which has been exposed, becomes the main promoter of this way of stopping refugee waves. However, in the provincial elections populist alternative to Germany achieved excellent results.

Terrorist attacks in Brussels, at the airport and one metro station Islamists killed 32 people. Terrorists come from Belgium, France and Syria, some of them arriving as refugees allegedly through the Balkan route. EU reacts more stringent controls. Events in the Netherlands where holađani in a referendum to reject their government to sign the Association Agreement with Ukraine. This is a new victory populists, who are the referendum into a vote of confidence to the government Mark Rutte and the European Union. In May 2016, Norbert Hofer candidate of the Austrian right-wing narrowly lost the election of an independent candidate Alexander van der Belene. The complaint right hand is, however, accepted and elections are repeated. Finally wins Van der Belen, but the Freedom Party of Austria remains the single strongest party. The sixth month of last year, in which Martin Schulz President of the European Parliament, says that the EU is in poor condition, to clarify that elections and referenda receive centrifugal, extremist forces. If we

¹ Ilić A. The crisis of the European Union, the rise of right-wing and left-wing response. Interview with Kevin Ovenden, Accessed: 19/02/2017 URL: <http://www.marks21.info/intervju/kriza-evropske-unije-rast-desnice-i-odgovor-levice-intervju-sa-kevinom-ovendenom>

bring into question the core of the European project, then we play the future of the next generation¹. «And how was announced, behind one of the biggest shocks of the EU since there is, and it is well known as, Bregzit. The head of British indenpendista Nigel Faraz, points out that the victory of honest, normal and dignified people, further explains that this is a victory over banks, groups of companies and politicians.

Listed is the new Prime Minister of Great Britain Teresa May, which says it can not hope «soft Bregzitu», the other 27 EU member states, but it is said that out of the question to London leave the EU, but to retain the benefits of the free market. As it is anticipated that in mid-2017, should be officially submitted the request for withdrawal from the Union. It will be the first time that a country leave the EU. The turbulent years of crisis in Europe, and in the summer months continues to refugee, and terror, in Nice (07.2016), where one Tunizanina truck flies in the mass of people in which 85 people were killed in a terrorist attack. Then attempt the coup in Turkey, which is characterized as the beginning wave of purges of political opponents who are accused of alleged support to terrorists². How do the people say «when it goes wrong, it comes from all sides», and Evrepu despite all the serious events which I previously nave, come and elementary nature, earthquake in August, the Italian town of Amatrice is wiped off the map, 300 people were killed. A heavy blow to the economically troubled Italy. After a turbulent summer events, Bregzit is again topic. The European Parliament in Bratislava without the presence of the United Kingdom, re knockout for the EU, whose members talk about it, approach taken toward Bregzitu. From the above, it can be noted that a lot of crisis elements impair the stability of Europe. There is still a fierce disagreement about migration policy and lack of solidarity. Culminating request the Luxembourg Foreign Minister Jean Asselborn to take Hungary out of the EU. In addition to discussions about migrants, north and south is as usual disagreements on budget policy. And at the end of the year in November, the problems start with Turkey in which the European Parliament requested the freezing of the accession process of Turkey and the EU. Foreign Ministers of the EU do not follow the recommendation of parliamentarians, but to announce that there will be opened new chapters of negotiations with Ankara. Officials in Vienna, the only clearly say that Turkey will never be a member of the EU. On the other hand, the approach should remain open to the Balkan countries. And as «icing on the cake», the end of the year 2016 and all negative developments that political destroys the EU is, a new victory opponents of the EU, which is marked by referendum in Italy, where two-thirds of citizens were against Renzi idea that the legislative procedure simplification, Parliament reduced and facilitate the adoption of laws. Renzi goes, the thing takes first technical government which first deals with saving banks. Turbulent crisis struck, both on the economic and financial field and in the security of the citizens of Europe to terrorist threats, such action took place on the Christmas fair in Berlin, while killed 12 people. And more important, what characterized the last year is, Populist The alternative for Germany, which further strengthens and, according to opinion polls, enjoys the support of 15.5 % of Germans³. Europe is in a difficult crisis, and as much as it seemed cruel, She, survives a difficult period, particularly the EU whose foundations were shaken well. In this brief review of the most important crises in the past year, in a chronological description, certainly shook the political landscape of the EU, we must not deceive ourselves, and accept lightly these crisis situations, which, not even a little naive. How things stand now, when you think about it, come to the conclusion that for a long time we will find a solution

---

¹ «All crises of the European Union in 2016». Accessed: 19/02/2017. URL: <http://www.dw.com/bs/sve-krize-evropske-unije-u-2016/a-36920834>,

² Also,

³ Also,

for the political prosperity of Europe. First of all, that Europe is destroying the now quiet radicalism, which is magnified, calling through it, in the name of safety and security of the national values of the country.

2. ECONOMIC CRISIS OF EUROPE

I can not agree that Europe is facing economic collapse, that economic relations in crisis, that, not that Europe does not have the power and means of establishing strong economy. Are migration affected the economic stability of the European countries? It is possible, first of all, this applies to, obtaining cheap labor and businesses, which are in deficit. And also, all that process around care faces, which must be introduced into the system of one Member (registration, residence, Social, Health security etc.). The economic picture of Europe is such as to raise the political structure, which in the previous labeling you could see that the political landscape of the EU is not so superior, that is, their deals, theoretically, it can be good and bad for economic stability.

In his «Memoirs,» Jean Monnet is in one place, noted: «People accept the change only when they are faced with necessity, and only recognize necessity when faced with a crisis.» The first signs of a systemic crisis in the European Union have occurred even after the adoption of the Maastricht Treaty in 1992. After that, followed by frequent changes of the Treaties. To change such a situation Monnet recipe is clear – change is necessary. The new Treaty or Reform Treaty, as they are also called, was adopted on 13 December 2007 in Lisbon. After a large number of mutually exchanged concessions, the text of this agreement has finally been the lowest possible factor around which they all stakeholders agreed. In order to fully able to understand today's economic crisis within the EU, we can not ignore the data presented by economic experts 90s of the last century. Economists claim that the European Union is not an optimal currency zone politicians have neglected. Also, they thought that if the kill, adopting a series of political decisions which will drawbacks (in the example shown, insufficient labor mobility) to supplant the. This is the best illustration of the implementation of the «strategy of fait accompli.» The financial and economic crisis that neravnomicijernim intensity earthquake in the European Union last five years, as one of its consequences has shown the shortcomings of an intergovernmental method of decision-making in the economic and monetary union. The European Union has exclusive competence in monetary policy for the countries whose common currency is the euro. Monetary Union, a group of countries is managed in a different way by a group of states that have not adopted the euro as a common currency. On the other hand, economic union, is subject to a completely different mode of decision-making. The economic policies of the Member States can be subsumed under the joint jurisdiction of the state and the European Union. However, they are not the power of classical shared responsibility. Specifically, Member States are required only to coordinate cooperation among themselves and with the EU institutions. In this way, creates a completely decentralized system of decision making and minimal participation of the Union and its bodies in the formulation and implementation of these policies¹.

Here it could be about transformation, ie, the moderate reformers who are working to solve individual problems such as migration, trade and income inequality, necessarily losing the battle with the politicians who question the system itself. In a way, the radicals are in this case right. Responsibility for the loss of «good» jobs in manufacturing can not be

¹ Šmitran, T. (ed) (2016). Proceedings of the best master works of the European Union, the EU Information Center, Belgrade, 2016, p. 12–14, Accessed: 19/02/2017. URL: <http://europa.rs/images/publikacije/najbolji-master-radovi-eu.pdf>,

transferred to immigration, free trade or technology. But, the fact is that these vectors of economic competition that contribute to the overall growth of national income does not necessarily have to distribute profits in a socially acceptable way. In addition, we need a more broader intellectual revolution in attitudes toward government interventions that affect the outcomes of social and economic structures. Market fundamentalism hides a deep contradiction. Free trade, technological advances and other forces that promote economic «efficiency» to justify the usefulness to society, despite the fact that some workers and some companies evident harm, explaining that the growth of national income recipients you to compensate those who found themselves on the losing side, so that eventually no one will be at a loss¹.

Looking at today's radical and national societies and their beliefs, ie., Advocates progressive policies, which you should ask yourself the question? Why the idea of a unified Europe is stagnating? First of all because of unemployment and forced migration within the EU. The increasing rise in unemployment, is reflected as price poor quality of investment in the territory of Europe, pointing to austerity measures and oligopolistic forces, which are jobs in Europe concentrated in those economies, which in the era of deflation resulting products surplus. Migrations are a product of economic necessity on the European periphery. Most citizens of Greece, Bulgaria and Spain to go to the UK or Germany, certainly do not go there because of the climate, but also because of a better existence. Electric fences and withdrawal to embrace the nation-state will not improve the lives of citizens of the United Kingdom and Germany. This can be done only create acceptable living conditions in all European countries. That is exactly what we need to revive the idea of a democratic, open Europe. No European country can not sustain prosperity if other Europeans in a chaotic depressed state².

Since the trade today operates in an irregular way at the global level, and in many cases at the national level. Setting up such a trend does not represent a solution, nor isolationism, because the poor were deprived of opportunity, which they store provides. Managed well, the international trading system, millions of people can get away from the misery. Conversely entire economy will be even more marginalized of the world economy. That's why we need a new world trade order, based on a different approach to rights and responsibilities, and that it is committed to the achievement of globalization in favor of the poor.

By connecting Croatian, 28 Member States, 07/01/2013. The European Union is well prepared to absorb new problems or instability that may arise. From the beginning 21st century Union is facing a temporary crisis, but what is common to all of them, is that, before the one fixed, the other already taking hold. For this reason, a systemic crisis is the best definition of the situation in the European Union. The systemic crisis, in which they have grown numerous insoluble situation in the past 13 years requires a comprehensive solution. This solution would be to use all the positive sides of the process of integration and means to change what they regarded as the European Union. The Lisbon Treaty, but the crisis enabled the dominance of intergovernmental agreements and dominance of their way of adopting decisions. For the sake of the need to rapidly is being operated in times of crisis, the European Commission, meant that is being operated in such situations, marginalized by the European of advice whenever it was possible. Therefore, come true, the assertion that the EU is not formed to cope with the crisis. The constant dynamic development once

¹ *Kaletsky, A.* The crisis of market fundamentalism: We need even more comprehensive intellectual revolution, Accessed: 01/24/2017 URL: <http://thebosniatimes.ba/clanak/7136>.

² *Varoufakis, Y.* New Deal for Europe, Copyright: Project Syndicate 2017 A new deal to save Europe, Social Europe, 01.25.2017. Translated by Djordje Tomic, Accessed: 30/01/2017 URL: <http://www.6yka.com/novost/120093/yanis-varoufakis-nju-dil-za-evropu->

the European Community, now the Union is reflected in the continuous present reconsideration of the objectives, methods and means of how it should implement the goals. In addition, internal changes mode of action of institutions, but also their position in the system, make the Union subject to the occurrence of, or the survival crisis. After the failure of the Treaty establishing a Constitution for Europe, the question of the politicization of the process of European integration is becoming as important as finding possible solutions to the crisis. Create the Union along the lines of elitist approach, enable economic results now, and policy operations. The systemic crisis has shown that European integration can no longer tolerate avoid politicization of its key problems¹. Today, new and deeper rifts created between Russia and the West and, viewed objectively, justified the presence of fear to them in the near future we will fail to close, regardless of effort. No one should underestimate the problems that we face in terms of that, especially taking into account the numerous crises in the east of Ukraine, Syria, Libya, etc., At a time when we are not immune to new conflicts and further obstacles. Only one thing is certain: if we do not try, peace in Europe and beyond is in crisis. Therefore, we must focus on what it teaches us a truce: no matter how deep the gap, we must continue to build bridges².

CONCLUDING REMARKS

The current Europe is facing perhaps its greatest crisis, in the political system, and a Prosperous economic, since the creation of the European Union. Looking back a decade, you can see many of the problems that created the crisis in the EU. It is a truly great political crisis, which has caused Great Britain to leave the EU makes a precedent, which entails new crises and that, if Scotland started the same way that the level playing field with new referendum separate from Great Britain. Still makes the political crisis is that the possible arrival of right-oriented political parties to power in France and Germany, and if it happens that right wins, promising that France would get out of the EU. Long-standing problems in the debt crisis of Greece, which agreed to tough conditions and savings in order to show that the reconstruction of the economy, and thus earned himself more financial assistance. How long will it take so remains to be waiting, but any chance that Greece leaves the EU, this would point to a major political failure, with possible destabilizing consequences. All of this tells me that Europe is back to prehistoric times, respectively, in the tribal convocation. The question of democracy in Europe is certainly one of the major problems which occurred at the beginning of the 21st century, which is a product of the political party system, which has so far functioned and fell into a situation of powerlessness. Indicating that time functioning mass parties and of democracy is over, so it creates a new problem of those who want to create a new government. Referring to the issue of monetary policy of the EU, this could be said that the situation is somewhat better but still there are fears for its collapse, pointing out all already seen the problem that there is no Europe. Reminds the problem between the EU and Russia, caused by the penetration of Western European countries to the former Soviet Union, however, this problem is viewed as a possible threat. And in order to put an end to «and» problems that destroy this present Europe, are migrant-refugee crisis, for which the EU currently has no solutions, nor will it have any time soon. At first glance, we say that this crisis migration does not look so dangerous and fatal. However, there is a large number of migrants, who are first and foremost, must legally implement the system, respecting the legal policy of certain countries, in which they are located. It is known that

¹ Šmitran, T., p. 18

² Steinmeier, W-F. Arms control in Europe: Security is not a game where one draws the short end, Accessed: 01/24/2017. URL: <http://thebosniantimes.ba/clanak/5481>,

in Europe there are more than one million refugees, for which the EU is struggling to find the most acceptable solution. Apparently, based both Europe and the European Union are shaken, and as such, much more is reflected not less developed-poor countries of the Old Continent.

BIBLIOGRAPHY

1. *Kaletsky, A.* The crisis of market fundamentalism: We need even more comprehensive intellectual revolution, accessed: 24/01/2017 URL: <http://thebosniatimes.ba/clanak/7136>.
2. *Varoufakis, Y.* New Deal for Europe, Copyright: Project Syndicate 2017 A new deal to save Europe, Social Europe, 25.01.2017. Translated by Djordje Tomic, Accessed: 30/01/2017 URL: <http://www.6yka.com/novost/120093/yanis-varoufakis-nju-dil-za-evropu->
3. *Ilić A.* The crisis of the European Union, the rise of right-wing and left-wing response. Interview with Kevin Ovenden, Accessed: 19/02/2017 URL: <http://www.marks21.info/intervju/kriza-evropske-unije-rast-desnice-i-odgovor-levice-intervju-sa-kevinom-ovendenom>
4. *Šmitran, T.* (ed) (2016). Proceedings of the best master works of the European Union, Information cent ar EU, Belgrade, 2016, p. 12–14, Accessed: 19/02/2017. URL: <http://europa.rs/images/publikacije/najbolji-master-radovi-eu.pdf>
5. *Varoufakis, Y.* New Deal for Europe, Copyright: Project Syndicate 2017 A new deal to save Europe, Social Europe, 01.25.2017. Translated by Djordje Tomic, Accessed: 30/01/2017 URL: <http://www.6yka.com/novost/120093/yanis-varoufakis-nju-dil-za-evropu->
6. *Steinmeier, W-F.* Arms control in Europe: Security is not a game where one draws the short end, Accessed: 01/24/2017. URL: <http://thebosniatimes.ba/clanak/5481>
7. «All crises of the European Union in 2016». Accessed: 19/02/2017. URL: <http://www.dw.com/bs/sve-krize-evropske-unije-u-2016/a-36920834>,

СОДЕРЖАНИЕ

Екатерина Андреевна АНТЮХОВА

«МЯГКАЯ СИЛА» КАК ИНСТРУМЕНТ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ НАТО
В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В XXI ВЕКЕ . . . 3

Александр Анатольевич СЕРГУНИН

О СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУССИЯХ ПО ПОВОДУ РЕФОРМЫ ООН. 8

Ричард ВАЙЦ

ПРЕОДОЛЕНИЕ БАРЬЕРОВ НА ПУТИ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА ПО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЮ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ. 12

Юрий Олегович ТОЛМАЧЕВ

НЕПАЛЬСКИЙ ФАКТОР В КИТАЙСКО-ИНДИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА. 17

Ксения Михайловна ТАБАРИНЦЕВА-РОМАНОВА

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ КУЛЬТУРНЫХ
ОТНОШЕНИЙ ЕС 23

Ирина Анатольевна ДМИТРИЕВА

СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННЫХ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
В КАЗАХСТАНЕ 28

Евгения Викторовна ИСРАЕЛЯН

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
В СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ 32

Татьяна Владимировна ЗОНОВА

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ИНТЕГРАЦИОННОЙ ДИПЛОМАТИИ (НА ПРИМЕРЕ ЕС). . . . 37

Драган Радета ПЕТРОВИЧ

Райко Миланович БУКВИЧ

Иван Спасойевич ПАЙОВИЧ

МИР И БАЛКАНЫ В МНОГОПОЛЯРНОСТИ 43

Эдуард Геннадьевич Соловьев

СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ –
ВОЗМОЖНА ЛИ ДЕИДЕОЛОГИЗАЦИЯ? 50

Анатолий Владимирович ЦВЫК

ДИПЛОМАТИЯ «СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПАРТНЕРСТВ» КНР НА ПРИМЕРЕ
ОТНОШЕНИЙ С ФРГ 56

Константин Петрович КУРЫЛЕВ

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС: ПОСЛЕДСТВИЯ И ОПЫТ 59

Мария Александровна ШИЛОВА

ПРОГРАММЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБМЕНА В ВУЗЕ: СОВРЕМЕННЫЕ
ТЕНДЕНЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА) 64

Людмила Алексеевна НЕМОВА

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ
НОВОГО ТИПА 69

Екатерина Борисовна КУРГАНОВА

ПОБЕДА Д.ТРАМПА НА ВЫБОРАХ ПРЕЗИДЕНТА США:
ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ РОССИИ. 75

Алексей Геннадьевич ИВАНОВ

Булат Флюрович ГАЛИХАНОВ

ЮЖНОУРАЛЬСКИЙ УЧАСТОК РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКОЙ ГРАНИЦЫ:
ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ 80

Ольга Алексеевна ДОБРИНСКАЯ

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЯПОНО-АМЕРИКАНСКОГО СОЮЗА БЕЗОПАСНОСТИ:
РЕГИОНАЛЬНОЕ И ГЛОБАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ 85

Александра ДЖОРДЖЕВИЧ

ВОЗМОЖНОСТЬ РАЗВИТИЯ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
В XXI ВЕКЕ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ НА ПРИМЕРЕ БАЛЕТА НАРОДНОГО
ТЕАТРА В БЕЛГРАДЕ 90

Светлана Михайловна ГАВРИЛОВА

РОССИЯ И ИТАЛИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ СОТРУДНИЧЕСТВА
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ 95

Марина Михайловна ЛЕБЕДЕВА

ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ 102

Юлия Александровна НИКИТИНА

Игорь Юрьевич ОКУНЕВ

АСИММЕТРИЧНЫЕ КОНФЛИКТЫ В ТЕОРИЯХ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ
И ПРОБЛЕМА УРЕГУЛИРОВАНИЯ 105

Юрий Владимирович СИНЧУК

УГРОЗЫ И ОПАСНОСТИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ. 110

Павел Петрович ТИМОФЕЕВ

РОССИЯ В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТАХ ФРАНЦИИ
ПОСЛЕ 2014 ГОДА. 125

Сергей Владимирович ВОРОБЬЕВ

Татьяна Владиславовна КАШИРИНА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ
СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ 130

Наталья Владимировна УШАКОВА

ВЛИЯНИЕ СТАТУСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ЕЕ ВОЕННУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ 136

Вячеслав Петрович ЗИМОНИН

О СИСТЕМЕ БЕЗОПАСНОСТИ И СОРАЗВИТИЯ ЕВРАЗИИ
КАК ОСНОВЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ И РОССИЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 141

By Marco Ricceri

A STRATEGIC COMMUNICATION AT THE SERVICE OF A SHARED DEVELOPMENT
PROJECT BETWEEN THE EU AND RUSSIA. UTOPIA OR REALITY? 146

Zlatan LUKIĆ

POLITICAL AND ECONOMIC CRISIS OF EUROPE 157